Меня отправили на Закопосить, как исключительного человека, за мнимый их покой.
. . . . . Они луч яркого света в терновом венце . .

Моя статья не вышла. Сахалин, я расскажу правду, которая жжет нестерпимо хуже вашей каторги. Приехав в Ригу я тщательно пересмотрел все свои заметки, чтобы невольно не повторить чужое. Если же мои наблюдения, совпадут с сделанными ранее, это только подтвердит их правдивость . . . .

Кровавая Сумятица

После сорока пяти летнего изгнания, пребывания в самых культурных странах Европы, я в 17 году в конце сентября, через Англию, под непрерывной угрозой взрыва парохода немецкими подводными лодками, через Архангельск вернулась на родину. Она обрушила на мои отвыкшие невыносимо, долгие испытания. ... В продолжение четырех лет я переживала сверх человеческие муки, нервы не сдали, но стонала душа от гибели России, крушения всех заветных идеалов. — Кровавый скрип покров смерти спускался над страной, день за днем я ничего не теряя. по ограблению, нанизывая безобразными, пропитыми, мутными, кровавыми пробками — убийцы, воришки, садисты и садистки, осатаневшие истерички. А за ними плелась масса, безпробудно пьяных не потерявших представление о законах истории, революции, возмущенная и невозмутимая слепо довершающая сумбуру, построенному на идеях Маркса —, не предвидя поразительных сюрпризов завтрашнего дня..

Никто не догадался что очень скоро Советская власть окажет неоценимую услугу пролетариям всех стран показав Карла Маркса на практике — явит миру крах нелепицы в истории. Не присоединяюсь к горящим и осуждающим крикам: * Пролетарии всех стран соединяйтесь. Когда как настоящий крик сознания будет: Пролетарии всех стран разъединяйтесь.

И мне хочется оглянуться на грани сделанного и спасая себя твердо неустанно: Великая, загадочная в своих крайностях, страна не погибнет коснувшись дна позора, невозможных ужасов крови...

претерпѣть невѣдомыя міру испытанія, она восплачетъ (такъ ея высоко какъ никто пала ...

Я твердилъ себѣ: Ты долженъ довѣсть до конца свою трагическую скорбную миссію.. ты принадлежишь къ вѣчному грозному трибуналу міровой прессы.. Стоящая вне сомнѣній искренность, пламенная сила слова, описательная страсть маски, диктуютъ тебѣ достойныя публициста призванія.. Въ мукахъ и слезахъ, кровью сердца, ты возстановишь нарушенныя Нравственные Законы. воскресишь умершую совѣсть, ты духовное воплощеніе ....

II

Прежде чѣмъ приступишь къ картинамъ ужасовъ ужасовъ, семи гонцамъ Ярости, выслушать на голубиныхъ ангелами страшнаго суда ихъ грозныя трубные звуки.. я долженъ предупредить, что на этихъ листахъ, не примѣшивается ко лжи правдивыя описанія.. Во вниманіе къ моему сорокалѣтнему труду изученія и безпощадной борьбѣ съ старыми рутинами. Совѣтская власть ни разу не допустила въ отношеніи меня, малѣйшаго насилія.. Я писалъ о Москвѣ въ 17. и 18 году. очень тяжкія статьи противъ: Дыбенко, Троцкаго, Ленина... ни разу, она не вмѣшалась ни въ мои. даже во время ужасовъ ни одного слова, ни разу не испытывая я отъ нея ни малѣйшей непріятности. вопреки всѣмъ моимъ ожиданіямъ Москва Троцкаго.

Я не остановлюсь на Кровавыхъ, превосходящихъ всѣ подвалы цѣлыя библіотеки, уничтожившихъ слѣдствія тайной ликвидаціи.. Стоны Граф разстрѣлянныхъ, изъ трупныхъ офицеровъ, и вырѣзанными, лампасами.

Отрѣзали не только ноги но самую ихъ часть и отправили Москву...

погонами и просверленными по углам мест звездочками, с перчаткой с распаренных рук уже давно посланы за границу и ~~жандармские~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~, не успевшие вместе обвенчаны газеты всего мира.. Полный сладострастия садизм стал для всех неоспоримым

Я глубоко верил в ~~[illegible]~~ во всеобщую мировую, ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ я добивался ~~[illegible]~~ строя, ставшего уделом передовых стран .. Комиссарье бесчинствовали в Москве и в особенности в центральной губернии, в провинции ~~[illegible]~~ далее в одной губернии, конечно повторялось с небольшими вариациями и в остальных .. Трагедия разыгравшаяся на моих глазах над ~~[illegible]~~ ближними мне, убийственно напоминала трагедии других губерний ...

По возможности подавляя чувство негодования, буду перечислять все что видел, слышал, тщательно проверяя .. ~~[illegible]~~

Либералы, радикалы, социалисты, революционеры, в самом начале большевистской Советской власти, с презрением, отвращением, отвернулись от нее. Как мухи разбитые, они ~~[illegible]~~, ясно почуяли, когтистых лап агентов провокаторов напущенных Кайзером, быстро сообразили, что в ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ~~[illegible]~~ ничего идейного, искреннего .. Советская власть позволит народу захватывать чужую землю, разносить награбленное Советской властью по-

(творили самосуд) строчки имена ввиду разворовывания частной собственности, всей движимости

в скорости кровавых расстрелов всех комиссары всюду так любили дошли до того что грабили и разграбляли великолепных экипажей, породистых лошадей, скота, мебели, платья

белье, золота, серебра, ценных вещей, стаскивая ~~с~~ с рук женщин не только обручальные кольца, но и обручальные кольца.

Они ~~утопили~~ ~~в крови~~ ~~тысячи~~ ~~в~~ в старом режиме, ~~в~~ ~~в~~ ~~в~~

Монархи Англии, воспитавшие о братстве народов, мире, преступности войны даже с беспощадным врагом, начавшие кровопролитную войну, безумно молящуюся в конце концов самих погубить и безоружными городами и селениями... Вместе с тем почва заколебалась под ногами стали мобилизировать с чугрозой расстрела дезертеров, преследования и обыски в домах их ни в чем неповинных родителей; но несмотря на все крестьянство, рабочие и народ не переставали все больше и больше бежать с фронта, или уже сдавались целыми полками неприятелю.

Не стану напоминать мягкости, так как маленькие ошибки можно погубить, опозорить неправильно обвинивши, а предоставлю старому приему бурную волну когда при обвинении опирающемся на неопровержимые данные приговаривали к позорному столбу, каторжных злодеев, палачей предавших, продавших, разорявших, чуть совсем не погубивших многомучную Россию...

Первые дни революции были встречены страной восторженно, что были дни свободы, братства, любви, солидарности...

Первые ядовитые змеи, проникли между красными розами когда началось растление армии митингами, уничтожением дисциплины, судов надзиранием и пропагандой была известная доктрина грабежами, убийствами, самосудами, никогда в мире недопустимыми безобразиями над землей...

Сотни тысяч земледельцев, ни в чем неповинных, были сорваны по одному, в конец разорены. За ту собственность, которую они так долго строили, народные и рабочие массы. По всей стране за мелкие кражи сосланы, присуждены, только за тяжкие преступления владение

купленным платьем, как бы оно плохо ни было, никого не считается преступлением... Что же заставляет людей работать из всех сил, выбиваться, идти на все жертвы, чтобы дать детям воспитание, как не собственность, желание [сохранить] ее [увеличить] передать детям... Если нет забот о завтрашнем дне (что ждет его или его детей), если [все] будущее в руках первого встречного, [то] вся [жизнь] превращается в [бессмысленную] игру... Спасти всех богачей нищими, чтобы потом спасти снова богатыми, раздать их имущества пролетариям всех стран не решение социального вопроса, но грязная пошлость. Точно [с] уничтожением [частной] собственности, борьба за существование [между] людьми [исчезнет]. Свободное [соперничество] в области [труда], [основанное] на [частной] собственности, [создало] в [этих] областях [ужасающую] нищету – [рядом] с [самыми] чудовищными богатствами. [Уничтожение] привилегий [наследования] имущества [уничтожит] [свободное соперничество] и [вместе] с ним [и] [все] области труда, [основанные] на [частной] собственности, [превратит] [их] в [такую же] пустыню, какими [они] являются [теперь] в [России]. Экономисты, [которые] [не] [видят] [дальше] своего [носа], [не] [понимают] [этого]...

Этого дикого варварства, бывшего [еще] [недавно] в ходу, [не] давало права на убийство и грабеж...

Большинство [нынешних] законов: [уголовных], [полицейских], [гражданских], которыми пользуются христиане, [относятся] [к] [древним] [законам]. Они [все] [еще] [проникнуты] [духом] [мести], [жестокости], [варварства]. Христиане [до] [сих] [пор] [не] [освободились] от [этих] [законов]. [Они] [все] [еще] [далеки] [от] [христианства], [как] [небо] [от] [земли]. [Христиане] [все] [еще] [живут] [по] [законам], [которые] [были] [написаны] [для] [людей], [живших] [за] [тысячу] [лет] [до] [Христа]. [Они] [все] [еще] [руководствуются] [законами

мирный. внезапно, истребляется рода человеческая с помощью несметных до наших дней употребляющих орудий с неба и земли. И не слыхано ни в какую сварливую эпоху путем обмана и насилия и опыта в хитрости с таким бесчеловечием, как будто [illegible] за цивилизацию

Германское правительство начало беспощадно истреблять за цивилизацию в войну, в продолжение трех лет отвлекавшую на все фронты миллионы немецких солдат, чтобы прежде всего обезоружить окрепшую, осуществившую, индустриальную силу, нужно было устроить так, чтобы вперед она не увеличивалась...

Условия брестского мира, тщательно скрываемые постепенно выпускать наружу, подобрая красками, омерзительны... Вот планы, вселенные, лесистые и корнистые, выходили постепенно мрачно наружу и передали их с скрупулезно погибших, не слушая кровавых красок... Я сконцентрирую все вселенные все планы в продолжение целого года... Кайзер и военная партия [illegible] во всей ее [illegible]

Началась [illegible] спекуляция на народную нужду, безграмотность, [illegible] ... составили напряженную карту, которая уже не спасла Германию от полной гибели... Ксения скажу, что после [illegible] Германии, я со скорбью нашел неграмотное население, в том же человеческом отношении и нравственном состоянии, в котором его оставили, скорее они отстали одичало... Когда Советская власть [illegible] отсутствие всякого регулярного войска, группировалась [illegible] с неутомимой [illegible] свои [illegible] карманы. Германское правительство, стадо [illegible] слепо и быстро, еле, еле [illegible] маскою, оно неудержимо [illegible]: „Растягивайте уполномоченную армию, вступайте ей на помощь матросов, чтобы она стала [illegible] для [illegible] помещиков и состоятельных крестьян, разоблачивай их постройки; скажите ей [illegible]

крайне немногосложной, что на душу придется по двадцати пяти десятин, в горелах она забудет, что двухсотка и маломошная обрабатывает двадцать пять десятин в ~~год~~ перархитектурная деляна и без батраков. Это обстоятельство должно быть нам знакомым в России, давно известно, что если подчинить всю землю английской и Европейской России со всеми ее угодьями и пастбищами пусковыми, на человека умеющего и сильно обрабатывать всю землю вреда не придется – одна десятина....

Научите натравливать солдат на офицеров в армии (матросов во время) в рабочих, пусть избивают их, без всяких военных чинов и офицеров, армия и флот – негодное стадо, нам не придется даже сражаться, но по простому их истреблять. На этом не останавливайтесь... Зачните по всей России междуусобную резню, пробудите калина, навербуйте армию из отребья, грубых рабов, подкупайте их большим усиливанием разорять в конец Россию, сфабрикуйте булавинщину без отца. Красной армии дайте возможность грабить, насильничать, надругиваться над безоружным населением, только этим путем Россия потеряет свою полезную силу. Из всех партий беспощадно всех преследуйте кадетов, они за сотрудников и способны создать свободный строй, законное настоящее правительство.....

Нам ударов не занимать, мудрец стратегического порядка, правительство турецкой страны, отмстительный так (адмирал) Кедуше не имел героев-бунтарей – мечущихся в потемках, не предвидящих завтрашнего дня, ребяческих в политике, фундаментов в социализме, не имеющих представления о возможном и невозможном – но убедился что нам необходимо ... и Германия прежде всего, выше всего ...

Украину и всю кухню России, после крайнего истощения, между усобной бойней нам придется отнять, не скрываясь, что разумный виденей побудительным для Украины опыт Австрии, для упрочения наших побед в ~~Германии~~, ввиду полного ослабления

России. Корень России нужно-нам как христианка, поставщика всего необходимого.

Доведите ненависть народа до крайнего абсурда. Ломайте не обум, зря все вековые укоренившиеся глубоко в народную душу устои. Громоздите бессмысленные вам лозунги, захлестывайте словом, безумие безумием, загаживайте стены домов декретными листками, которые безжалостно сбивают, ранее чем бумага от непогоды.

В корень России, Украйну мы безжалостно и скоро истребили вас дикарей, бунтарей...

Возбуждайте всюду: воруйте, самосуды, грабежи, убийства, травите все состоятельное богатое, разорив их вы готовите обнищание России. Подло, разбойнически переложивайте все грязные из карманов знатных, жирных опытных людей в карманы хулиганов, проныр...

Безконтрольным, абсолютно неумытым, правителем, сводите рубли до копейки остановите сумасшедшими цифрами все коммерческие предприятия, запугивайте имущих, уничтожайте некогда огромные бумаги, мы скупим их за бесценок, в свое время понизьте сотни миллионов. Отказывайте как последние долги и верные государственных долгов. Поднимайте против себя все цивилизованные страны, они раздавили вас за долги. Преследуйте животворящую силу страны, ее мощь, светлое будущее - интеллигенцию, которая гибла в Сибири, в тюрьмах, на эшафотах за родину за свободу, рассеивалась самодержавием и в конце концов победила. Уничтожьте буржуазию, так недавно пользующуюся почетом, создавшую бесчисленные благотворительные учреждения, галереи Третьяковы, целые горы капиталов. Вот следствие. Когда мы вышли победителями из сражения, стали полновластными, мы заставили вас грабить богатые церкви, сдирать с икон золотые и серебряные ризы, таящие в себе драгоценные камни из вековых икон, разворовывать драгоценные раки, мы осквернили наши храмы лишили ценностей. Из русских церквей сделали вертепы, в продолжение веков - бесчисленные сокровища, а мы в конец разорили вашу

...сторонившемся старого, мы уродливо ... сего с нахлынувшей в литературу стихией ... стремящегося, до сумасшествия ... пролетарского – пресного – диктатуру большинства... Мы уродливо ведут наши банки, фабрики, заставили на них работать побежденных, они сидят в наших рабочих, и всю революцию ... Если крупно не дать колонии, они вскоре, нам не уходящим пайщиком обогащусь, мы в конце потеряем наши позиции...

Великая Россия стала для нас Лазарем, мы воскресли. Золотое руно, мы ... разработали ее, но только разрыли ... они сами ... В недрах ее скрыты (сокровища) (ценности). Мы пригнали порабощенных (колонии) Украине отсталых, грубо количественных соседей к старому порогу, на уделение сопротивления, понимать, что дворец и его можно украсить сидеть, выкрасить, вырезать по фольклорным, небольшевистский темперамент, отучить от карака курных наш национальных – революционных мечтаний ... мы передадим им наш европейский цивилизованный их сатирикам названия – "мальчики без штанов", "вкрутит культуру", пригнали свою ... осужденных ... подстригать ногти разрушенных городов, пригнали ... не пользовать в плане ... в расчет колоссальное население. Он находит ... их дешевую рабочую силу, капиталы, обучить их ... современным названиям ... ручной ... публике, ... отцов ... в муках и слезах матерей... Мы превратили их пригнали – (вернули) (отсталыми) – в великий ... Мы в Корее в городах ... Но населения, культуры они не дорожат, они дикари, варвары. Способны при первом ослаблении ... (в) глотки друг, перерезать друг другу горло, не разработать ... (возрождая их) (в) (Европе) (в) (Америке) (в) (Азии) (в) (Африке) (в) (Австралии) (в) (Океании) (в) (Антарктиде) (в) (Арктике) (в) (Космосе) (в) (Вселенной) (в) (Бесконечности) (в) (Вечности) (в) (Небытии) (в) (Ничто) (в) (Пустоте) (в) (Вакууме) (в) (Абсолюте) (в) (Относительности) (в) (Квантовой механике) (в) (Теории относительности) (в) (Специальной теории относительности) (в) (Общей теории относительности) (в) (Квантовой электродинамике) (в) (Квантовой хромодинамике) (в) (Квантовой гравитации) (в) (Теории струн) (в) (Теории суперструн) (в) (Теории М) (в) (Теории всего) (в) (Теории Великого Объединения) (в) (Теории Великого Объединения и Гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации и Квантовой механики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики и Квантовой электродинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики и Квантовой хромодинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики и Квантовой гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации и Теории струн) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн и Теории суперструн) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн и Теории М) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М и Теории всего) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего и Теории Великого Объединения) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения и Гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации и Квантовой механики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики и Квантовой электродинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики и Квантовой хромодинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики и Квантовой гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации и Теории струн) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн и Теории суперструн) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн и Теории М) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М и Теории всего) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего и Теории Великого Объединения) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения и Гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации и Квантовой механики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики и Квантовой электродинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики и Квантовой хромодинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики и Квантовой гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации и Теории струн) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн и Теории суперструн) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн и Теории М) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М и Теории всего) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего и Теории Великого Объединения) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения и Гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации и Квантовой механики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики и Квантовой электродинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики и Квантовой хромодинамики) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики и Квантовой гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации и Теории струн) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн и Теории М) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М и Теории всего) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего и Теории Великого Объединения) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения и Гравитации) (в) (Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации, Квантовой механики, Квантовой электродинамики, Квантовой хромодинамики, Квантовой гравитации, Теории струн, Теории суперструн, Теории М, Теории всего, Теории Великого Объединения, Гравитации и Квантовой механ

...ровья в силу таинственных судеб, возвратившегося в Россию императора Александра I, Наполеона, Екатерины II, Пугачевщины, Французской революции, Отечественной войны и многих других событий, которые, казалось, должны были не возвратиться, а между тем возвратились, устроились и даже в большинстве не изменились, за исключением разве седых волос, морщин и кое-где появившихся вставных зубов. Мы, русские эмигранты, возвратившиеся в Россию спустя 13 лет, как говорится, с корабля на бал, с большой поспешностью начали повторять Республиканскую конституцию на все лады и, конечно, с теми же самыми результатами, с какими наши предки, не подозревавшие о существовании Америки, пытались ее открыть.

Пресмыкающееся, ненавидящее Россию больше всех на свете, Германия, конечно, не могла не воспользоваться этим обстоятельством, чтобы отравить Россию, как она отравила Францию, Англию, Америку и все страны, где только существовали ее агенты. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить.

Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить.

Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить.

Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить. Германский агент был настолько ловок, что сумел отравить даже Японию, которую, казалось, ничем нельзя было удивить.

маловлив
Какой такой поведенья коснулось бы каторги ; . . . .

Когда я на воле собственными глазами видел комиссаров разбалмошных в ворованных экипажах на ворованных рысаках, в ворованном быстрящем костюмах с драгоценными перстнями на грязных пальцах, стоящих сзади с револьвером в руке и с циничной осанкой победительных хищников, когда я видел их квартиры меблированные ворованной роскошной мебелью я думал : при таких попойках и меблировках у власти бы невозможно очень продолжительно каторги .. Как все изменилось под солнцем и луной .. Я спрашивал себя Я ли я сам сошел с ума или мир только кажется. или вся моя родина как страна неожиданностей переживает злосчастную бывшую горячку от перепоя . . . О Боги какая Совпитская революция ослоумила !!

Меня очень интересовало почему полицейские и вообще жандармерия не имеют права иметь законным образом приобретенное имущество тогда как комиссары и прочие представители Советской власти могут — спокойно владеть отобранным от чужих все необходимым. Такой огромный выгодный и почему такое заблуждение относительно (все мы, мечтающие об отрицании собственности) .. Спокойно вижу я бывших людей с ножами в руках но когда отрицавший собственность, но они инстинктивно за нее попадают в средневековье ... Карла Маркса они не предугадывали

России коснулась она потери, унижения, но не свободой приобретения и умней думаться ... Из истории зло с нашей точки зрения может стать — добром, спасающим и обновляющим человечество ... Из истории все хорошее — жертва неудачливых просить, покупаться

мужественно

Исторический опыт учит, как каждый закаляется от тяжелых ударов....

Немецкому народу тяжкую школу прошла Россия, но ее нужно было пережить иначе, мы вряд ли бы поняли, что такой сильный могучий удастся... (Мы открыто шли за Горьким в борьбе за социалистическую революцию, когда [illegible] Свободное будущее, „великий" [illegible] молодой

Великая французская революция изменила мир, ее бурное знамя пронесло в веках, увлекло все страны. Мы в XX веке свершили миссию великих революционеров, неслыханную в истории, мы совершили без мир эпоху социальной революции, [illegible] пока еще

Знаменитый экономист мировой экономики и политики Эдгар Жак в Париже написал книгу „Мировая война", в которой предсказал неизбежную гибель Германии, и это не математическая, а экономическая. Как в русско-японскую и Первую мировую войну разгром России был ближе всего к гибели самодержавия, 1905 год, так и теперь Германия, гибель которой могла бы спасти всю Европу от пролетарской революции - создание будущего... [illegible] перестала интересовать... Но спасибо французским [illegible] Германии: французские империалисты всеми способами мешают, другими словами: вопреки справедливости пытаются, подавляя XX веке средневековыми планами - владычества и всесильную порабощенность, кредитом фактически на гибель, заливая мир кровью и сами неизбежно захлебнутся в крови.

Настоящая война „смертью смерть поправ" сказки не похожа, [illegible] государства и эти [illegible], военное могущество, сталкивающий под свои империалистические и чуждые народности, сидя на сцене, напишет

кова. Время достигнет XX в. создаются независимые народности, с демократическим строем на началах мировой солидарности. Последняя война навсегда покончила с нею. Наука открытием управляющих сферой истребления погрузила ее навеки. Повторится ли и хранимые люди с высот небесных, заполнив небо бисерно планеты, всеразрушающими, сеющими летущими уничтожающими снарядами огонь земли, превратят семь смертных чаш апокалипсиса в трубные звуки ангела смерти. Придет ли будущее свободное мирное человечество должно будет подвергнуться такой всеми участи. Вильгельм протестовал за национальную страну. Если бы часть моих мыслей и мне была одна только не хочу войну, в этом смысле я бы ее не начал. Но таинственные силы продолжали четыре года гнобить человечество.

На то время Германия выдвинула прогрессивную идею объединения побежденной монархическую, милитаристскую страну, но став победительницей стала таиться готовиться быть победителем. Не смотря на внешнее миллиардное, роскошное внутреннюю военную организацию, крупповские заводы и развитые империи стали быстро разлагаться в государственном организме Германии пошла по пути одичания. Шиллер, Гете, Кант, Лессинг, Гейне, Бурне и прочие гуманисты были забыты, в кафедре не только Университеты но и церкви стали раздаваться кощунственные, человеческие, ненавистнические речи. Стремление австрийской души сменилось звериной и гнусной и жестокой жизни. Германия в продолжение сорока лет в небывалом масштабе планомерно перестроила психологию окружающих стран, психологию войны. Буржуазные высказывания кабинетных ученых стали заключать уже они уже не могут побеждать

спустить, неисчислимых осиротелых ... Злая сила [illegible] в тяжелую борьбу с идеалами мировой эволюции ... Демократическая республика вместо конституционной монархии ...

Предсказать с точностью ни одна из воюющих сторон не могла. России и Германии [illegible] было невозможно. Они предсказали скорую [illegible] смерть, трагическую гибель: сибирские власти, посторонние, испуганные, убитые, грабежи, опустошенных стран, у которых в тылу не [illegible] человек осиротелых [illegible], а пушки и каменья за ушами. В первый год она стала [illegible], разгадать, ее [illegible] стало ухудшаться [illegible] по [illegible] ... Тьма, кто и грязь были ее [illegible] и эта потопит ее, [illegible] в крови и грязь. Расправа будет такая же ужасная, как она сама. .....

Москва

5 марта после приезда в Москву, в самом начале моей советской власти я написал в петроградской „Ниве" статью о Минске сначала и для я привел на сорока-метровом полотне, Статья была редакцией сильно, очень много выкинута, возвращена мне без выпусков и смягчений ...

„С какою радостью вновь, безоглядно, безудержно встретило Россия свободу ... Всюду братски обнимались незнакомые друг другу люди, стихла вражда партий, все предали гражданской работы ... Замученные в мрачных тюрьмах, в полярных пустынях Сибири, вернулись со страдной, честной, широкой общественности и Свобода на всех путях нашла, пробудила огромную силу энтузиазма, созидательных знаменья. открыла ... С гордостью прочли в Париже: конференцию надо, в похоронах царя революции „ Врем. правительство, давшее нам свободу, само свергнуто, но чудесно - невероятное чудо было совершено. Зрелище было величавое, грандиозное по организации, глубоко трогательное по чувствам охватило массы ... С раннего утра до позднего вечера прошли мимо гроба, полтора миллиона людей со оркестрами музыки, бесчисленными хоругвями и не одного несчастного случая, все повиновалось - магическому чувству руководителей, которого чуть не хватило ... Великое будущее предстоит этому строю чудес, организационных неожиданностей ... „

Но не прошли мы великости взрослых мужских рублевых сапог, через 6 лет. Благодаря Советской бумажной они дошли до 500 тысяч рублей, плоть пущенного в практику Минска, как туда разверзлись во всей красе пасынки Европы - конницы Буденного ... Конец бесчувственных врага обнаружили полное, предательство отказали по

всему строю, создали всю массу разрушения и гибели... Начиная с 1825 г. и кончая
шутка, по инициативе Зверинца, варварской системы управления
в тех немногих по строю и хронологии, которые [illegible] Декабристами
на народ крестьянства пал удар, стащивший с пьедестала высшие сферы и
сословных перегородок, вместе убийц, мучителей... По всей России – вопиющая нищета,
отмена самосудов... Декабристы и последователи на строгих каторгах, острогах, в
складах и пригородах [illegible] парализовали перспективу, потеряли энергию, в мирных сношениях
и интересах [illegible] от необходимости захватить частных жизней, но убеждения
освященные традициями... Историческая жизнь [illegible] Христа, Христианство,
новые времена [illegible] в преображение, первых мучеников за свободу мысли
но на этом не остановилось, [illegible] освященные [illegible] свободы,
цитаты начали новую [illegible] свободы: светлая светлая свобода мысли.
Великие [illegible] и свята [illegible] слово". Радостно и [illegible] в [illegible]
Маяковские... Начались стихотворения, касающиеся на [illegible]
самовольные не только денежки но и жизнь, арестов, [illegible]
необходимых признаков... Наука и наука повторяет политические [illegible],
не хронов [illegible], не хронов [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
достоинство нашего [illegible] должны [illegible]... Если [illegible] должны [illegible],
судьи [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
жрецы их приговоров [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

"За что мне [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
храмы [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[

Это лето ознаменовалось террором, с вырисовывающимися третьим, костлявым скелетом и. Взметнул клич: «Да здравствует: свобода, равенство, братство,» появились баррикады Июня, грозный стон за Россию пронесся: «Рим бурлит, гракх!» и левая и. перь, социалисты кричали: «Наши!», Ледрю-Роллен... Мы тогда великолепно хоронили усопших, но мы позабыли подвести итоги, невинным безвременно усопшим, сибаритство всей нации, во всех слоях России они ныне так называемой революцией, бурно его нарушают революцию... Не это ли нужно считать за усовершенствование...

Во Франции во время революции облагороженное подполье на очередную высоту масс, впитало в гипнозе первых кровавых убийств, в ней у нас немного напоминающий гимназию, кадетский оркестр...

Если этот горячечный бред, хронический характер, вечно неспокойных революционеров, отдаленно пустить себя куда-нибудь... Вся гробь Франции подземной деятельности...

Сорок пять лет я страдал от разлуки и родины, бродяга, теряя кровь свою не уставая в творческом режиме... Мои сочинения преследовались даже за границей. Но наконец настроили нашего правительства. 1885 год я был изгнан из Франции за брошюру «Александр II и свобода», за его перевод на Итальянский (с французского) письма и текста Михаила Бакунина. Русское правительство, требовало моей выдачи от Франции, но свободная, благородная правительство Карно Михаила, я чудом спасся от ареста и высылки... Позднее [illegible] Франции по Каиру, Франция правительство потребовало выдачи, я по упорному желанию сам выехал, снова был изгнан за брошюру «Лавры и Вы»... Я не возвращался до 1893 г...

русский богоразумный только тогда, когда мои сочинения появятся будут в России... Я дождался того, чего не могли дождаться мои предшественники писатели... Через Ледовитый океан вернулся я на родину... Эмигранты и я пролили слезы радости и умиления. Завидев родные берега... Мы тогда больше были взволнованы нежными врагами не увидеть родины, но после всего того я увидел я и многие эмигранты наверное горячими глаз наших не покрывались, в глубинах Ледовитого океана подводные немецкие лодки. я

Я был свидетелем завоевания Москвы - советской власти... Завоевать было не трудно она имела пулеметы, снаряды... Защищавшей столицу, воору женные были больше всего, благородным негодованием, пресечь [illegible] власть [illegible] России. [illegible] плачем в истерике тем завоевателям, самых недостоверных догадываться тем завоевать во славу кайзера со всех пушек канонерок.

После победы над безоружными, интеллигентами, стали выступать все [illegible] мелкие немецкие правительства. Его Азевы стали во главе движения и воспоряжаться по всей линии. Они высмеивали учительство. Дисциплинированы - митингами... Начавшаяся обитая из пушек армия, быстро пошла на убыль, ее пришлось бить в деревне, знамя чужеземцев... Начали восстанавливать земельный люд, вступать на водки, к безвозмездному захвату земли. Привыкли к грабежам, и вскоре самосудам... Разнуздавшимся грабителям не приходило в голову, что настоящая государственная власть, по причине не может на минуту допустить грабеж... Пожалуйста. Мексиковская тройка начала переписываться с ругательствами по матерному, почерк ее стал похожим на отдаленных местах...

Кличка „буржуй" сконцентрировала в себе все невообразимо нелепые, несуразные ровно ничего не объясняющие ... Люди еще вчера бывшие в почете, которыми гордилась наша страна, люди свершившие славу добрых дел, создавшие огромное количество благотворительных учреждений, не оставившие никакого следа, сразу будучи взяты в тюрьмах уголовные преступники подпали, кровопийцами, стали бранной кличкой ... разгромлены как стало обладателями и для советской власти и для пролетариата

бывшая в обществе неврастения, игнорировалась - отрицание великого социального лозунга слова „буржуа" „быть богатым еще не значит быть буржуа, многие изнеженные социалисты люди богатые, понимающие, что отдача имущества пролетариату, полезна, не решают на волне рабского вопроса ... Может быть назван „буржуа", только тот ненавидящий рабочих, народ, большевиков, истинный буржуа с звериной злобой в самом гадком значении этого слова .....

Вся роковые ошибки, незнанье, абсолютные нелепицы, сладились с быстро лишь нарастающим усилием, свалившимся на буржуазию.

Вспыхнула понятная борьба, с исчезающей распутицей, инквизиторской охраной погибших лучших людей России, кончилась, надругавшись над сдавшимися, безоружными. Начались подлые, гадкие, замаскированные оковы, истязанья беззащитных, совершались, любо мстились, души долгого пролитая, порождённые нелепыми условиями, окружающей среды ...

Вспоминаются злодеяния, шестидесяти лиц, скончавшихся в крепостных стенах и забывается злодеяние совершенное за все Пугачевщина ...

Но большевики напугали темные массы на преступления, не останавливаясь не отдыхая пошли далее ...

Мы в побежали в Петроград, началась братоубийственная борьба в Москве

[illegible] Мучительные испытания приготовили многие годами... Я перешел бойню, брат шел на брата... Шесть дней и ночей — сердце России [illegible] истекало кровью... Холодный скорби, стыда, страха за будущее я обошел десятки [illegible] с квасящимся мозгом на устах: холодно свирепствовали прошли казни... Они денно и нощно, работающие на Вильгельма, гальванизировали — реакцию...

Я прошел по свежим следам [illegible] преступлений, по многим улицам. Бесчисленные дыры в гермелинах уличных стеклах окон, они не только могли спать по стенам зияющими ранами, в щепах засохших в растопки...

Разбитые стекла — гарантии пуль на перегородках, и эти разбитые стекла, разбили умы, многие и многие семейства, они грозили недугами, бесчисленными страданиями смертью тысячам людей... Стекла не могли вставить в продолжение многих дней... Холодный ветер помогал проникновению стуж губить невинных. На Тверском бульваре громадный дом-дворец с сотнями роскошно меблированных квартир был сожжен...

А на стройки под акомпанемент Московских пушек и телеграфы, шли полководцы интернациональные выстраивания, национальные самоуничтожения, предательства, благородных сотников, предания России, за немецкую водку...

В великаньи, возбуждавшей восторги иностранцев стены Кремля, чудные сказочные храмы, святыня, богатого народа Иверские часовни с неугасимыми лампадами, осквернены были трупами... В одном месте народ с ужасом отшатывался перед образом спасителя пронесенным в сердце пулей, и как увязнувших, бесчисленных злодействах, декретах напечатанных самодержавными стилем, привыкали к кровавой расправе с буржуазией...

Рядом с восклицаниями о свободе в Июле 18 г. были в конце концов забыты в [illegible]

образом, задушена вся независимая пресса ... Давно было забыто что одна диктатура пролетариата имеет право на печатное слово ... Самая передовая по красоте Советская, выпускавшая передовой журнал „Русские Сводки", в миллионах экземпляров была разграблена. Убийцы, Шайка людишек, собравшаяся, забыли что нельзя убить прессу, не убив себя, свое будущее ... Убив прессу, конечно не временно, все запломбировали, все запечатали, все опечатали, все свободы, все права, все завоевания революции, все свободы, все права, все завоевания революции, все свободы, все права, все завоевания революции

о грозном кругом среднемещанских нравов, в которой будто бы гибнем, что все время должны быть обучены, благородные должны стать в правительственное положение выше вопиющей за промах моральной природы, дворянки не должны самой спешить, повторяет, с своим упрямством вкоренившимся реакционным буржуазным – невинность, по истечении известного срока. вопрос будет решен – взломом...

Невдомек до наших дней, неспособность к управлению, вырисовывалась до ужаса ясно, чтобы получить – пятидесятые деньги из банка, приходилось ложиться, по утрам на ранним канцелярием, платеж для всей Москвы из десятка банков, сокращался на одном. Зимой около него мерзли тысячи людей ожидая очереди по десяти и более часов, иные чтоб захватить первые листки, являлись в два три часа ночи...

Безконтрольность привела неизбежно, к неизбежному быстрому разграблению страны приказы повелели все ценные бумаги рвать, так как долги иностранные и внутренние, подлежат уничтожению. Обеспечены рубли шло не по листкам по отметкам...

Разрисованные и подписанные принимали такой характер, что могли бы восхищать самого изощренного знатока. Подписанная Ленин и Троцкого Крыленко в Главнокомандующего, хотя и было на руки Германии, возбудило мировой гомерический хохот.....

Все видавшие революционные писатели, публицисты, ученые, изучившие прошлые революции, ... и европейский социализм, и его вековой последовательной борьбой с пережитками отживающих от капитализма и бессознательно работающих на Советской власти... Лидер Социал-демократов Мартов покойный предсказал доведенный их неуспешными приспособлениями до преждевременной смерти и назвал «кучей мусора». Не Советская власть

Неповинные – в невежестве, до смешного подавляющие, но непоколебимый Отдел Милосердия в первые месяцы, в целях Советской власти, рассылавшей приказы всем народам.

мира, устраивать революцию в большевистском вкусе, водворить социализм вполне русский, славянофильский, православный... России предложено не под Распутина, еще, еле выступавшая из вековечной долгой деспотии, хотела устроить с быстротой налетевшая буря, ни что не входило в планы, самым свободным страной, имеющим великий творить самые смелые опыты...

Любимец нас мудрило нам Зигастун, в своих гностических расчетах: Самодержавие и в письме и письменах, более безобразно, бестолково, гибельно пустившая безобразничать. Прусско-Австрийская Гогенцоллерновская власти

Переговоры о мире долженствовавшие вестись между народами, неприсядкой спихали на прусского генерала в чинах, при слове император он грозно повелел всем нашим представителям великой мировой освободительницы, соединительницы пролетариев всех стран. Император всея Германии, главнокомандующий всех прусских армий Вильгельм и главнокомандующий всех уплывающих и выплывающих немецких войск, русских шоварищских армий - драгорийских крыленец, могучих оказавшихся на всемирную сцену... О боги! Коллизия отчаянности, гасит далеко за пределы, Запутывается, коллизия самой злой фантазии.

Исполинская арена, где народы чуть не всей вселенной, проклиная друг друга руку, должны были покорнейше просить большинство дать им скрижали интернационального откровения, если не под аккомпанемент грома Синая, то во всяком случае, под гул немецких пушек, Одесса на кремлеровской балкончике, подмостками шарлатана, дергающего заранее вложенные в рот зубы...

Великая революция сама должна в своих ошибках, образцом для

В англійської революції XX в. ... Ігнорувала феодальний стрій, ліквідувала її, оплатившись обезглавленою за це Францією. ... Набивалась карающая исторической Немезида с цепью народов и в частной цепи, восстанавливающая нарушенный правовой Закон, неумолимо выполняющая их поступков, она всегда учила - народы, правительства, частных людей, быть добрыми, справедливыми, гуманными. ... Во Франции она как возмездие за всю кровавую революцию, выступила на цепи всех кровавых мстителей, избивавших террористов, она вогнала в гроб грозного деспота, сковавшего ее своими, изумительными победами и в реставрации монархии продлила ее на более семидесяти лет. ... Советская власть не знала ни великой, ни бескровной, ни первой, ни последней пробы. ... Ея вождь глубоко верили, что старый мир - и они обновили его, озонировали, спустили в бездну и работают в атмосферу. ... Они были великие идеалисты, безупречно честные люди, горячие патриоты ... они создали быстро непобедимую армию. ... Подражатели не знали в психику масс, в способность, перерождение, преображение. ... Народ уничтожил как Людовика XVI, Марию Антуанетту и всех аристократов, когда-либо переменил, он легко республиканизировал и Империю и Монархию. Разница в цепи цепей; вспомните переправу через Березину, где Наполеон спасал свою гвардию, но покидал солдат, они гибли в ледяных пространствах, вспомните также „Двух гренадеров" Гейне. ...

Невольно возникает вопрос, что общего между большевиками, называющими себя кальками революционеров социалистами - и социалистами Европы. ... Последние не выносят их мысли, не карают их преступлений, но убийства, подлоги, грабежи их перед победой богатства, трупы, горы мертвого насилия, воровство из одного кармана в другой, никак не объясняют, как они условия цепи делают гибкими, что более

капиталистами поступали точно также... День за днем они тихо, неотступно улучшали положение трудящихся, укрепляя другую сторону, создавая коллективные капиталы. Историческая эволюция двигается скрытыми в ней же законами во всеоружии науки и небывалых в предыдущих открытий, делающих все более и более доступными для всех питания, удобства которые некогда доступны были только богатым единицам. Она перестраивает жизнь, на новых началах, сулящих всеобщее счастье, замечательно - всеобщее и неисчислимое умножение богатств, всеобщую грамотность.

Точно также происходило и с теми, что обучал у Каина, вырастающих на пулеметах, штыках, насильников, опозоривших себя братоубийственной бойней которая конечно, не более не спасет их от гибели не реализирует их коммунистических идеалов с настоящими революционерами победившими старый режим... Я не раз сходился и с такими людьми от сердца их золота и стали и невольно изумлялся - перед их сверхгеловеческой мощью, чтобы глубоко вглядываясь и анализируя - познать величие становилось их душевный мир... Великие сознанием собственного достоинства, безграничные: любовь и сострадание к ближнему воодушевляла их руку, смертельным оружием. Не ища в ответ награды за свободу, они в полной развернутой грудью шли на медленную, мучительную смерть в тюрьмах и каторгах, на виселицах и смерти... Так шли в руках десятки тысяч, на пулеметный роковой удар они питались черным хлебом. Мелкой кровью своей за малую они защищали последнюю правду. Их удары были молний небесных озаряющую удушающую атмосферу... В тяжкой цепи они были образцами высокой чистой морали, воплощением всего доброго, справедливого, человечного. Они всех грели, ничего не желали для себя. Вся передовая Россия беззаветно откликнулась, поняла их исторические удары... И первые эти революционеры: Петр Николаевич

Франции, стоило только обратиться к обществу и буржуа, стоит свернуть головы Советским убийцам, ворам, взяточникам, в несколько дней собрали миллионы для эмигрантов, и как они нам отплатили?!

Не взирая на такие гнилые путы, свободы, пожи слова, прокламации, независимость суда присяжных, они не убивали сотнями самодуров, по казнили, спасали от каторги, истязаний, сотни тысяч людей, они смертью платили ударами... Они воскресили мифологические образы: Иуды, Язона, Геркулеса истязающих, избивающих людей. Они вызвали из тьмы веков мифические образы: Семирамиды, Юдифи, Гармодиуса, Брута, и Вильгельма Телля, памятники которому воздвигнуты во всей Швейцарии. Они не задушили народ и рабочих, неистовствами убийствами не искали опоры в штыках невежества, не вызвали к насилию тюрьмы... Диктатура

Советская власть собрала пышную жатву на кровавой ниве. Анархофашистская власть: Убийцы, воры - плохие счетчики, прибавили злой гадкий человек, ибо они глупые и неразвитые так как не предвидят последствий своих поступков. Советская власть распылила армию - интеллигенцию, уничтожила. Вышколенная немецкими прихвостнями она плохо разбиралась. Когда ей пришлось защищать свою насильственную власть, она не смотря на царские огромные деньги, не могла вернуть дисциплину. Без которой армий не мыслимо. Она натравливала на офицеров, преследовала, истребляла при первом неповиновении с ходу пирогами врагов.

Взгведя пролетариат в главнокомандующие и первых ветеранов Бонапартизма создавать в командиры она погибала своих врагов, играла им на руку.

Она звериски немилосердно преследовала интеллигенцию и выбрала, благодаря всеобщему невежеству - сумбурный хаос декретов, от которых весь должен

умолишенных, будто-бы терпят, но терпя все исчезали, исчезали, но конце-
лярские росли и росли.

Они стали составительные классы грабя: наливая бездонные карманы
людей опытных, вооруженных знанием дела, пользующихся кредитом, заимствуя не
практикующихся ~~совершенно~~ в среде трудящихся - и скоро они стали захлебываться своей, обрудовать
своими прогнившими, строившими, легко добытыми деньгами по кафешкам и притонам
разврата... ~~они не переселились~~

Они ограбили земледельцев пустяками: по мере миллионы на в гем нетвер-
дых людей, нагло с издевками, не жертвуя копейки из своего кармана распределялась
по уездам области... Но когда ввиду все растущих и растущих непомерных трат, при-
шлось обобрать поголовно всех крестьян, хлеб и все необходимое оказалось так называемым
спекулянтам, той сети чему все не удавалось ничего раскопать, тогда как хлеб собранный
в амбарах по мнению было более чем легко вывезти... Двурушная политика
они стали с умелым обращением, привлекши на помощь и общественные амбары
но народ догадался в чем дело и сдерет почти не удалась и крестьяне выведенные
из терпения грабежом коммунистов, решили при переписи стоя всех их безпощадно
истребить, или на подмогу стали другой Махно -

В период контрреволюции
Кровавыми карманами сошедшими миллионы Келтыласкиными и керенскими, они
не могли не должны были, чтобы не сбить с них цену начать без меры выпускать
деньги Советские, и по усам скоро - неоправданные плоды... Народ оказался умнее
контроля Советской власти, понял спекулятивную операцию, и не стал
принимать их деньги... Власти под конец дошли до того что предлагали миллион руб. за искусанную
лошадиную, но они не продавали, прятали...

Советская власть вышу своих интересов, уселая расположить народ крестьянства, раздавая чужие дворы, но народ за минутку 18 года ловишуру долго чужого имущества она забирала себе стала скоро видеть в ней - простых воров и разбойников, что их программа стоила никакая практика была по писаной и нарисованной в руках... но при всем [illegible] предшественников Керенского их сослали на каторгу... Опыт грабежей на Украйне скоро убедил даже тёмных людей, что самовольно захваченная собственность, при возврате капиталистам правительства будет восстановлена, что Советская власть ничего и ни головой и ни сердцем и не имеет завтрашнего дня, что ее [illegible] немецкая [illegible] (участие) сознал что сопротивляться ей, стали трепетно ждать скорого освобождения.....

Когда один брехун стал [illegible] (украинцам справлять) ... «Скажите, что мне было чтобы давать дворам квартиру, ну а один из слушателей ответил: «На Сахалине на каторге, но только раньше, что хлеба там давали больше и хуже».

Наступило — и семь Сарептских [illegible] двадцать пять лет десятин на душу, обнесенных [illegible] земли, нескошенные ковры хлебов, окошки, обвязки с оружием в руках, обгорелые хаты, мертвецы, голод, холод, налоги, цены поднявшиеся в рубля до десятков тысяч, жизнь не стоящих денег, не прекращающаяся гражданская, стали всюду доводить народ до отчаяния, он начала бредить скорым радикальным переворотом в деревне или будущая Учредительная Михаила стали выступать не первый план... Не видно в Евангелии описываемых пророчеств.....

Забыть не только свой гнет (если он был) но и гнет родины, Советской власти [illegible] до блестящих солнышек, а [illegible] думал, что Германия, очистив наши [illegible] выйдет победительницей и щедро вознаградит ее, будет помогать [illegible] солдатами против ее внутренних врагов, но беспощадная историческая [illegible] сурово покарала ее. Союзники поставив чуть выполнят достойные [illegible]

раздавили завоевавшую пол-мира Германию, и стали полноправными членами братьи Советской власти...

Сами немцы гораздо ранее нас поняли, вожаки большевиков из Германии, более дальновидные, неуспевшие бичом большевиков, и конечно задумывались, по анализе в них на Россию, сделать тоже самое и в остальной России. Германия обходилась без огромной богатой великой России конечно долго не могла, ее ожидало полное разорение.....

Советская власть стала уничтожать, предлагая немцам восторженно воевавшим союзникам моральные концессии, но тут вмешались [illegible] представительства [illegible] (гибель которых, будет восторженно аплодировать вся Россия....

разбойники и воры, плохие стратеги.

Мне революционеру стало ненавистно - красное знамя, на моих глазах в продолжении четырех лет, под его проклятой сенью, брат безбожно резал, мучил, грабил брата, во все время ни одного проблеска светлого луча: [illegible] безумие, издевательства, ложь, клевета, кровь и грязь. Не нужно забывать что у белогвардейских [illegible] России правителей у многих и многих уголовное прошлое....

Долой Красное знамя - кровь наших и я послал ему проклятие проклятием нашим. Вперед сметем большевиков Советских вождей, насильников, отбросим наших врагов. Германия нужно было время, и нагрянула противная горилла, пустив миллиарды бумажных в заблуждение доверчивых людей, спекулируя на крепкой за бичевавшись, расшевелив их животных инстинктов, [illegible] Рейх с глубоко гнилым народом. Иверия - Грузия и ее неразумные ламантадзе как ни-
нагрянула фурой. Великие опять за народ - откуда взявшуюся к Грузии, быть справедливость
безграничной любви, самоотверженности, страдания, вопрошать Советы Вам сделать за взятое большое
к безголовым, ненависть, месть, направленная на большевиков, возмущение и гнев, грабеж
Грузии. Свирепые тучи [illegible] они неотвратимо неумолимо закрыли, скоро, скоро про-
клятое заблуждение [illegible] все [illegible] Это существование они с ужасом завалят, и сидеть вера [illegible]
Великий народ они пришли, [illegible] они не задушили голодом. Грузия [illegible]

Знамения

Рассказы о двух явлениях окрещенных народом чудесами.. Мрачно настроенный, истомленный, постоянно эксплуатируемый, безправными правами, не видя конца, будет ещё подгоняемый надо всем тем ему хозяйством дорого и свято он ждал страшных знамений.. на небе и на земле..

На закате солнца, хожалка позвала меня со словами «взглянить на необыкновенное явление на небе, по истине в наше время чудесное, мистическое, я выскочила в Москве чуть не сорок лет, и ничего подобного не помню.. я остановилась поражённая.. На лугах заката, пылала резко очерченный исполинский крест, солнце заходило небывало ярко, а крест разгорался все сильнее, сильнее, принимал кровавый отблеск.. Вокруг на улицу раздался крики, плач, женщины падали на колени, молились, впадали в истерику.. Многие стали кричать «России матушке, предстоит крестный путь, ея страдания мучения еще не кончились!!.

Второе знамение произошло в Кремле.. Замыслы Советской власти, ободрали золотые и серебряные ризы с икон, держали народ в настроении близком к восстанию. На воротах Кремля в день 1 Мая большевики на образ Николая угодника наклеили огромную красную занавесь народ не мог достать ея они мотались от ветра.. Поднялся сильный ветер и вскоре краска потрескалась, разорвалась в клочья, и во всей красе появился лик угодника.. Крик о чуде молниеносно разнёсся по Москве.. Патриарх написал в газету чуда торжествующую процессию, они проводила потрясающее впечатление – Сонмы развевающихся хоругвей, шитых золотом, знамена шитые золотом, бесчисленное образа в золотых сверкающих ризах, сонмы священников десятки архиереев и патриархом во главе – горящие на солнце митры, и золотые ризы дымящиеся кадилы, горящие свечи, хоры чудных певчих, звон бесчисленных колоколов

Соборных Московских церквей, перезвон серебряных колоколов по временам покрывал медные трубы колоколов и двенадцать тысяч пудов поднимали душу к сонным тысячам людей. Трепет не только охватывал тех, кто наверху, но и всех прихожан. Церковный экстаз, религиозные эмоции, как электричество и глубоко чувствуя всю красоту великого душевного подъема, молитвы рвались и раздавались вокруг, колокола звонили тогда били в набат, тогда Москва горела, она горела ... душевный ураган тревожных чувств и будущего. Святые правители, не догадываясь что из этого душевного угара история в жадных будущего готовит подвиги, понимание, возрождение так жили надо ...

Народ не концентрировал свои внутренние реакции на политических разборах. Отрекшегося Ярославского власти, затем в Митрофаньевском монастыре, раскрыли раку святителя, затем публично плевались показывая, что под золотыми покровами прелатами одни кости ... Народ в гневе бросился и разорвал проклинаторов, заполнив палаты Синода Синодальная Митрополия повествования ... Старцы поспешили в храм и сбившись в толпу в алтаре, торжественные, немые птицы, алтарь освятила голубым небесным сиянием, в двери Царские алтаря раскрылись и вышли старцы Божественных служб священников в сверкающих Золотом и драгоценными камнями ризах, с крестом и Евангелием Луки, старец в испуге, разбушевался, но затихли самые сильные внутренние, но следующие основания неподвижен, горели дивным огнем его глаза, пули ложились у его ног ... Старцы в смертельном страхе пали ниц, и затихли обливаясь слезами, стали замаливать страшные грехи.

По уверению народа, святотатцы, подлинные мощи, но они снова вернулись и народ стал усердно молиться у вернувшихся мощей, чудеса возобновились и усердного стало

Совпатские Манифестации

Я присутствовал в Москве несколько раз при шествиях с красными знаменами, обыкновенно десятка два людей, несших их, иногда знамена, оканчивающиеся провокаторским, уголовного характера, надписями с призывом избивать буржуев, но эти призывы оставались без малейшего последствия. Огромнейшее число буржуев спокойно шествовали по тротуарам, не обращая ни малейшего внимания, не удостаивая взглядом происходящих. Уличная толпа по общему мнению оплачивалась большевиками, без сильного общественного сопровождения их. Во все время буквально ни одного сочувствующего возгласа. Изредка раздавались голоса: «Проклятые христопродавцы лучше бы по-настоящему грабили и давали бы хлеба, а не по одной осьмушке фунта».

Вообще я в эти дни всюду слышал ругательства, главным образом, по поводу 1 Мая. Отвратительная комедия, корыстная власть, всюду рассчитывала на сочувствие. Я обошел все главные улицы и больше плачевного зрелища не помню. Повсюду абсолютное равнодушие, ни быть не сочувствие и затаенная ненависть к Советской власти. Со всех стен висели, всюду развевались красные лоскутья и тряпки, вызывая отвращение и негодование. Они не только не оживляли великолепных, но и пышных улиц, как в театре, старались показать, что их много. Огромные цветочные магазины были украшены их знаками и приветливо приглашали, выбрасывая особые афиши. Иностранцы ощущали не чувство радости. Не только пролетарии всех стран, но и своей несчастной опустошенной страны.

не сойдемся, а кто любит разойдемся ... — —

В деревне Центральной губернии

С сестрой покойной Зиной, вдовой знаменитого профессора Московского Университета психиатора Сергея Сергеевича Корсакова я в начале Июня 18 года покинули Москву. Дрянному извозчику на клячах заплатили 25 руб., через два года такая езда стоила до вокзала сорок тысяч рублей, видимо Советская власть прогрессировала. Поэтому дальнейшие, вследствий того что путешествие в поездах Советской власти, всюду повсеместно выдавали в десятки раз более билетов, чем было мест, мы наконец получили билеты II класса за полсотни обыкновенных рублей от Москвы до Курска. В Августе 21 года билеты в таком вагоне от Москвы до Курска стоили от восьмидесяти тысяч. Мы с нашими маленькими чемоданчиками хотели пройти но были грубо остановлены. На нашей красной «Зебре, сойдите с багажа!» По лицам остановленного наши чемоданчики признали были комсомольцами «Дайте им подышать пусть не протухнут!» сказал пассажир наших чемоданчиков. «Дать» и они оказались в кармане у комсомольцев. Вышли на платформу около II класса стоял пьяный красноармеец с ружьем, бравшая офицерша от поезда «Все вагоны должны проваливать» с тяжелым чувством мы вспомнили железнодорожных жандармов. Вернулись к нашему багажу. Дальше сунули сто тысяч рублей, только уже отходит. Заступившийся протестовал словами «Не хватит так ждите» ждут на вокзале, тогда обещали еще сто тысяч рублей. Через два года такие прыщи обходились в несколько тысяч рублей. Дома в Москве оказалось, что не в самом вагоне, но коридорчик, где нам пришлось простоять сутки, должен оговориться что повышение началось с восстания Советской власти. Дорого бы стали понимать.

что бежали [illegible] приграничья. Чуть ли не увидели несмываемое в нашей памяти время: эпидемия сыпного тифа в открытых вагонах III класса были закрыты людьми, заполнившими до III класса. Что должны были испытывать несчастные, бежавшие из городов, где им грозила смерть от голода на крышах вагонов в зимнюю стужу одних в рваных шинелях сыпняк доходящих до 25 градусов мороза или в метели... При сильном толчке они часто сваливались с крыш и конечно разбивались насмерть... Но их участи и возвращения Советской власти, стали настолько безнадежно чуждыми, что они начинают смотреть на смерть и корчащуюся рядом агонию... около дверей вагонов стояли запуганные за ручки двери пассажиры заплатившие за второй класс... желторотые дети грубому стражу огромную взятку, всюду рвали, резали, самочинно грели, канадцы на них во время суточного перегона, почти часто смеющиеся подымали сон, или окаменевшая рука, и они трагедии на полном ходу поезда...

Наконец с большими опасностями добрались до станции Волчанск, где [illegible] нужно было нанять лошадей до слободы, наших близких родных... За тележки дрались претендующие на рессорную, но в существующей тележку пассажиры и полные растрясенные всех внутренностей, нас свезли за двадцать верст 40 руб. Через 24 года тот же путь обходился благодаря советским деньгам в пять тысяч рублей, на протест отвечали лаконично [illegible] „Да разве вы деньги даете?“...

Остановимся на краткой биографии моих родных, у которых роковая судьба предназначила мне провести три года и под конец быть свидетелем одной из самых страшных трагедий моей долгой жизни... У родных я глубоко внимательно наблюдал окружающую среду, отмечал все знаменательное, выдающееся, [illegible] Семейство [illegible] матери и дочери, Маши вдовы брата моей покойной [illegible]

Ивана Егоровича Томилина, председателя дворянского, в прошлом предводителя, пользовавшегося большой популярностью, и отца любимых и уважаемых, и Советской власти Марии Ивановны Томилиной.

Мария Ивановна богатая барышня, владела свободно французским, немецким языками, в ее доме часто бывали в губернии приезжие, ряд с магазинами, в которых до разграбления их большевиками можно было достать все, продающееся в больших городах. Свободно до последнего крушения права принадлежали роду Томилиных. Только пролетарская революция 1905 г., за которую родные давали пять миллионов рублей 24 60 с. золотом, но они до сих пор, имея свои земли, связанные с солью и другими минеральными богатствами, счастливы всей семьей откачали, а герои пяти падучей мне погибли, в конце ограбленные, замученные.

Томилины отличались редкой гуманностью, сравнительно редкой в их среде, они никому не отказали ни в чем. Они построили прекрасную больницу и при ней общественный сад, при больших школах, гимназий, гаймуз на подобие клуба для торговых людей во время ярмарок, и создали библиотеку в пределах тысяч томов из лучших сочинений всех авторов, богатыми отделами в области всех знаний. Она могла бы по умелому выбору, дать очень видное место не только в большом городе, но и в столице. Свобода и вот окрестности пользовались ею безплатно. Безпардонная советская власть, пришедшая в грабежах, сделала несколько раз, ее разбросала по разным школам, оставив для комиссаров - книги в красивых переплетах и дорогой дорогой шкаф.

Обитатели их усадьбы знали, что думали только они и много книг читали на память.

Благодаря человеческой слепой ненависти, хлопотали некоторые люди, зло это не удалось. Они присутствовали, вплоть до практики гибели родных. Но они отличались друг от друга. Были для них выгодными. Через два за завтраком день, отрядом сурового расстрела они потеряли самых красивых, драгоценных членов, предназначавшихся на смерть

родных слобод. Мирі собирали не русские деньги ещё и дань родных, он был очень значительна в несколько сот тысяч рублей... На вопрос хищника: «Поступаешь ли так за границей?» я мог лишь ответить, что наш подобный поступок подлежит уголовному суду и обвинительной коллегии Сената...

Родные уступили в слобод, потом (телефон) телефон, завели племенной скот, породистых лошадей; улучшивших скот и лошадей в слобод., всем усовершенствованным земледельческие орудия, построили паровую мельницу...

Во последнюю так называемую революцию (она была со стороны в самом начале) не смотря на ярые упорные напоминания Советской власти отец и сёстры не хотели добро и их рабочие вынуждённые ни одной копейки из своих рук (подлость) красивые под угрозой ареста, не позволили грабить и ворошить разграблять усадьбу и расхищать (вывозить) многочисленные постройки... Но по настоянию власти было отобрано всё земли: усадьба с парком, (объявлены парком собственностью) хозяйственные постройки, магазин, гостиная, все были объявлены народной собственностью, весь племенной скот, лошади были распределены по деревням, деньги конечно были отняты власти и Как безпощадно издевались богатыми владельцами мастерами и всеми были оставлены без денежных земель и голодной смерти...

Благодаря позволенью устраивать христианскому в большом доме бала, где останавливался этот расхищенный комиссаром мебель, были помещены, играючи до неузнаваемости. Власти просто надругались мебелью из дома, не забывая мужчин приглашать сёстр...

К племенным породистым не только любовь, но и благоговение, они вызывали по благодушному служат. В 905 г. в слобод вспыхнул бунт, спровоцированный известным губернатора был послан (высылан) сотня казаков. Она вступилась против бунтующих в боевом порядке. Кавалерия произвела смертей и десятками людей, была предотвращена, героическим вмешательством племенных. За отличную, ловкую, утончённую дрессировку, она прославилась между народом и называлась по словам: «Я не позволю прикоснуться к народу, прежде раздавите меня!»

Так как отец не был председателем Земства, у них в доме бывали губернаторы и все
местная знать, казаки остановились .. Народ не смел искушать их, спокойно разошлись
Народ в годины бедствий и его чести не забыл гуманных, щедрых благодеяний, ...
... Во продолжение почти всего моего пребывания
до самой избы подъезд рекой день проходил без особенных приношений .. Со всех
сторон несли молоко, масло, яйца, хлеб, иногда мясо, сами „хлеб-соль, фрукты,
со словами „Вы всем помогали, всем делали добро, теперь пользуйтесь и нам вам помочь
в большом несчастии, не будьте гордыми, у вас все отняли, нужно подкрепиться ..“.
В конце Марта 1915 г. когда во время разлива пушек было сообщение между двумя
половинами деревни, произошел следующий характерный случай .. Крестьянину пришлось
свезти родных своей бабушки .. Пробудившись в тревоге, он потрогал жену, готовясь свезти несколько
больших хлебов, и не смотря на разлив поторопился передать ... родным .. Он назвал эти
хлебы – хлебом спокойствия, больших цен ..

Приношения записались в особую книгу, и месяцев когда вернутся хорошие времена отпла-
тили великодушным людям спорщик .. ...

Из многих своих наследственных Мать Братец мой покойный всех урожденная Станкевич
была любимой сестрой Николая Владимировича Станкевича .. Этому сверхчеловеку, посвященной
обширная литература, недавно справлялось пятидесятилетие его кончины. Из кружка
Станкевича вышли – великий критик Белинский, профессор Грановский и другие знаменитости
блестящая сила России узнала гениального народного поэта Кольцова-русского Бернса .. Героев
Тургенева и благоговейно относился к нему .. Героев посвятил ему страницы полные энтузиазма
Тургенев вывел его чудный образ в романе „Рудин“ .. в лице Покорского .. обладая колоссальными
способностями, он лишал себя всего, на его счет воспитывались десятки студентов, он помогал
бы всем встречным и поперечным ...

При воцарении злых орудий немецких провокаторов .. народ верил, что они честные люди

уславливше бескорыстно напомнил ему чувство добра: "благодари каждому врагу, ибо своею мнимою силою и крайнему несчастью народа, напакостил он истории других стран
~~по~~ ~~законам~~ ~~мировой~~ ~~справедливости~~ ~~бога~~ ~~и~~, ~~своей~~ вступил в пределы ~~их~~ власти, но тем более налагаемое
стало расти, не по минутам но часам. С 7 июля 18 г я констатировал наличность всюду
проклятья, понимание, деревни стали освобождаться от бывших и более грозных неподвижных
угрозами мести за каждый обман...

Весенние люди из разных деревень узнавши о бегстве телеграфа о приезде загранич
ного писателя, пробывшего за границей сорок пять лет, все знающего, понимающего, молчащего
все разъяснения, что делается в других странах, дали мудрый совет, предсказав вперед большое
будущее, стали поступать мне, почти на сто верст кругом разрослась моя слава. Посещали
меня ежедневно. Все наши люди, повергли свое горе, нуждались совета. Они ни в чем у меня
все ~~что было интересующее~~ первых числах... С Ноября 18 годов они много обогатились
и ~~вернули~~ одно... "Это не правительство, а шайка отъявленных грабителей, хитрых
~~обманщиков~~, они раздавали нам недвижимое чужое добро, чтобы подкупить к нашей
укрепить свою проклятую власть, они ~~жали~~ присвоили, что когда придет наше
наше правительство, оно возвратит самовольно взятое и покарает этих грабителей
и разбойников... Они все время надували нас, а существенно денег и золото набивали
свои, ~~большие~~ карманы. Сотни тысяч проходимцев, растерзавших Россию, не
зная контроля и помощью выемок, экспроприаций, конфискаций, разграблений частных
собственностей, отнятие, золота, серебр. ценных вещей, каждый в короткий срок
сотни и сотни тысяч, а многие миллионы. Для настоящего правительства, отнятие
налагает недвижимой собственности на будет долго лежать. Отнятое уже скоро
начнет по загроможденным банкам, в потайных местах, карманах, станет
невозвращенным...

Их красная армия, в большинстве подонки народа, служат они из за огромного жалованья, полученья безнаказанно насильничать, грабить... Центральная власть не имеет ровно никакого значенья, власть городишка, деревни другой своей по своему... Их армия ничего не сломает в военных делах, многие не умеют стрелять, у них почти нет офицеров, а если есть то все они из штатских бывших. не даром их Ленина вырезали или из тыла разбежались и потом в обнаженном месте должны эвакуировать, ибо дисциплины, если они захватывали города, то только потому, что там совсем не было войска... Они отчаянные трусы и разбросаны их быстро конечно там где начнется сопротивленье... На Украйне, при одном слухе, что приближаются немцы, они бросают оружие, валят как звери, просят дать передышку, чтобы спокойно бежать... Но так велико было ненавистие к насильникам в городах, что первые наши выдавали своих, чтоб скорее умерли, чтоб меньше их тут будет потом. - Немцы захватили их тотчас и расстреливают.

Шайки советской власти разлетелись по деревням, отобрали огромные деньги, без счета, контрибуцию, заключили с кулаками конечно богатыми ... бедных хаять, грязных, затхлых, без хлеба они конечно не подходили, и они прикрывали пустой расчет, что эти хаять пугливы. (в больших богатых). Они остальных, они имели гадкий вид или некрасивое хорошее увлеченье. Они разрушили все коммерческие предприятия, вещи стали рублем стало продаваться за тысячу. одежда в сто рублей. За сто тысяч - в 21 году таяли одежда дошла до восьмисот тысяч... Тех пор, пока все можно достать, не становились дешевыми, но ценности они и хлеб с четырех рублей за фунт поднимались до четырех тысяч, сахар с одиннадцати рублей за фунт до полтора тысячи... Они разграбили, разрушили всю Россию, накладные деньги всегда Николаевские, ими керенки они наклеяли на марки, спровоцировали в иностранных банках... У нас нет выхода, спасенья, чтобы без конца грабить они. Готовы перерезать всю Россию, не пощадят ни кого не будет, они заключили содрать золотые и серебряные рыжие шкуры, и не пригорюнятся ни народ, что всех их передушит, они

давно обобрали без церкви.. Нам теперь Николаевск чрезвычайно кажется чрезвычайно небезопасным.. Мы отчаялись, ~~потеряли надежду~~.. Мы все поняли, мы хотим, пришедши порядка, Законности, уверенности в завтрашнем дне... Мы не хотим знать даже, если могут ограбить полицию ночью и всех могут.. Раз вершить стало не преступлением, но каким-нибудь описью, то вершить конца не будет... Когда с полицией, и по ночам нам мы радовались, зачем приняли за торговых людей, соответственно крестьян и под конец в лоск стали грабить как самих.. Вспомним мы нашу подругу радость, сбившуюся шкуру чтобы продолжить работу, чтобы подчиняться ему помогать. Извлекать нам их секретных трав, и самим в тишину могильную пробираться.. Нам всем опасаться всякий топор, вилы в руки и добиваться переворота.. У нас нет завоевания дня, добиться лучшего, устранивать святую цель, давайте отдать воспитание нам желать, придет пролетарий, богатый капиталистов и в какой пролетарии - все разграбили!! Мы земли хотим приобрести законным путем, чтобы пятна было не пятном отнять, Мы знаем что дорогое надлежит конфискации как на Украине, возвращать награбленное и ~~награбленное~~ вину за воровство.. Мы узнали что значит слышать одна голова, раз не будет свободы высказывать со всех сторон, мы никого нужного никогда не узнали.. Теперь за маленькие слова тюрьма отправляют в прошлых брехунов они кричат и Вы конечно революционеры, мы будем вас расстреливать!! Хорошая свобода, горит бы ее подрал пролетарий., свобода у них все зло, несвобода... Если по возвращении порядок на нам разгонялся подобный свободы говорим, ~~наметы~~, ~~наметы~~ брехун, то теперь нам не нужна ни охрана, ни ~~ни~~ самим выдержим на первый час.. Довольно нас науськивать на убийства, грабеж, растаскивание по каким-нибудь, на подруг... Управляющий дом, ~~дом~~ простые никогда не сознается.. Настоящее время они спасаются всевозможными ~~средствами~~, чтобы дать коммунистов, суют их в контрразведку, дают им бесплатно ~~обеды~~, а не смотря на то в коммунисты идут, только оттяпать ворошка, проходимцы, одни головы и тащат..

по за тій ціні куди творять що хотять, а ревізорам заглядати не тільки в долоні будуть но и состоятельных пристанів, вскрывать сундуки, отбирать в цунтое, заботовленное долгими годами приданое дочерей ... травить и истреблять, доносить на деревни, учащать кто может отобрать контрабанду ... Возненавидят их народ до того, что будет только падения власти, чтобы всех их вышвырнуть из деревни с самых нищенских, бесчеловечных ... .

При первой возможности я разговорился с одним добродушным кондуктором, который не выдержал от слова перейти к делу ...

На вопрос как он понимает слово: таможня, он не задумываясь как отдолбленный урок отвечал: „Товара обложенный, что все вещи принадлежащие, что я имею право, вещи у вашего что мне недостаёт, все мои нужные .. что за границей так давно установлено ... .

— Видите ли молодой человек отвечал я .. Как вы за границей без приглашения забрести в чужие дом, и купить отобрать вещи нужные — нужные на слово чрезвычайно эластичное, одни скажут говорить „что будет угодно вы бы самолюбивый а императора Наполеона I, чтобы мерой настоящего было нельзя, так верное всего вышвырнут. Так при этом произвольно сильный удар в шею или в задние мягкие части .. но легко может быть что в минуту грубой настойчивости вам проломят голову, а в мягкие всадят пулю в лоб .. Во всех странах были и есть обиратели всего нужного, но они потрошку называются ворами и обыкновенно приводят нужные дни учить в тюрьмах .. Что ж касается до отпускных мыслей ограбить богатого, что его никак нельзя выбить только неожиданно ограбленного .. Не будучи обществом богатых, но сам все самостоятельный, вся в силу тех же воровских мотивов можете обворовать другого видеть, другого претерпеть до бесконечности, конечно кроме при таких условиях, становится неожиданным, беспрерывным терпеть, претерпевать времена под Дамоклесовым мечом, другими словами абсолютно невозможно .. Но конечно вы имеете вашу общину в моих богатых, подлинных взятых с поверенных людей, не обладающими — интересом вашим возгрязи, жадностью и алчностью ... .

...Комунист-богач и какой-нибудь стиснув рукавами свои шкуры, для виду хотят на шарлатана богатеем-дурня на свій страх...

— Какими правами можете вы осуждать, ненасытные богачи, разве вам одним можно и мягкие кушать сыром стать богатым без труда, чтобы наживать должны трудом, дабы пойти ради этого на тяжкое преступление. Когда богатство у вас это чудесное, у всякого его сверх... согласитесь, что можем последовательностью хорошего шутника вы ногу... тем напоминает Царя Дикарей покупки на вопрос — что если это? отвечает „Если украл у друга жену, это добро... — если украдет у меня, то это зло!"

А коммунист и мораль не признает, разве до и рая кто, что боится кого, не может делать это возмущается... я не будущий — ремень у меня нет, говорит это за границей не покупает...

— Вы ошибаетесь, что существует в нашей стране цензура не нашей внутренней последствие этих поступков, за границы этого люди, живущие в чудесном крае, предлагаем, но вот они горят в морали — светит свет всей религии, со... уничтожается, которое не мы самые человеческие общество ни сама цивилизация, человечество, приходится бы забывать мир со всех концов и давать перерезать друг другу горло, словом превратиться в бездну без границ, в пустыню всей вселенной... Разве мы в власти этих стихийных или не критикуем в этом пути...

Скажу от себя эта страшная почти четыре года наша пережитых под игом Советской власти дала незабываемый урок; помещикам, крестьянам, торговым людям, а более всего — революционерам... Мы увидели, чувствуем, что мерзит каждый разный, и наша революция, узнали кто и какую конуру может это воспользоваться...

Меня поразило чудесное отношение народных и рабочих масс, пробудившихся к жизни хотя и они полны здравого смысла и какими путями они пошли, и пойдут дальнейшие события, которые они никто не могут дать повернуться Советской власти... Не перейти крестьяне и рабочие через чудовищную стену, чтобы дорваться до новых и бесправий на чужой...

В том что творилось до отречения, конечно только самое худшее
нашем, я сошлюсь на неоспоримый факт. По показанию очевидцев, самые богатые
имения, полные редких картин, фамильных художественных и ценных дорогого
фарфора, бронзы были хуже чем разграблены. Фамильные портреты, дорогие картины
изрезаны, гравюры разбиты, бронза исковеркана. У нашего покойного
Но в составе старинная библиотека в десятки тысяч томов была изодрана и кровью
вся, пропитанные в двух шагах от имения были чуть не выше крыши
усыпаны тысячью слоев страниц этой драгоценной библиотеки... Обширные издания
18 веков были украшением лучших дворянских публичных столичных библиотек во
Франции не остановились на выдирании собственными глазами... Огромное имение
близкого соседа моих родных. - Похвастливо было растащено по бревнам, а на каменном
разрушено до основания. Убытки оценили потерей, в несколько миллионов рублей...
Когда спрашивали дикарей зачем они сделали все это, они бессмысленно бормотали. Если
все верили в прочность власти что бы приобретение помещиков, почему то литера
всех прав стали народной собственностью, вы бы могли в великолепном
огромном доме, в поместьях: устроить больницу, роскошные школы, театр,
кинематограф, залы для собраний, во дворцах помещиков нуждающихся...
Дорогая мебель, картины, обширная библиотека была бы сокровищем для будущего...
Племенной скот вами пущенный на убой улучшил бы породу в вашей деревне...
Они ответили: "Мы сами не знаем что будет завтра, нашло на нас, мы тоже
озверели, сверху нас подстрекали!" а они говорили: "Нечистая сила попутала
повсеместно, сверху секретарши приходили, приказывали не только разорять но
нам убивать без пощады помещиков, после одумались да уже поздно, а теперь
старые люди говорят "в нас вы ничего, за все заплатите..."

У отца богатого соседа Ежика в поместье десять не крестьян, а писем комиссары высекли на сорока подводах, отец дорогую мебель мягкую посуду, бронзу, ~~[illegible]~~, ~~[illegible]~~, ~~[illegible]~~ ..... У себя.

Родственник Николай Иванович Гервяков, завел не только культурное хозяйство и электрическое освещение, телефон, и не только у себя дома, но и в своей деревне. В пятнадцатом году крестьяне порвали проводы, а Советская власть, разворовав машины, приборы, и обширную дорогую мастерскую.. Крестьяне благодаря мраку невежества остались во мраке — и за керосином, маслом, свечами, спичками.. Только в пять часов вечера...

В феврале 19 года я услышал рассказ, заледенивший мою кровь, одного из самых видных представителей власти, посвященного во все тайны, большевиков до мозга костей, подавшего в отставку, рассказывал приблизительно следующее:

В столицах во всех городах (на взрослого человека) выдается сухого в день полфунта хлеба, кроме за полфунта муки платят чуть не восемьсот тысяч рублей, а мы все новые урожаи, весь хлеб отправляем в Германию.. Николаевские будущие пушечные все, посылаются пустые не вагонами, золото давно отобрано.. Не оставили ничего, все идет, что только через их руки крестьяне обокрасть все церкви, иконы давно были бы обобраны.. серебро, золотые драгоценные утвари, ничего не будет уцелевшего от красных грязных солдатиков, были бы отосланы в Германию.. Настоящие России это там за тучи подымается, обезумевшая насильников.. Красная армия, пусть только видит настоящая война разбушуется, бросая оружие, и они в виду жизни смешаются мобилизировать новые и новые армии, у них много пушек оружия, снарядов

солдат кормили тухлой селедкой, конину зараженную сапом и зараженных вшу. Избавление от мучений растягивали и в Мукденских лазаретах (в госпиталях) лишались ног, подвергались ампутации, гнили и умирали тысячами, заболевших инфекционными раздутых, в товарных до отказа грязных вагонах, на которых гнилой соломы, лекарств, перевязок, докторов, сестер милосердия почти нет, и не смотря на всю мерзость запустения, любимая игрушка и любимая игра, грозя дезертирам расстрелом... новобранцы почти вовсе отказываются идти (бунтуют) против своих братий - (бунтуют), не взирая на страшную гибель... Самые смелые кричат! "Вы говорили, когда вас гнали было сказано куцо для отвлечения всеобщего крика что мир должен царить между народами, армий не должно существовать, что они нелепое буржуазное изобретение, но когда мир после почти четырехлетней мировой бойни начинает устанавливаться, вы гоните нас на позиции, грозите расстрелом и смертью... Мы хотим тихо мы защищали вас глубоких, разорившихся в прах России, держащихся против всего мира всем населением только на пулеметах!"

За эти речи, побросали свободу солдаты офицеров в тюрьмы, терзали в клетках... но этого не довольно, новобранцы, не дождавшись срока продолжали разбегаться и даже при первом выстреле врагов бросали оружие.

На вопрос каким же образом можно сверхсрочные команды, какой ценой интересы Авантюристической власти довольной всех до отчаяния?!? они отвечали... Это выполнение Брестского договора, до которого мы были разобщенными. Недорого на победы убитых, несвязанных в Петербурге, вся независимая пресса и испанцы эти на газетчиков отправились до революции новой и самой великой.

Мукденские газеты! Если бы не исполните вы наши требования

лик с Вами по-ступили в Белгороде, как в Украине, вы бы ничего не смогли бы вам уставить, следуя выполнять, властвовать, знать что хотите, не только запугать не и без сего расстреливать и даже пытать для выгнания все больше и больше миллионах, врагов., а давно ли вы кричали что расстрелять предателя отдавать на гибель в Сталинградах. страшное вероломство ... У вас еще много осталось того, что мы при всем желании, взять не можем .. На вашем распоряжении, богатейшая частная собственность, банки и вообще других очень выгодных возможностей. Мы знаем превосходно, что вся стоящие у власти, нажили состояние и спекулировали. Николаевским бумажками свои карманы .. Многие из вас тогда загрузили окончательно совесть в один вечер в самых дорогих столовых напивались и напивались до потери сознания, выбрасывали в один вечер суть не сколько тысяч. рублей вами красноармеец следящий за спекуляцией и сами спекулирующий нажили у них, не забывая в шинель сотни тысяч, и наконец вы нам хотите, чтобы и уничтоженных вас, не сформировался настоящее кадетское правительство с его [illegible] войсками [illegible]., не подлого сотрудниками ..

Нужно отдать справедливость что более других кашивающих в центре не хотели конкуренции, они не так давно разъехались пулеметами, несколько пушек авиации в Москве, нападавших следовавших их приказу, и анекдотически бесцеремонности. Захватившие богатые вещи, кто успевший от большевиков, и нападавших в них устраивавшие вполне комфортабельно, не забывая кое-кому любезно у знать кем-нибудь.

Советские власти стали даже преследовать, спекулирующий, спекулянтов, грабежи но она увы абсолютно безсильна .. Все случаи признать жалованье, но не признать власть в конце концов переворачивается .. они знают что сегодня нет они вполне безсильны, что каждый город, деревня, отдельно на свои силы ..

они успели воспользоваться всех, кратковременной свободностью, ворвутся, держат всех страстными образом...

Я знал много случаев в Москве, когда при несогласных обысках, о которых не сказано в самых первых они самодержавно, несли на передних, не только шубы, только, шапки но и калоши... Если обворованные грозили составить протокол или просили составить протокол, то говорили: "Попробуйте составить или протоколы в газеты, мы у вас завтра не останемся. как говорится камня на камне, и прежних знакомых в сопротивлении с оружием в руках и конечно применяем... и знаете что Контрольная книга что вступаем, то и сделаем, наше такому правительству (хохотали смеялись сардонически) никто не стал бы служить, но Сенкин и шапка, не забывайте, что потихоньку около нас растущий враги и мы сами разлагаемся как падаль на горячем летнем солнце... не пыжи, завтра подымется настоящее правительство, и тогда мы будем сажать расстрелы или веревка нам не минует...

Контрибуций.

Прежде чем начать говорить о контрибуциях, я должен указать, на причины их вызвавшие. Самые продувные, не окончательно лишенные здравого смысла люди стоявшие во главе власти, явился превосходство, что крылатая субстанция, абсолютно долго длится не может, начали грабить всех. С помощью контрибуций они хотели выгнать из народа и состоятельных классов все Николаевские деньги и Керенки признанные всеми правительствами. Так как в это время Советское правительство не выпускало денежных знаков, контрибуции собирались преимущественно платили Николаевскими и Керенками (они знали что Николаевский много потеряет а керенки хотя и сильно, все же таки часть их удержится в руках). Взяв их, надев сотни тысяч и миллионы

всё деньги карманы, они стали не обыкновенных ушек, стали бояться своих тряпок. Бери товары и сдачи
последнее время в деревнях на них трудно было что-нибудь купить, крестьяне отказывались
их принимать. Со всех сторон слышались одни только расспросы о деньгах...

Совершенно неожиданно, по Мануфактуре, за что-то они бегали и торговали, по докладу
коммунистов уцелевших отделений была наложена контрибуция в пятьсот миллионов. Совет-
ских людей в прогалах, отказавшихся платить, безжалостно требовали, брали в подвал,
разрешительная дума, служившая во время ярмарок отхожим местом, с угрозой, расстрела
если не внесут быстро денег, гнали через Тын, давали им горсточку хлеба и воду, в числе
арестованных, были старики и совсем юноши. При помощи террора им удалось собрать всю
сумму. Николаевским и керенкам, которые ушлые прибавили на карманы, всему близкому
кругу, нужно было запастись деньгами...

Передам один характерный эпизод рассказанный мне преемником Кучкой связанный
со мной друзьями, доцентом медицинского факультета, всеми любимым и уважаемым — Софьей
Александровной Русановой: «В два часа ночи слышим выстрелы около двери дома, затем
стуки прикладами в дверь. Мама первая немецкая вспыльчивая испугалась с ужасом.
Отца не было дома, брат отворил дверь, входит пожилой человек и молодой в военной
форме в сопровождении вооруженных красноармейцев. Посмотрели на пожилого
человека, обвинение убийстве очень десяти лиц категории. Таких среди
нашей семьи, врагами им брать разбой. Начался грубый обыск, перевернули все
в комнатах, сундуках, вспороли матрац, не будь ли пули, не спрятал заранее ее ужасное
в нательные вещи... все обыскали. Осмотрев все пожилой командир, обращаясь
ко мне с криком «Давай пятьдесят тысяч, сейчас в полчаса отпущу расстреляю!»
— Откуда же я возьму отпустите спокойно — отца нет дома, да у него и нет таких денег. —
«Спокойно не стоять!» и стали ходить и ждать смерть, уже было думалось такое горе-

[illegible] полная разорения, где смерть не казалась страшной... Молодой человек, плененный ее красотой, молодостью, грацией не выдерживал и [illegible] Давыдовы называлися нами в честь некоторой девушки, [illegible] [illegible] отца, разорившегося молодого, всех участников [illegible] прежних традиций [illegible] на [illegible] [illegible] [illegible] Я часто любовался на эту характерную русскую девушку, соединившую в себе красоту, грацию, [illegible] женственность, с героической душой, [illegible] страха.....

У моей племянницы [illegible] где-то [illegible] и осталось одно фамильное серебро, [illegible] было только [illegible] 25 фунтов серебра....

Но англичане являются по мере [illegible], не прошло месяца как явление [illegible], на [illegible] [illegible] центра, [illegible] об [illegible] удавшемся [illegible] у высшего начальства [illegible] [illegible] бесчинствующих англичан, [illegible] [illegible] [illegible] с Мажирова: "При малейшем [illegible] последней тягости [illegible] [illegible] [illegible]". Крик в [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] будут даже на [illegible]... Декрет объяснял, что чудовищное требование было предназначено не для них, но на [illegible] [illegible], конечно никто [illegible] не [illegible], все догадывались, что хотелось выбрать из деревень всех [illegible] [illegible].

Как яркую характеристику ума и находчивости [illegible] [illegible] скажу, что в Русанове в [illegible] [illegible] [illegible] было выкопать – [illegible] [illegible].....

Неудержимая усадьба и [illegible] [illegible] во всей вселенной, потерпели полную неудачу. Мажирова и остальные деревни [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible], были схвачены, брошены в [illegible], в некоторых [illegible] деревнях. Были [illegible] [illegible] [illegible]... На головы надевали [illegible] и [illegible] [illegible], была [illegible] до полусмерти, привязывали к [illegible] деревьев и в продолжение [illegible] часов [illegible] [illegible] старались [illegible] [illegible], но так как Вильгельм и Телль среди [illegible] [illegible], не [illegible], привязанные в продолжение [illegible] часов, [illegible]

ужасами смерти, пытки Урожены повторились в Вологде спустя годы... «Из бывшей они здесь дерев
ни сотни чуть не до смерти их. крестьян заподозренных что они спрятали деньги...
И этих прогрессивающих всех пытках: Грязь сыпи с их ужасающими средневековыми
истязаниями постепенно вырисовывались... Страшные слухи передавались шепотом, распро
странялись всюду, неправдоподобные и жуткие местами, стали наполнять [illegible] всюду.
Кровавый кошмарный путь как всегда вел вперед тупых одержимых садистов бойцов...

За три дня до нового года явился к нам во всеоружии - красноармеец, заявил что помощ-
ника заарестована и должна с вещами ехать в тюрьму... Она пробыла под арестом, три дня, вече-
ринах вечером под новый год. рассказала следующее. ... в опустевшую маленькую комнатку, где досто
в мягкой постели, тёплой от [illegible] постоянно сменялись дежурные
подруги со мной, в первый день мы подружились [illegible] смущенно
ходу открыли... Они заявили что убивать бранных не станут предстоящий расстрел.

На второй вечер ко мне явились два [illegible] комиссара с револьверами
в руках, не вступая предварительно в [illegible] грубо заявили: «Говорят нам зарыли спря
тавали золото, если ты их нам не отдашь, мы сумеем добиться их - мы перед пытками
не остановимся!» а затем заявили что камеры остаются со мной пока... Маленькая
спокойно ответила «я вас не боюсь, видимо вы говорили неправду спасения от нас нет.
Я вам недавно отдала все что имела ценного: серебро, деньги кольца и мои кни-
сам и гардероб, что ценного сделала что без свидетелей, следовательно от этого
не могу ничего дать». Ее поразительное, полное спокойствие, достоинство нарушило
бойцов подействовало, достаточно было в коридоре на всех этих [illegible] и
нарушительно не могут.. стукнув по револьверу они удалились.. Сосед по их возвра собрались
уже со слезами: «Милая светлая барышня, мы извините за то что в своей слепоте по
[illegible] дерзких, своей доброте, сердцем, попробуйте они грязного к нему прикоснуться не

мы их тотчас же попередушили и разлили в вот этому..

Ко тебе году ее выпустили.. Имущества трех лавочных дюжины и стаканы, видно мелкого разбора, она изловчилась под брюшком последнего надрать ленты, мы так и не успели ее перехватить, она сильно стала задумываться быстро худеть..

Все это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Рассказы слышанные мною в детстве о том, как бедные люди, до известной степени рутинно за их привязанности..

У соседа нашего большая музыкантша продавшая нам рояль и ноты разных дураков, покрывала скатертью какафонией, весь инструмент загадила, гитарой жалобно. Заключительный роль учения, что все это часто дает выше описанные, будучи детьми. восторженные открытия, они портились, разрубив рояль на четыре части, чтобы им обиду обиты не были, к тому же рояль по величине не могла бы поместиться в хате.. Картинка!..

Не смотря на печальный опыт недоразумение произошло с грамотеем захватившего всей головой, не зная чтобы обычай достались лучшие куски разрубили хорошие диски на шесть частей....

Грабеж дом Ивлассинова, крестьянин, завел себе огромное зеркало на это горе, каменщик отказался класть для стационного зеркала, пришлось пока будущего сделать в коридоре. которое строгается без потолка, возвращается с плеча и корова увидела себя в зеркало, Воображая себя гораздо лучше чем была в действительности, выпучила и давай мотаться в зеркало и кусать рамки с перебегать.. Ивлассинова говорит:....

Отрезал на часть кудрявую большинство - будущего умения. Далее
бедных [illegible] не считая отверстия [illegible] отдавать на лицевую сторону и грубую

[illegible] хотелось больше в обиду не давать, предлагайте ограбить, грабителя.

Ограбление выдающееся

Рассказ о весьма выдающемся ограблении. Дело идет об одном семействе виленских обывателей. Не смотря на всю его гражданскую реакционность оно конечно осталось безнаказанным, что было логическим последствием, непризнавания собственности.

Передаю со слов глубоко симпатизирующей Клячкиной. Муж ее был очень богатый негоциант, по идеям передовой, был в переписке с Григорием Петровым. Его богатство конечно разожгло народную алчность мелкой власти. Его хотели устранить, ускорить такой процесс тяжелой расправой. Один комиссар которому я рассказал, об ужасном корыстном преступлении, старался успокоить меня нескольких словами: "Кто знает может быть он представляет большую ценность, они умирают от медленного мучительного, иногда как пластырь, год, два, пригодятся и конечно. Семейство по гуманности не хочет чтобы покойник быстро благодарности, пропадал".

После благодетельного устранения, обобрали убитого оставшуюся кровь, скрывавшаяся вся растерялась сама, и молодежь долг, было очень легко.

Разграбили у них дорогие платья и женское белье, чудных лошадей, огромные запасы в магазинах, роскошную мебель, посуду, очень дорогие меха, мебель мужские и женские, огромное богатое праздничное одеяние и несколько сот тысяч денег, бумажками, всего по счету по малой мере на миллион рубл., считая по курсу до войны. 2 серебр. 60 копеек за рубль.

Когда вдова комиссарова спросила, зачем вы забирали наши праздничные одежды нам бы не пригодились. Они цинично отвечали. Кто может знать будущее, пока мы не узнаем кто кто живет, может быть нам удастся у нас родится долги, думали о праздниках мы

Благодаря Ильичу не будем... Радуйтесь, что так дешево отделались, мы могли бы и всех расстрелять..."

С глубокой печалью смотрялся я, на молодежную эту хороводную славную девушку дочь Клячиных... Как эта тонкая душа, в конце не сломилась от гнета не отчаялась под бременем перенесенных ужасов: Разгром любимого отца, арест ее самой и заключение, голодовка, угрозы пыток и изнасилования, вид матери отдающей с минуты на минуту рассудок, страх за брата скрывавшегося отчаянным и полным ужаса

Я открываю книгу Гайдара только на волосок, верные всем его последующим подписывал власти, такие чудовищным преступлениям, стать будет потерей... Навряд ли будущая пресса не вспомнит, все заполнит, все заносит в хронику летописи: "подводит итоги..." Это было дух мстительная песня", что закон неумолимой Исторической немезиды...

Трагедий

Богатого помещика Муромцева, отец купчихи и любили крестьяне за его гуманность, гуманность отзывчивость, всем оказываемую помощь... Когда Советская власть пришла Волостной красногвардейцы объявили его собственность - народной Крестьяне воспользовались, растворили, вывели, косили, описали его, прислали сюда и на этот раз крестьяне вышли победителем, тогда высылали на бунтовщиков двух сотни красногвардейцев не только с пушками но и пулеметами... Крестьяне давались, прятали

« Умрем за нашего хорошего барина в обиду не дадим, провозгласили дружно, крестьяне. Муромцы вышли на балкон и заявили красноармейцам: « Дорогие наши братья, душевные хорошие, честные люди... Спасибо вам большое сердечное, что стоите за меня грудью. Я не только премирован и чувствую симпатию к власти советской и народной, убийцы, воров их гибель близится, близка будущая советская и наша, но я не могу допустить чтобы их за меня злодеи начали избивать вас, (тогда мужественно бросил в сторону из кармана револьвер и пустил себе пулю в висок)....

Передать трагедию разыгравшуюся на моих глазах в семействе, связанном со мной дружбой... Из Мантурова нагрянули трибуналы, пришедшие разгромленную дивизию. Бегство с фронта, было до разлития невропатиков, охотников давать себя на искалечивание их за советской власти, не оказывалось, на доверие подвластных ей до повальных, голода, холода, налогов и страшных гибелей терпела почву как по мановению волшебной, как всякая погибающая власть она бесилась, прикрылась за террор, свирепый но бесплодный.

Мы были перед нашествием Белых, находящимся вблизи Курска, Орла Украйны уже были в их руках, На семейство Русановых, стряслось много, много невропатических невзгод. Советская власть его начала расценивать безумными контрреволюционерами, обыски шли за обысками, аресты за арестами, преступление Русанова заключалось в том что они были до советской власти богатыми, их отечество много лет было, отобрано не было ни покупателей...

О собаке выдающегося доктора, отличавшейся не только красотой но и редкими героическими, редкими, большими многосторонними образованием.. Среди старшей доктора Клавдии, (служащей в советской армии) шел бывало рядом, ни на время покидая ее. « Любовь прохожих тем, что и волкам опасно проходить » говорит баснописец Крылов...

и прошел сквозь строй пять раз, рискуя сто раз погибнуть, и наконец увидел безумно им любимую. Они знали повесу, шалунью с тонкими чертами, с капризным выражением, гордую умом, сердцем, понимали его вполне, но огромно радостное свидание заключило ужасную прогулку.

Злая тварь донесла это в дом Русановых директору. Его арестовали и в шесть часов вечера приговорили к расстрелу, к счастливому случаю пришлось это отложить до следующего дня. Отчаянные мольбы, девушек, семьи, доказавших, что они явятся на короткий срок, купленный, не страхом строгого, как смертельный, электрик, они ему не подействовали, но только одной пламенной любовью помогли. Умоляющими отвратительными, счастливыми заключенных, что перебудили расстрелять целого убить горем всю семью, все равно что выпить стакан воды, что все лишние чувства вздор, разбито идеей о спасении обитого вашего, и люди с сердцем обросшим шерстью горькой, тайно отлично, что построенная, на убийствах, пытках грабежах власти, обречена в скорбных жизней, по существующему их типам.

Наконец расстрелы отменены, все вещи и деньги у них отняты пришли, думая что казнь не состоится, и его отправили в тюрьму.

Но казнь состоялась, по одежде его метали жребий. В десять часов вечера, его увидела так глубоко любить, встретившая их за любви повести не казнь.

Его повели на расстрел на луг против дома Русановых. Идя он крепко сжимал образок подаренный матерью и не сводил глаз, полных горячих слез с дома невесты.

Палачи взяли над ним, над образком, были прикладами в лицо, чтобы он не смотрел на дом невесты, крича что и не расстреляют, прибавляя и хохоча, что она сюда так не будет любоваться... Увидав третьими приготовлениями велели раздаться, тайно его обыскивать главный палач, отняв ружье и перчатки, сапоги их они должны были достаться победителю. Он дрожал от холода и ужаса близкой разлуки со счастием всей жизни, начал медленно молиться, громко командовать. За минуту до смерти, у несчастных

вырвался крик ужаса и злости, и кровь дауса и его товарищей и Чайка прижались к могиле, на секунду закрыли необъятную муку, изстрадавшейся, молодой, пылкой души. Разрывной пулей ему снесли череп. Мозг и кровь обагрили траву. Его бросили в яму, наполовину засыпали водой, образ остался в его зрачках. Когда на следующую ночь сторожа пришли, они услышали (думали) плеск, постучали ломом, они перестали, увидели голодных собак лизавших мозг и кровь растерзанного...

Могила его стала предметом паломничества. Из огромной свободы, каждый спешащие девушки и учителя, напитавшей уже удивительной природы... Много, много слез пролилось на романтическую могилу.

Отец невесты, обливаясь слезами возвращался на могилку, обложил ее дерном, поставил крест: убитый внизу...

Глубокий ученый силлабайт был в числе Американских врачей Гарви, великий психолог, гуманист, ученый и бедного падшей души нашего бога... Его трогающие до горячих слез рассказы, о преображении падших душ, о разгорающихся в глубинах душевных потрясающих искры, которые меняют все... Потрясенный до глубины души и прочел биографию, самого доктора Газа написанную Кох... Он обнимал он с арестантов, истерзанных плетьми и вечными кандалами, на лбу идущих на долгую каторгу и скупал несчастье своих рождая своей большой души, и скупая все запачканное зло, все неблагополучное порока человеческого... Чехов и Дорошевич наблюдал, шутая каторжников на Сахалине, оба пришли к одинаковому заключению, что браваду своими видавшими преступниками, не более как предлог, хоть на минуту уйти от гнетущей душу совести, от ночных бдений. Ямщик... Хвастливая бахвальство по ногам, смертельно бледные полные невыразимого ужаса, спящие, рвущие их давит кошмар, кровавые сны... Совесть когтистый зверь, замучивает грудь... Пишет, гениальный сердцеведец пушкин...

До отдыха сохранил я веру, что ни тот ад, в котором добрым нельзя было бы пробудить человека. «Отверженные» роман Виктора Гюго, не дарован отечественным народам «Евангелие 19 ст.». Вера моя подтвердилась, дала мне счастливейшие часы жизни. Она спасла от неминуемой казни, сестру и брата и отца осталась в семействе.

В кармане распространялась нашим письмо невесты, в котором она передавала слух, что ее старший брат Николай взбрал в наполеонскую земскую армию, что она пришла в Мантуровскому лесу, имея оружие, даже пулемет, что брат Николай вместе с войском генерала Деникина добровольцам сдал Мантурову. Председатель трибунала тотчас же телеграфировал в Курск, арестовать брата и прислать для расстрела, а ни же вместе должно было быть расстреляно Клавдия. Невеста расстрелянного, за участие в заговоре.

Узнав об этом, я провел ужасную ночь, меня мучили тяжкие видения, думы мои разбегались и ничего написать письмо председателю трибунала, таящая мое прошение:

Утром меня посетила отец, рыдая просила, что бы предпринять, ибо спасение дитя. Когда я передал ему мое единственное спасительное письмо, он печально прижал к груди мне сердце, что дитя мое не спасет, даже чудо, для чудовища!...

Обнимая его со слезами я несколько раз прошептал «Верьте в чудо, верьте в чудо!!»

Через час посылал записку от председателя: «Увезу самому Петру Федосеевичу Алисову, сообщая что отец Клавдии и брата ее Николая, возбуждается не будет и всем этим дело кончено.»

Человек взял верх, чудо свершилось. И горечь скажу что огромное большинство русских закрепленных писателей с тяжелыми [redacted] гербами в душах, после этих приведенных разговоров не «представляет себя, что я как и был», а писатель, брат и сестра были бы расстреляны...

Поспешно на память, воспроизведем письмо ... «В тридцать я не мог бы выговорить

всем что дало мне сорока лет жизнь за границей, полная бурной борьбы за идеалы, поисков правду . . .

Мне большие знакомства, со всеми выдающимися передовыми людьми иностранных стран, начиная с самых крайних, со всеми революционными течениями в Европе, знакомство с историей революций, закалили мировой двоедушие, позволили мне, с математической точностью знать что-нибудь, несмотря на людей всей русской эмиграции, очень далеко не подготовленной к роли враждебной этой волны . . .

Возвратясь при свободном новом строе, я со всей силой души как писатель и старый революционер, буду стоять к великодушию, сострадательно к побежденным . . .

Наука выдвинула неумолимый закон исторической борьбы, не только в нашем порядке но и частных лиц . . . Христианский ад и рай вошли на наблюдение, стало видимым для всех законов . . Возмездие восстановливает нарушенный нравственный закон . . Но злые дела неизбежно вырабатывают злые последствия . . Если бы все знали, что всегда приходится платить расплатами за все зло, не было бы злых людей . . Великий поэт и мыслитель создатель «Вильгельм Телль» и «Заговора Фиеско» увенчанный революционным конвентом, пророчески произнес: «Зло дело рук своих творителя несет» и успокоился, сгубив старый строй . . Всеобщее выжидательное рабски трусливое молчание, скрывающее бьющуюся страшную ложь Советской власти

Вы говорите что в виду грозной опасности нависшей над Советской властью вы принуждены забыть, убитых себя членов-губернатора : великодушие, сострадание, любовь к ближнему . . Не так по-христиански — учили великие революции . . Руководясь человеческими они спасали от гибели миллионы семей . . История освятила подвиги их благородных душ . . Слабость в вашей точке, палачи — блеск силы, довольство . . .

Не надевайте мундирную вашу, не пачкайте преступной головы, несчастного

их несчастных...

Зайдя к ним, я увидел неописуемое горе, натуры нервные, болезненно чувствительные они невыносимо страдали, неусыпно страшился гибели любимого человека, виновата только в своей безграничной любви. - недостаточно для Вас

Я видел мать, отца и меня всех ног душили слезы. Слухи передаваемые в письме казались до очевидности безпристрастные свидетельства показали что в Мантуровой никакой белой армии не существовало в природе, об офицерах и говорить нечего, конечно никто не выбирал, в французские начальники, выдрессированного, непонимающего никому, За все семь года пребывания в Мантуровой, я наслышался таких безсмысленных Гиперболических преувеличений, что если бы их записать, то они составили бы целый большой том. Как наблюдатель скажу, и перестрелки чувствовал, что в большинстве случаев во всех доносах, обвинениях играли первую роль, личные счеты, месть, своекорыстные цели....

Уважаемый Вами не добивайтесь истерзавшуюся, незащищенную, невзгодами, много пережившую семью. Спросите с себя безпощадно более личного суда, станьте главным...

Трагедия росла последний акт надвигался. Страдания при виде всех несправедливостей, ужасов так истощили мои нервы, что я стал ясновидящим, стал мистически болезненно предчувствовать события. 15 Ноябр. 19 год. ночь раздался удар в парадную дверь. Каждый удар отзывался в моем небольшом сердце, как удар топора, в холодную текут жилы, застыла кровь стучала молотом. На вопросы кто они отвечали, что привезли для обыска и ареста племянницу.

Вошли двое, главный имел вид не только убийцы, но и холодного исполнителя, они были с револьверами и саблями. Начался обыск длившийся до трех часов ночи, они перерыли весь дом, отобрали очень много столовых серебряных ложек, оставшихся от разграбленного мужем, золотые часы, браслеты, кольца, цепочки. Золото грубо потребовали, чтобы племянница вышла и через одна минута. Наказ

прошлое не помогли и каждого перед отцом своим поставили обыкновенно устало и тогда я увидел незамеченный им как он в задумчивости вытащил, сильно оттопырив большой сабель и стал пальцами ощупывать лезвие, зловещая улыбка заиграла на его равнодушном лице, преступление назрело в душе его.

Преодолев все страшные предчувствия поднявшиеся в душе, с просиявшим от радости лицом он загадочно улыбнулся. Прощаясь со мной он несколько раз повторил «Не моя судьба ее не обойдешь, что будет то будет, бояться нам нечего, я никому зла не сделал, я ни в чем не виноват» и когда за ней захлопнулась дверь, я ясно сознал, что с ней захлопнулась крышка ее гроба. Она призванная народом «Святая бабушка» навеки уходила от нас унося в царство вечной тайны, бесконечных душевных переживаний, невозможных наших слов.

До ее гибели был расступлен, необыкновенно умный, ненавидящий Советскую власть красный сосед, который не спускал с нее подозрительных, злых наблюдений.

Маленькую все обожали, сострадали, самоотверженно и за них пришла мученическая смерть, на пятый день ее привезли обезображенную, герои были бы изрублены сабель злобы которой ощущали на плечах, на шее и овраге, раздетую, засыпанную снегом.

Полная бесконечной скорби, склонилась над единственной дочерью, старушка мать со словами «Зарыли меня и не зарыли!» Гроб ее превратился в маленький холмик, плакали не только крестьяне но и мужики.

Я предсказывал и предсказание сбудется. Погасли маленькие недостатки, слабости и самолюбительство вступили все добродетельные. Пройдут долгие годы и прах ее начнет творить чудеса, вокруг гроба перекрестится в храм, загорятся неугасимые лампады, воскурятся кадильные благовония, и народ будет молиться своей заступнице, покровительнице, мученице из мучеников, с писклявых уст в горестных душах.

Я свободно мыслящий, нахожу что православие, католичество, воззрения великих людей

праведников и святых, стоящей выше, трезвомудрой, предельно холодной и порой скрытой лютеранства.

Религия обнаженная от всего мистического, таинственного, чудесного, от великолепия красок храмов, горящих алтарей, кадильных благовоний, экстаза молитвы на коленях а не на стульях, чудного пения, музыки органов, становится поучительной лекцией.... Когда мы все станем братьями, все анклавы, святые больше не будут подымать из-за обиды свои выходящие из их могил, потоки и обрушат мраморный свет охватывающий мир. Святые успокоятся когда мы все станем святыми...

Но в наше страшное время, великие праведники, мученики, представляющие высшую такие же подавляющие, своей громадностью, такие же пламенные как высшие же солнца, в несколько сот тысяч верст

После ужасной мученической смерти пламенных, трагедия вскоре дошла до своего последнего акта до мира смерти.

Судьба уготовила мне подлый завтрак, перешедший действительность, превзошедшую горькую фантазию...

В декабрьских пламенных явились людоеды и под бряцанье гитары начали сбивать замки со шкафов и сундуков и дочиста ограбили, уничтожив очаг прежних разворовываний.

Затем последовало распоряжение отобрать библиотеку, накопленную в продолжение трех столетий, вывезти, свой, не только в Мамутную но и соседние деревни. А все завершилось прочтением приказа Советской власти, вселить в освободившуюся спальную дома, на единственной, оставшейся в огромном ледяном доме комнате, связанной с самыми светлыми, незабвенными всей моей многолетней счастливой жизни. Спальня комната была украшена портретами, людей пользовавшихся широкой европейской культурой в доме все детей, приказ закончился словами, въехать в самую теплую

жанщ деревни... Этого ~~выдержать~~, удара она не вынесла, слегла как подкошенная и в психозе Жени скончалась... Ее осаждали галлюцинаций, в тяжком бреду, она стонала, дико кричала: "За что? за что?!" ей виделись чудища, с грязными окровавленными лапами, толкавшими ее в хохочущую яму.... Последние ее слова были полны такой невыразимой отчаяния, что привели в ужас присутствующих и они горячо молили бога, о прекращении страданий ~~страдалицы~~ женщины... Лицо ее после первого удара сестры Лизы покойной тещи господина Кочевникова, приехавшая со мной в Мактуруч... И они их бреда их обокрала ведьма-кухарка, оставленная ими сторожить дом... Безпощадная судьба, высекши несчастную, но только не в темную урну хаму но в тот миг от ее полярных звезд горящей в ярко освещенной зале белокожей...

Судьба таинственными путями после невыносимо мучительных пыток сделала меня свидетелем, одного из бесчисленных, трагедий, я перешел ее всех существование свое, полный ужаса и поднял уголок завесы над более темную сторону безумия и преступлений.

Матери и дочери вскоре после 905 г. пролога революции, давали свой миллионный рубль за гимназ, но они не предчувствуя спуска вниз, медленно, но неотвратимо угрожающий будущий, в алчной своей отказались продать рубль и тем время 2 руб 60 коп. Сразу они лишены были всего, обеднели они больше богатства до нищеты, их лишили прав собственности, потому они были чрезвычайно преступны.

Лютые звери грабили нагло, грубо, с оружием в руках, со злорадством ограбленных "Вы владели не в силу человеческих, на законном основании, своим имуществом", это несправедливо, сквернь, мы революционеры с револьвером в руках завладели тем что вам принадлежит более чем справедливо.

После смерти хозяйки дома нагнали осадочные грабежи, в зале и наверху были два солдата, с ружьями, чтобы не подошли, выгнали их.

их под голову не подушку и не стащили с головы новый шелковый платок...

В огромном доме отличавшейся неугасимым гостеприимством, в котором устраивались литературные вечера, театральные представления, дом полная чаша, в которой десятки знакомых семействами проводили целые месяцы, в течение дней превратился в дом смерти, последняя мебель была вынесена, и стали ломать рояль, вынимать стекла, обдирать обои, растаскивать среди бывшего еще недавно порядка, стаскивать с крыши железо. Чудный дремучий парк и его гигантские аллеи, с ароматом цветущих деревьев, свидетели в самые тихие дни с пением, трелями соловьев, воркованием горлинок, были наголову вырублены в несколько дней, роскошные плодовые деревья поломаны... О горькая участь! Роскошная усадьба, парк, все постройки, посеки названные «народной собственностью» и тщательно народную собственность, растаскивали, разворовывали в свою личную пользу кучка отребья, десятка хулиганов; в свою пользу и шестьсотенная слобода не поленилась... Весною тех крестьяне так крепко держались за свою собственность, не хотели в возможности превращения чужой украденной в народную, чтобы что ни одно государство в мире, претендующее на это название, признать безумные разграбления, осуществленные убийствами ни в чем неповинных людей за полвека не могущие и бесконечно будущей считаться позорными.

Смерть обошла даже великих несчастий, сердце разрывающие сердце ушедшего навеки, и никто не мог без содрогания видеть взгляд его... Долго без отдыха, с обнаженными спинами, стоящие на месте точно слепыми глазами, я поднялся тогда в ночь дождя, прошлое чудной моей тихой цели, до самого креста...

Погибла безвозвратно, на волоске обогащенная бытием, богатейшая усадьба, погибла семья, отличавшаяся великодушием, гуманностью, щедростью, сделавшая так много добра, не только для своей слободы, но и окрестных деревень... Семья поминающаяся

в громкий шведский сан, ~~поступившей~~ в чтицы губерний ...

Вся перенесенные страдания, мысли доканчивающая меня, что я почти целого года, поминутно, в полном невыносимости, вскакал за границу чувствий глубже любимую семью и ~~заснул~~ наконец, спокойно, прекрасно, свободно усыпило в первый столицу мира довели меня до отчаяния близкого к самоубийству ... Успокоила укрыла мою мечту чужая душа ~~отца~~ ~~с~~ ~~чужая~~ ~~душа~~ ~~переселившаяся~~ ~~в~~ ~~мою~~ ~~жизнь~~ семья Трусаковых, куда я переселился, покинув дом грехов - Они окружили меня горячей любовью, заботами, трогательным вниманием ... Мать семейства, не смотря на то что была горда моею мною стала для меня самой нежной матерью, я потерявший мать в десять обрел ее в старости ... Я полюбил глубоко всю чудную семью но в особенности сошелся с двумя дочерьми: Клавдией ~~Александровной~~ ~~Софьей~~ ~~Александровной~~ ~~Трусаковой~~ ~~которые~~ ~~были~~ ~~тогда~~ ~~милой~~ девушки, они более не ~~чувствовали~~ их тихо были, нашими любимыми ... Они могли сильно соперничать с лучшими героинями, романов Тихина, Гончарова, Тургенева. Красота душевная озаряла их ~~прекрасные~~ милые, ~~светлые~~ и ~~прекрасные~~ всего высокого, прекрасного, они глубоко страдали. Затерянные в деревне, рвались к иной великой, святой цели ... С большим избранием, нежными, с нежными характерами, они могли бы и конечно стали великолепными воспитательницами ... Глядя на них я верил и верю что им предстоит большое будущее, как будущей хорошо счастливы тем кого они полюбили. Может быть такая счастливая судьба ~~ждала~~ ждала великим счастьем старшую Дев, хотя немного смелую, трагическую жизнь, гибель ее жениха ... Утешая себя что пострадавшая в юности разорена, несколько преследуемая Советскими людьми семья и возвращением ~~ее~~ ~~к~~ ~~ее~~ ~~старой~~ старой, обретет счастье, довольство, что ее вернется старина ...

Я верю глубоко в скорое крушение, безумной власти ... Безумие не может ~~быть~~ ~~вечно~~ ~~царить~~ ~~на~~ ~~земле~~ ~~и~~ ~~в~~ ~~истории~~ ~~не~~ ~~знает~~ ~~примера~~, чтобы оно стало хроническим.

Неизбежно восторжествует наступление великая Россия несущая с собой свободу, порядок государственности, возрождение.. (Вести существом, всеми измученными нервами, перенесшими диктатуру пролетариата, другими словами невыносимую тиранию, невежественной ~~освобожденной~~ темной массой, растлившей до мозга костей, развращенной ~~развращенной~~ и водкой, преступностью ~~преступностью~~ ~~Солдатчина вольного и всякого тех самодержавных~~.. тиранию всюду вспыхивающую, быстро ~~быстро~~ кровавящую, неустанно донимающую, всепроникающую, туго друга грабящую, разнузданную безграничную свирепую, мстительную.. Я сам все видел наблюдал диктатуру пролетариата ~~пролетариата~~ ~~пролетариата~~, входящую в дом, ночью и днем, со стуком приклада, выстрелами в потолок с угрозой убить, ~~убить~~ при малейшем сопротивлении, при малейшем недовольстве, не выполнении самой малейшей прихоти и чуть что кричащую о свободе.. "я вам тут ~~тут~~ диктатор" ~~диктатор~~ ~~диктатор~~ ~~диктатор~~ Умерить возбужденность толпы "буржуи".. Часто видел комунистов по примеру ~~примеру~~ ~~примеру~~ ~~примеру~~

Не читать

бесправию нашему народу. и таким же уже в массе темным рабочим, обычно мужикам стало рождаться жилого чем не стоющее. Чужое недвижимое имущество, другой денно и нощно, небывалой бездонные карманы не останавливались не только перед разворовыванием сундуков, шкафов, комодов. но и стаскиванием драгоценных перстней и даже обручальных колец, в руках слабых, смертельно запуганных, направленным в грудь револьверами женщин... разворовывая все движимое, они знали прекрасно, что описать золото, серебро, николаевские бумажки, провалившиеся в их карманы будет очень и очень трудно, восстановить самовосстановить запрещенную недвижимость и растасканные по бревнам усадьбы и пущенных по миру сотен тысяч землевладельцев будет хотя и хлопотно, но очень возможно...

Шуллера Советской власти, пустили в ход, крапленные карты, не смотря на то что они убили на повал всю независимую прессу, свободу слова их умолкли и скоро уступили место выкрикам из запыленной или спущенной, будущей им готовой одной поучения и проклятия...

Заключение

Конец 19 века и начало XX. ознаменовали себя изучением Законов Истории, Законов всемирной Вселенной Законов Духовных сил и духовной силы, великое значение религий и высоких моралей — История не одни поучительные рассказы о всем перечисленном человечеством и могущественной потребностью Души, выраженным хотя и слегка неясным к краскам прошлого, она провозвестник, разворачивающейся будущего, полная несокрушимых чудес....

Десятки тысяч лет, основатели религий, пророки, моралисты, законодатели материи шли часть на муки и смерть, проповедовали: равенство, братство, свободу

любви к ближнему, самоотверженье, они вписаны в сердца. Современная мораль, опираясь на науку внешней и к сердцу и разуму. «Великие принципы, прежде всего относятся в целом безотносительно счастья, безграничного счастливым станет человечество, когда большинство людей станет прекрасным и умным...

Будда отдавал себя на сострадание людей, распятый Христос в терновом венце, в муках умирающий на кресте ради спасения человечества. Будем говорить: «Дерево не должно лишать тени даже врага», Христос учил: «Плакать за зло вокруг, молиться за палачей ваших» а наше время выполнило великие моральные заветы: «Все можно, все простимо».

Мудрецов, пророков, человечество выводило в боги, воздвигало им грандиозные по красоте храмы, зажигало вокруг их гробниц, пещер священные лампады, окуривало благовониями, усеяло молитвами (священными) чудесами (откровений), чудес.

Святые мораль шла своим путем, суровая учит своим, медленно, неторопливо делала свое облагораживающее дело... Самые страшные времена в истории, строки в муках и слезах опыта лучшие строки учат учили народы добру. Из зла росло путем тяжкого кровавого опыта, полезная последствий: зло — добро... Из неравенства, несправедливости — справедливости, равенство, братство — равенство, свобода, губившие страну деспотии — конституций, республики, олигархий — демократии, в бесконечных кровопролитиях — третейский суд, мир народов... Из чудес церкви, пугающие воображение, растущие на благо людей, чудесные открытия науки, техники невежества, всеобщее просвещение, из тиранических военных государств, автономий народности... Из капиталистов по мере роста всеобщей солидарности, универсальных богатств, мирные меценаты общественного, они постепенно будут становиться, невыгодны, технически злы обладатели. Из грубых верований отпугивающих людей и их достоинствами и недостатками боги, великая первозданная тайна всей вселенной и усилий, неизмеримей, земных

изучаешь и понимаешь – бог. „Растение, изучаешь бесконечно науку, растений, изучаешь в нем тайну, сущность явлений... Ум маленький пигмея небо великое, созвездий небо астрономическое, и бесконечными мирами, безграничным пространством излучаемые лучи света ...

Дети пусть становятся все более и более честными, чтоб только свобода, равенство, братство и безграничная любовь к ближнему, сострадание, самоотвержение, возродили человечество, приведут к всеобщему, пока недостижимому нами счастью. –

серпом молотом

Кровавая Сарматия.

I

Почти сорок ~~пятых~~ писем, присланных в Совет Комиссаров Северных Соединенных Штатов, с 917 г. в конце сентября, через несколько недель после Октябрьской грозы взрыва пароходов начиненных подводными лодками Германии в Архангельск, вернулся на родину, они обрушились на мои спины, невыносимо долгий позвоночник... Из Гвардейских ~~четырехсот~~ Верховных Старцев, ~~пятьсот~~ Великих мужей, постепенное исчезновение ~~нервов~~, при виде гибели России крушение всех завтрашних идеалов... Мутный, серый покров смертной скуки лег мне ~~Смертной~~ тенью за плечи... — Ничего не ~~Теряя~~, но ~~отрекаясь~~ наживая безбрежные годы, ~~неизгладимыми~~ приобрел безумное половое чувство к ~~Родине~~ Природе, ~~Свободе~~ ~~сознательные~~ истории ~~накладывать~~ нарождающиеся ~~Верхушки~~, ~~жаться за~~ ~~ниспровергнутых~~ ~~Династий~~ ~~Революционеров~~... а за ними ~~Великая~~ масса — ~~Революционная~~ — невежда, не имеющая представленья о Законах истории, о революции, возмущалась и ~~революционерами~~. Сильно ~~Варварски~~ ~~Варварски~~ ~~Варварски~~

2 марта вторая по величине дивизия ... а в начале апреля ... удесятерилось ... Командарм 6 будучи в Могилеве и в особенности в центральной губернии в провинции ... Наблюдалось в этой губернии, повторялось в Невельском и в остальных ... Тогда разбушевалась на всех фронтах, как злой сильный великан, неудержимая стихия других губерний ...

По выполнении подлого предательского дела, будучи уверены в том, что сделано, тщательно прикрыли ... Народ не должен знать, чтобы нельзя не повторить ...

Рабочие, разные сознательные, революционные, в первые дни захвата советской власти, не принимали, выражали отвращение от нее, как люди интеллигентные, они ранее народа, и рабочих ясно поняли контрреволюционный акт, начавшийся [illegible], что в этом движении, надо думать, все светлое и революционное, начало [illegible] советской власти [illegible] погибать ... [illegible] советской власти [illegible] ... [illegible] вещей, [illegible] белья, золота, серебра, ценных вещей, стаскивали в руки — [illegible] не только драгоценные вещи но и обыкновенные вещи ...

Все мерзкое таившееся в старом режиме, вышедшее на божий свет, [illegible] сроки, наделали сотни тысяч ...

Преступное прошлое, уголовщина, царские суды, тюрьма, ссылка до крайности ненавистной прессы. Естественно [illegible], преследование, расстрелы стали явлением повседневным, банальным ... Самые черные дни инквизиции, стали [illegible] казались чуть не розовыми ... Взрывание рабочих районов, [illegible] о свободе ... преследовали революционеров ... Мистификации, спекуляции, грабежи, как настоящий террор, стали [illegible] ...

Но безнаказанностью [illegible] ... Народ, рабочие стали пробуждаться ... Сознание начало проясняться, страшное преступное дело [illegible] опыт в своем районе стали оказывать ... Народ и рабочие в короткий срок выдернули на отстаивание [illegible] ...

Великая [illegible], Советская власть [illegible], с помощью чудно оплачиваемых диких и грубых наемников, входила в безвоздушные города, и распространялась опираясь на [illegible], не стесняясь [illegible]

Великая страна, сберегшая своей кровью [illegible], перекинувшая руку с Японией и Германией, полная болезненного брожения, истощенная [illegible] начала создавать — для борьбы за быстро гибнущую Россию — добровольческую армию ...

Либералы приняли с братством народ, [illegible] преступной войны. Даже с большой радостью [illegible] кровопролитную [illegible] могущую для них, кончиться только гибелью, неизбежную между [illegible] с безоружными [illegible] и семьями ... Единственное [illegible] стало быстро [illegible] и народ и рабочие [illegible] со всей [illegible] Советской власти [illegible] за [illegible], с угрозой [illegible] директоров, [illegible] и борьбе с [illegible] неповинных [illegible] Но несмотря на все [illegible], рабочие и народ на отход отказались от [illegible] убийственной бойни ...

Не стану [illegible] мерзостей, так как [illegible] могут [illegible], отвратительно [illegible], а предоставлю [illegible] Бурцеву, когда [illegible] на [illegible] ...

предателей, сберкнижек пайщиков, акций, облигаций государственных займов, ценных бумаг, чтоб сделать их совершенно бесполезными для России....

Первые же революции были встречены всей страной, восторженно, это были дни свободы, братства, единения, солидарности...

Позднее обнаружилось, что в Февральской революции участвовали, кроме народа, и агенты германского Генерального штаба, судьи, как судьи-евреи, так и адвокаты-евреи, которые подготовили и произвели большевистский переворот, убийства, самосуды, насилия и свои незаконные — с точки зрения права — действия...

Сотни тысяч дезертиров, не желавших возвращаться на фронт, разбежались по своим деревням, где принялись за дележ помещичьей земли. Во всех странах, кроме нашей, это было бы квалифицировано как уголовное преступление... В нашей стране захвату помещичьей земли никто не считает преступлением...

Отрезвление варварства, дикого разгула было очень медленным. Страшными историями, кровавыми... Крестьяне мужья набросились за свою двухтысячелетнюю давность было получено и хлеб, и земля, и свобода...

Большинство помещичьих земель конфисковано, т.е. отнято у владельцев, продажи которого полностью крестьянам, отношения за уплату которых были мирные, экономические...

Крестьяне имели право не отдавать денег в продолжение двух лет, достаточно прошедших, насколько помнится — по половину мирным договором Брестским... Но были уже нарушены законы исторического роста отношений, те которые прошли почти во всех странах...

Первым преступным ошибкам высокопоставленных правительств... Вступили его агенты, провокаторы, изменники всему миру искажающими людей слабыми, злостными интригами...

Первое правительство нашло возможным отнять за плату у помещиков России в пользу крестьян землю, оставшуюся на их фронтах с немецкими победными войсками, понадобилось прежде всего, обезоружить армию — политическую, осуществивший антигосударственные планы, иначе было этого сделать не возможно...

Условия Брестского мира, тщательно скрываемые, постепенно выплывали, порождая ужасы, отвержения... Вся ложь, вплетая, ненасытной жестокости, изощрялась постепенно ярко наружу... И передавались из поколения в поколение, не слушая кровавых красок... И концентрируют все внимание широких кругов в продолжение этого года [illegible] и внимание нашей интеллигенции во имя ужасающих [illegible]...

Началась [illegible] спекуляция на нашей [illegible] безграмотности...

Дальнейшее повествование. Сначала [illegible] последнюю крепость [illegible], которая уже не могут не спасти [illegible] ...Конечно [illegible], что после [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]. И со скорбью должно [illegible] в деньги, а плевелом, уничтожающим [illegible], в конце концов, [illegible] ...Когда Советская власть, получив [illegible] в стороне [illegible], укрепилась [illegible] [illegible] маской, оно неумолимо [illegible]: «Растаптывайте [illegible], [illegible] ей с помощью [illegible], чтобы она [illegible] [illegible] [illegible] и состоятельных [illegible], разоблачивать их [illegible], окапывать ей [illegible] [illegible], крайне [illegible], что на душу [illegible] [illegible]

десятины, в горячке она забудет что дѣлучихами и молотилками обработать надо
и тогда десятина, в своей руки держащая деньги, не найдет. Вы сами
Вы сами тогда знаменитым в Россіи, дабы извѣстно, что если подымите вы мо-
гучей и Европейской Россіи, с тундрами и пустынными пространствами, на головах
у нашего из толстых образованных земно, тряхнете — два десятка ...

Начинайте, направляйте солдат на офицеров в арміи и тылах, пусть
перебьют их, без вождей военных чинов и офицеров, армія и флотъ, косное стадо ...
нам не придется даже сражаться, но по приказу их истребить. Начинайте не-
медленно. Зажгите по всей Россіи международную рѣзню, прибудите
Каиной, изверзите армію из отцеубія, сущих рабов, подчиняйте грамадные
пространства, разорите и хожу Россію, сразите буржуазію по всей
Красной армій дайте большевиков уничтожить, насильников, надругавшихся над безоружным
населеніем, только этим путем Россія потеряет свою последнюю силу ... Из
всех частей безжалостно всех преследуйте кадет, они за сознаніе и способность
создать свободный строй, законное настоящее правительство ... .

Наши государственники, людей спокойного порядка, правительство
куда тупой стражи, офицеры-мальчики, так легко идущие на гибель
бунтари, мечущіеся в потемках, не чувствующіе завтрашнего дня, ребяти-
в политике, полумеры в социализме, не имеющіе представленія о возможном
и невозможном, но убѣ все это нам необходимо. Гораздо прежде всего, больше
всего "Украйну и всю полосу Россіи вдоль крайнего пограничья. Международной
войной нам придется вскорѣ, не скрываясь, что, как мы видели подвигаясь
мы Украйну опасаемся Австріи, для упрочения наших побѣд в будущем, видя
полного ослабленія Россіи ... Русская Россія нужна нам как житница, поставщица
всего необходимого ...

Доведите ненависть анархіи до крайнего абсурда, ломайте на обум,
зря все вѣковые вкоренившіеся глубоко в народную душу — устои, производите
в свои стихійными вами захваченные органы; безумію на безуміе, загаживайте стихіи
Волгу, декретишками, которые безадельно погибнут, ранее этим бумага отъ
непотребства ...

В тихій Донъ, Украйну, мы бесповоротно и много перебьем вам дикарей
бунтарей ~~[illegible]~~ ...

Возбуждайте всюду пожары, самосуды, грабежи, убійства, травите все состоя-
тельное, богатых, разоряя их вы тѣмъ вотще обнищаете Россію. Подло и мелко
перекладывайте все ухнье из карманов этих, умных, опытных людей в
карманы — безтолковых, пустопуз ...

Беспокойных, абсолютно неуловимых пробивайте, сводите рубь на-
копейку ... Останавливайте умышленно умы на пути всех коммерческих предприятій.
Затрудняйте мышцу, уничтожайте когда очень нужные вещи, как скрипки из
за бантика ... Отказывайтесь как можно более от государственных
должностей, поднимайте кровь в себе всех утомленных страной, они раздавленные вас за
ваши долги — преследуйте кровью вторую силу страны, ее мозг, ее лучшее будущее — интеллигенцію,
которая гибла в Сибири, Карлогенск, которым мы завидовали — за нашу свободу —
расширивала Самодержавіе и в конец концов погибла ... Травите буржуазію
как недавно помазующихся погибелью, создавшую, безсмысленные благотворительные
учреждения, Земскую Управу, Думу и город Москву ... Беспощадно когда
вам будет обладать вдохновенно, спокойно полновластными, как засыпавшие вас
грабили богатые церкви, сдирайте с икон, золотые и серебряные ризы, тащите
драгоценные камни из венцов икон, разбрасывайте драгоценные ризницы —

...ки литераки, наши храмы ...ческие уроженки ... Во русских церквах собрать
брилліантами и продолжить брюк. – Немистись все сокровища, и наши в Кремлевских
римлянах бойкой жуткий: Золото, золото, серебро, серебро...

Убивайте цензуру, безграмотных судей – диких интерпретаторов его указаний, прессу, служащую разным, бы ни были хозяева, знающую, продажную журналистику, подобострастную лесть. Разорвите, разбейте каждую существующую систему вашего подчинения, освободите себя от Москвы, безбожную, чтобы она берегла и давала богатым всякую привилегированность... Чтобы скрыть алтынами жгучую оскорбительность надо грозного... Во время полного обнищания, в дни всеобщей нищеты, в самом сердце России за безумною самою крупною цифрою, скрывается так, как в маленьких крупностях... Добывайте всеобщую разборчивость, разборчивость, разборчивость, взятки, кровавую сумятицу до размеров гигантских, чтобы самые серые патриоты, начали бы любить нас выборных порядок, уверенность в завтрашнем дне, государственность, увидели бы в нас возрождающих спасителей, вспоминали с маниакальностью, увитыми... Не забывайте и Минина, стоящего гордо высящегося с саблею на голе на коне на главной площади Москвы, легендарного, неумолимого грозного врага нашего – Скобелева, он слишком напоминал русским о гении, героизме, любви к родине... Чтобы более сознательная власть будет губить Россию, (всего и нужно набивать) бездонные карманы, пусть лишь Россия будет нами открываемая, предавшей своей стихии, захватите предметы из основных частей России, главное – убейте кредит.

Разорвите нагетизм России для наслаждения, заставьте его исполнить все нужное нам... Раз разбитые по всей России, наши ловкие группы агентов, безусловно тонкую нашу, сверлящую во всякую щель, во всякое время, во всех местах коммерческих сил, заставьте подчинить мировой разработанной невидимой за наших дней... В разорившейся, неспособной сопротивляться стране, мы вводим бланко синхронизуемой деятельности, сознательного, безразличного нам, – русскую валюту, эксплуатируем... Пусть наши заводы, фабрики, заложенные на неправильных основаниях, будут проданы по очень дешевой цене... Нам нужны не одни колонии, они впереди, нам необходимо независимое положение, мы в Европе необходимы...

Необъятная Россия создана для нас навсегда, мы воскресим в ней разработаем все, что не успели разработать она сама... Во недрах ее – сокровищницы – неисчерпаемые... Мы призовем порабощенных, крайне отсталых, грубо невежественных людей на европейскую дорогу, их привычки, потребности, вкусы, нравы и все, все изменим, вырастим на иных основаниях новое поколение, совершенно отличное от нас... Мы передадим им заключенные их самою жизнью, наши идеи, внесем культуру, приучим их любить, сосредоточивать в них свои, приучим уважать не национальность, а в личности человеческое достоинство. Великих наших мыслителей* мы переведем на их язык, мы будем в Европе необходимы, мы будем хозяева в половине Европы... Мы возвратимся в города наши... Да, мы победим, они не дрогнут, они дикари, варвары, способные еще первое время ослабить удары, перерезать друг друга, все разрушать... Но после сами они будут сломлены... Их роскошь должна сокрушить их, а мы будем все нужное. Для быстрого развития, они не будут иметь никакой защиты, не будут уметь быть выборными, открывающие выше... Из среды их появятся, привлеченные мы пригласим их в судовые учреждения, на железные дороги, в банки, в акционерные общества, на заводы, фабрики, в рудники, в шахты, в золотые прииски, в каменноугольные копи, в нефтяные источники, в пароходство, в торговые дома, в биржевые комитеты, в страховые общества, в ссудные кассы, в ломбарды, в таможни, в акцизные управления, в железнодорожные правления

Тако пишу-говорив, по русскому они здорово... Надо было видеть, русско в родной стихии, они входили как рыба, и благодаря этому в силу политических судеб должны переселиться в Россію — крупную часть населения... Полное разложение армии, патріотизма, любви к родине, сознания нас владыками России....

Если наши русские успокоятся и после войны не возвратятся заблудившимся нашим братьям, незаконным наследникам, не восторжествуют сознание силы Европы, если повторяемся успокоятся в России русские вновь на конкурсе крепкий национальный бой нашему, прямой и мужской найм... Мы установившиеся — знакомство без благородного возрождения. Расчетливость, купечество покорную нам волю управляющую нашим решением только на подписание о мощи.....

Французы, поклонники на Россію только нашу не мы... Со стороны Европы, мы спрятаны в чужую для нас сторону, на сознательные Россію сознание выросли не русские наши сердца немецких провокаторов, которые [illegible] Боже царя храни [illegible] Германо-Австрии [illegible] [illegible] [illegible]

Великая французская революция обновила мир, ее бурное время, пронесшись вперед, оно увлекла вся страны... Мы в XX веке, свершив миссию в новом мире, необходимую в истории... Запад и восток неразделимы, призванные вместе, в силу революции, указать человечеству, окончательному концу она ведет....

Знаменитый в Германии журнал «Марксизм» в начале войны в числе других издавал ряд статей, в которых доказывал, что война, начавшаяся вследствие империалистических противоречий, должна быть использована пролетариатом для революции. Ленин, посещавший Берн, в беседах с друзьями говорил, что Германия накануне революции, что 1905 г. повторится. Я, прочитав эти статьи, написал, что Германия в XX веке, представляющая из себя военно-феодальную империю, стремящуюся к мировому господству, должна быть разбита, и что разбить ее может только революция. Германия в XX веке, создающая независимые народности, с демократическими строями, на началах международной самодеятельности... Последние войны [illegible] Наука чувствам открыла орудий [illegible]

Подавленные и окрыленные люди с востока и запада, встретившись [illegible] ... Вряд ли будущее [illegible] подвергнутся такой весьма участи....

То время Германия выдвинула прогрессивной идеей объединения, победила монархическую, шовинистическую Францию, но стала победительницей, она стала быстро разлагаться в государственном организме... Германия пошла по пути обгадья... Шиллера, Лессинга, Гейне, Берне и пр. гуманистов была забыта... В кафедр не [illegible] университетах по и прежней стали разбирать [illegible] Гегеля [illegible]... Германия в продолжение сорока лет, поглощенная [illegible] психологию войны... Бумажные выкладки, кабинетной рутины, стали заслонять [illegible]

Запад, [illegible]

. . . . . .

Москва

В скорости начало приезда в столицу начали на Советской власти и наконец-
нее в Центральной «Вести», газеты «Молодежь» сначала «Дни и ужасы
власти серьезных [illegible] начали в Советской банке революции стекаться
чека, очень ужасы стояли процессии, возглавляемые ее без выстрелов и
самостоятельно.

Со какою жадностью будет безвозвратно [illegible] вступить
России свободной... Всему русскому обществу, всем сознательным друзьям
свободы [illegible] [illegible] [illegible]

№ 8

Почему приближение ко дворцу царя и свиты большинства
царей – а именно приближение ко дворцу
главарей большевиков после разгрома Временного
Правительства ~~Керенского~~ и восторг ... Почему охранное
царских, низов многочисленных тайных агентов
среди масс преступных и ~~особенно~~ а. царских. во всех
больших городах в них же царских банках, в охране
министерств преследуемых царских дворцов бывших.
Диктатуры и. ~~рабочего~~ к. ремеслу отвергающему дворцовый
в целой ряд ~~царей~~ и вождей противостоящих ко

Почему подход к Кремлю со стороны при ограничениях
не представлял ~~полной~~ ~~невозможности~~, ~~освещенных~~ затруднен
не открытый ~~удобного~~ ~~подъезда~~ и ~~выхода~~ царей
удобный ~~и безопасный~~ ~~подъезд~~ ~~царей~~ подъезд и выход царей, вх. дв.
в Кремль от обширной церковной площади в ряд
городских ~~площадей~~ ~~площадь~~ ~~большого~~ ~~скопления~~
~~войск перед~~ ~~площадью~~ ~~царей~~ требует сильной и хитрой
удобство, подъезд, и у врат Кремля ~~здесь~~ охрана ~~большого~~ ~~количества~~
дискретной многочисленной службой ко отдыхающей особой
галактической стражи диктатуры пролетариата

и как-бы чувствовать наши помышления, чувствования
и области на Суде не в стиранных [illegible] наших
конечных умах... Ах. Жаль. Закон Любви не познать их
существ —. и пристанище пути открыта Любовью чистых!!
непостижимым окружает нас со всех сторон. Между Двигает
[illegible] покоящийся вечно Живой. осторожней небо. при помощи
лет- Шепчет у строк подлости только выше, судей открой
изобрести в бытие. но небо и тайные не Закономерны !! Увидеть [illegible] Тихие
не могут они чувствовать свои живущих чувств. и силенья прочитать
в пристанищах Закономерных Мирах. Чей сам в тебе ты и не видишь
спектральная сильнее. Мы чувства солнца. о недалеких Мирах
Ах. Чьи. спокойно

если они докатятся до Англии, я сейчас же буду их приветствовать, но только взбалмошной, невероятной анархией я не сочувствую ...

„За что мы боролись" или „Накануне двадцатилетия" — сколько будущих историков, художников, публицистов, по всей России, будут обращаться к этой дате, как к некоему рубежу.

Уже давно, давно революция очутилась не у всех на дороге. Кровью залитые спорили о кровавшей справедливости, каждый свою. За здравый смысл, разумно, трезво, экономно-выгодную пользу, холодный расчет за бессмысленную, дикую, „безрассудную" социалистов ненависть: убийц, воров, головорезов ... мы уже привыкли к бессмысленно-хронической смене власти. Но мы позабыли недавние месяцы почти невыносимых, безысходных страданий, отчаяния во всю ширь, во всю глубь России, которые революция, всякая — всякая революция ... Не было ли жутко спокойно, разумно, трезво?

В Европе во время революций, облагороженных, подкрашенных на сцене вносят маски, вплетают в гигантские поэмы, трагедии убийств, воров, и нас сами вчера пугающие жизнь тайны, кажутся романтическими ...

Если этот горячечный бред, принять хронический характер, если не окончательно революционизировать общество, то оно будет лучше подобной отвратительности ...

Сорок пять лет я страдал этой разницей родиной, болью, теплой кровью своей не уехавшей, со стыдом ощущал „мои соотечественники" вдали за границей. По настоянию правительства в 80 году я был выслан из Франции за брошюру „Александр II освободитель" и за нее переведенную на итальянский. Даже приговорен в Италии к высылке. Ощущал потребность и сейчас иногда ощущаю потребность писать по-русски. Русская публицистика никогда моей [illegible] была особенно близка и внятна ... Интерес мой сосредоточивался на чужом, чуждом, привитом воспитанием, а по природе настоящем. Я не представляю себе как буду умирать в Риме, где не буду слышать русской речи, не буду видеть русского неба, русских берез, как буду бояться не увидеть, не похорониться в глубине родной земли, по которой я тоскую, как по живой ...

Я имел счастливое детство. Детство богатого барина ... Задыхаюсь сейчас от этих слов, как тогда, когда произносил, слышал. Запах конюшни, псарни был больше всего одурманивающ. Несколько лет моей жизни [illegible] ... Все мои знакомые безумствовали, [illegible] его провокаторов ...

Конец моей [illegible] Я [illegible] сильно [illegible] все реже и реже [illegible] ... Его [illegible] ... Все больше [illegible] ... Я [illegible] ... Я [illegible] ... Я

На наших глазах, беспощадная стихия стала перемалывать ору-
дия массового террора, порою прорываясь на улицах и в отхожих
местах ...

Каждый будущий, сердцем чувствующий и ум достаточно живой
русский, должен ясно понимать ... Свои суд перед судом
исторической и нашей совершенно реальной ... своего обреченного
долга, создавшего громадное количество благотворительных учреждений не
остановился перед Бурнаш, при чем крупные деньги в уголовные преступники,
под видом пропитания, отдали брачного класса ... Высокую, большую
Некрасовскую женщину окружающие называли Бурнаш, - Васса
„Бурнаш, - Васса Железнова еще не знала тогда Бурнаш, многое изъ-
ясняющее слово, но в самом, подсознательно она ощущала, что-то
прилипчивое — уничтожающее не раскаяние на более глубоких уровнях
несет тяжелых, темных, жестоких, нагих, волчьих
тех, бедных и их трудных отходах, шершавый мурашек пробежал
запомнившееся слово ...

Все роковые ошибки, незнание, непонимание, абсолютно неуместные сла-
бости, сделало одно: неверное время, отпущенное Бурнаш

Целый поток жизни с неотвратимой разрушительной, неизбежной
стихией, которой подвергнется над бедными, безумными. Нагие тела
зарезанных, дымящиеся окровавленные, изуродованные, обезображенные
и забытые лежат трупы. Дикая трагедия, неудержимым
условием окружающей среды ...

В свидетельских показаниях писательницы отмечены ужасающие кро-
вавого права и забывала о растрава Пугачевщины ...

Не забывайте жалостью тяжкие годы не преступников, не сде-
лавшихся из человеков, полных дыма ...

Месяц повешу и беспощадно тяжкие преступления дорогие в мире.
После очень тяжелого для души, сурова пятилетняя жизнь, преследований
меня русской буржуазностью за мое отношение ее и ее идеям, и нако-
нец через через Великий океан, после опыт Временного правительства в России, и мучите-
льных тяжелых переживаний мне ребенка ... И первый бой в Брест мне
на душе ... Шесть дней и ночей - сердце России - Москва истекала кровью. Полная
скорби, стыда, страха за будущее, я вошел Литейный в охваченного могучей на устах,
как будто обезумевшей толпой. Одиноко и темно безлюдно и безгласно
разбросанные по Выборгской, Нижегородской - всюду

Я прошел по снежным следам тяжких преступлений, на мокрых улицах,
бывшего дворца в снежных окон, они не только могли стать, но и стали
Зияющими ранами в типах захваченных в растлении ...

Разбитые стекла зияющими ран на витринах, и выбранные стекла-
рамы с стен, домовых и домовых сооружениях, они пробиты пулями, безжалостны-
ми очередями, выбросили людей ... Снежно на улице бесконечно в продо-
лжение целых недель ... Холодный ветер поднимал пронзительно свистящую вьюгу
по улицам ... И не прошло под автоматическими Москвичи кучки и пулеметов.
Они национальное самодержавие, продавшееся большевикам солдатской
интернациональное выступление, продажа России за немецкую водку ...

В Великий, победоносный восторг иностранцев сильно Кремль, тяжкие сверкие
хроники, бывшие белые на Иверская часовня и Неприкосновенный неприкосновенный, ис-
ходящая вода Царева ... На Красной месяц город в красном, стоящем
пред очами сияющем, пронзительно в сердце ...

и как убежденные большевики-ленинцы, всегда шли впереди
стихии, приводили ее в организованное русло.

Разговоры о выкликивавшемся о свободе в июне 18 года было в конце, когда выяснилось, что
[illegible] ... Чтобы, живя сегодня забыли, что нельзя убить прессы не убив себя, свое будущее...
Освобожденная она конечно скупится, разобьет комиссарскую головушку...

Приказы [illegible] закрыть [illegible]
[illegible] книгами, сокровищами [illegible] ...Все [illegible]
[illegible] Чтобы [illegible] ...

Не [illegible] и хлопнув [illegible] декрет, чтобы все богатые холостяки и вдовы, тотчас же [illegible]
[illegible] ... [illegible] [illegible] ...

Сверх о [illegible] декрете, было [illegible]
[illegible] ...

Неизвестно [illegible] ...

Вообще [illegible] ...

...рада, они [illegible] ...ленной ...ны не ...ного ...
...ную ...ду, ...ых ...ли ...ными, ...ли ...
...ными ...ли ...ными ...ли ...
...ро. ...ли ...ро ...ли ...
...лись ...ли ...ские ...ры ... ...ры ...
...ры, ...ли ...ли ...ли ...
...ды, ...ли ...ли ...ли ...

Не ...ли ...ских ...ей, ...ли ...ли, ...ли ...ли ...
...ных, ...ли ...ли, ...ных ...ей ...ли ...ей – ...ли, ...ли ...
...ли ...ции ...ях ...ли ...ных. ...ли ...ли ...
...ро. ...ли ...ли ...ли ...
...ра; ...ей ... ...ьмым ...ля, ...ли ...ли ...ому ...ли ...ли ...
...ри ... ...ли ...ли ...ли ...ли ...
...вер...ли, ...ли ...ли ...ли ...ли ...

Советская власть собрала ...ную ...ль ...
...ли ...ли, ...ро- ...ли ...ли, ...ли ...
...ли. ...ра...ли...ые, ...ли ...ли ...ли ...ых ...ли ...
...ская ...ли ...ро...ли ...ли ...ли ...ли ...
...ли ...ли ...ли ...ли ...ли ...
...ры, ...ую, ...ли ...ли, ...ли ...ли ...ли ...
...ньги, ...ли ...ли ...ли, ...ли ...ли ...ли ...
...ли ...ли ...ли ...ли ...ли ...

Мусульманка ...ли ...ли ...ли ...ли ...
...ли ...ли ...ли ...ли ...ли ...
...ли ...ли ...ли ...ли ...ли ...

Она ...ли ...ли ...ли ...ли ...ли ...
...ли ...ли ...ли ...ли ...ли ...
...ли ...ли ...ли ...ли ...ли ...

[illegible] Исполнилась [illegible] [illegible] [illegible]

Большевистские экспроприации

Я присутствовал в Москве несколько раз, при шестиях с красными знаменами - обыкновенно десятка два людей несли их .. Иногда человек встряхивался красное полотнище, и оно развевалось. Крыши высоких домов были усеяны народом .. Толпа внизу не обращала на них никакого внимания ... Во все время буквально ни слова спровоцировать толпа .. Крики раздавались только, когда мимо проезжали грузовики, нагруженные мукой, крупой, сахаром и не по одной восьмушке фунта!

Я видел в один когда спекулянта поймала, дала сотню рублей за фунт чая, а потом, видимо раскаиваясь, вырвала назад. Спекулянт хохотал, видимо радуясь, что отделался так дешево ... Я обошел все главные улицы и видел только два-три ... Толпа обыкновенно равнодушна, ни злобы, ни сострадания не выражает. Я видел, как ограбленных баб, растерянных, с пустыми руками, толпа провожала насмешками, видимо ожидая нападения. Они не плакали и спокойно шли дальше, как в пустыне, стараясь показать это всем ...

[illegible] страны, не сойдутся, а только злобы разгорячатся ... ...

Из деревни центральной губернии

[illegible] Ехать мне пришлось 2 дня и 2 ночи. Вся крыша вагона III класса была завалена мешками и людьми. Тем, которые были внутри вагона, было не лучше. Они задыхались от духоты и пыли, которая проникала сквозь щели. Я с детьми забралась на верхнюю полку, где было немного свободнее, но и здесь нам пришлось провести ночь почти без сна. Ночью, когда поезд остановился на какой-то станции, я слезла вниз, чтобы напиться воды. Когда я вернулась, моего чемодана не было. Его стащили, пока я была внизу. Я подняла крик, но никто не обратил на меня внимания. Только на следующей станции я нашла чемодан в другом конце вагона, но в нем не было ни денег, ни документов.

Приехав в деревню, я узнала, что мой муж уехал в город искать работу. Я осталась одна с детьми и без средств. Пришлось продать последние вещи, чтобы купить муки и картофеля. Зима была суровая, дров не было, и мы мерзли в нетопленой избе. Дети часто болели, а лекарств достать было невозможно. Я писала мужу письма, но ответа долго не получала. Наконец пришло письмо: он нашел работу на заводе, но жить ему негде, и он просит потерпеть еще немного.

Весной я решила вернуться в город вместе с детьми. Снова ехали в переполненном вагоне, снова спали на полу, снова голодали. В городе нас встретила нищета. Мы поселились в подвале, где было сыро и темно. Муж работал, но зарплаты не хватало. Я стала брать стирку, чтобы прокормить семью. Так прошло несколько лет. Дети выросли, старшая дочь вышла замуж, младший сын ушел в армию. Я осталась одна, но не жалею о том, что приехала в город. Здесь у детей есть будущее, которого не было бы в деревне.

продукции Шипицынской мануфактуры, основанной отцом нынешнего владельца. Сын пошел дальше отца, и не только удержал завод, но и значительно увеличил его производство. Сейчас это уже не частная, а советская фабрика...

Шипицыны всегда были богаты, и деньги всегда в основном делали на текстиле. Но Шипицыны в отличие от других фабрикантов не только не чурались рабочих, но и старались приблизить их к себе, сделать своими. Поэтому и рабочие относились к Шипицыным с уважением, а не с ненавистью, как к большинству других фабрикантов. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике 8-часовой рабочий день, кто построил для рабочих больницу, школу, библиотеку, клуб, столовую, ясли, детский сад. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике пенсии по старости и инвалидности. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное медицинское обслуживание рабочих и их семей. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное обучение детей рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное питание для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное жилье для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное отопление для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное освещение для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное водоснабжение для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное медицинское обслуживание для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное обучение детей рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное питание для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное жилье для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное отопление для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное освещение для рабочих. Шипицыны были первыми, кто ввел на своей фабрике бесплатное водоснабжение для рабочих.

[illegible] ... [illegible] ... [illegible] ... [

[illegible] дисциплина, если они захватывали города [illegible] только потому, что [illegible] а у некоторых подчиненных оружия и снаряды [illegible] слух чтоб [illegible] они брали оружие, [illegible] чтобы потом бить, но так велика была ненависть к начальникам, что [illegible] выдавала своих, чем чаще, тем больше [illegible] они не [illegible]

Шайки советской власти расселились по деревням, грабили [illegible] контролем, забирали [illegible] кого [illegible] [illegible] конечно не подходила и они [illegible] [illegible] богатых при [illegible] они ломали [illegible] [illegible] разрушили все колхозные [illegible] [illegible] в сто рублей за [illegible] они убили всю [illegible] [illegible] руки. Гоняли [illegible] [illegible] в [illegible] рубле за фунт подымается до [illegible] [illegible] до полпуда [illegible] [illegible] всегда Николаевские [illegible] [illegible] выхода, спасения, чтобы [illegible] [illegible] [illegible]

«...Завтра объявлять, что я лишу права обращаться богатым, взять у всех, что мне недостаёт, все мне нужное, что за границей, так давно установлено ....»

— Вы лишь бы сказать что-нибудь ... Разве за границей без приглашения ездят, и нужно ли вам все, что у них? — перебил его слова Кречинский. — Вот ваш ход говорить: «Будь я царь, я все бы сделал». Читали Наполеона I, чудные мысли насчет него. Вам верно всю библиотеку дал при этом прощальный взгляд и жандармов, не спускающих с вас глаз, чтобы вы не сделали чего-нибудь ... Не все сидели в тюрьме и все собираетесь мерзнуть на этих мерзких островах, обложенных льдами, в нетопленых избах, где вместо чая пьют кипяток ... Это все хорошо для тех, кто сам ничего не имеет, а вы, я знаю, не хотите лишиться своего имения, вашего дома, вашей семьи, чтобы не видеть ... Но можно ли лишить богатого, поднять оружие на богатых, не разделив с ними их богатства, не завладев их имением — ?

Конечно, можно, и тогда они перестанут быть богатыми ... Хочешь наслаждаться — наслаждай других на свой счет ....»

— Каким образом можете вы осуждать, ненавидеть богатых, раз вы сами хотите и желаете сделаться богатым, без труда отнять, награбить большие капиталы. Даже ради этого на мерзкое преступление ... Когда богатство у вас в руках, у законного его владельца оно скверно ... Согласитесь, это мерзко, постыдно, нечестно, грабить на большой ...

«Я согласен, я мерзок, я не прав, разбойник, но более всего, все могущественный, все видящий, я не буржуй с жирным пузом, говорящий: это для рабочего, это не для него ....»

Вы ошибаетесь, он существует в нашей земной жизни, он неизбежное последствие всех наших преступлений ... За границей много людей, наживших в труде обильные средства, но все они серьезно взглянут в мерзкую осеннюю, дождливую погоду не мысленно на человеческое общество, на свои руки. Человеку пришлось бы запачкать грязью все и запятнать перед другими грудь ... словно пришлось бы запачкать [illegible], чтобы не пришлось, в темный гроб вселенной ... — ... .

Скажут себе спасшихся людей три года нашей пятилетки под игом советской власти дали незабываемый урок: политиканам, крестьянам, торговым людям, а также всем рабочим ... Мы увидели кровавую отвратительную расправу, узнали, что в конце концов [illegible] воспользуется ...

«Меня упрекнут в отсутствии сочувствия к рабочим массам, просящим у нас прибавки заработной платы ... Какими бы судьбы они получали и получают драгоценные сведения. Конечно они конечно не могут дать правдивые советские газеты ... Они будут все, все знать ... Не перейдя Кремлевские и Заборовские трудящиеся, они не поймут и новые безумия и ужасы ... .

С тех пор они повторяются по пятилетиям каким самым худшим сыном населения и совершаются по-прежнему дикарски. Огромное имение соседа родных Кречинского было расхищено по кускам, а все каменные разрушены до основания. Владелец отдал тогда в концессию миллионов рублей ... Когда спрашивали людей, зачем они сделали безобразие. Если вы видели в прежнем власти, которая все принадлежало помещику, почему по лишении всех прав, стали народной собственностью

бы бы могли в великолепных залах и роскошных ресторанах бомонду, роскошных ночных театрах, кинематографах, залах для собраний, в фешенебельных гостиницах... Дорогие меха, картины, шикарная обстановка, дамы в бриллиантах, бега на ипподроме... Тысячная толпа, жаждущая на улице увидеть в окне экипажа — счастливца... — Но не знала она — не знала она, что за этой блестящей внешностью — а иногда и за ней — скрывается нищета, голод, отчаяние, что рядом с ней — за ее спиной — ютятся люди, которые не могут позволить себе даже самого необходимого, которые умирают от голода, от холода, от болезней...

В один из таких дней Елизавета Ивановна, в сопровождении комиссара, вышла на улицы Петербурга, где была свидетельницей ужасного зрелища. Вереницы людей, с мешками и узлами, тянулись по Невскому, Литейному, Знаменской, Николаевской и Каменноостровскому...

Работница Николай Шляпников, завязывая знакомство с прохожими, узнал, что они — рабочие Петербурга, которые, не имея работы, не имея средств к существованию, решили идти в деревню, чтобы выменять на продукты свои вещи, которые они продавали буржуям и спекулянтам, чтобы не умереть с голоду...

В феврале 1919 года, я, будучи в разгар заразившись тифом, в самый разгар гражданской войны, посвященный на смерть, возвращаясь домой, в деревню, где-то в пути, разразился сыпной тифом...

«Не сидится, видно, тебе в этой тесной, душной комнате. Тебе нужно на воздух, в поле, в лес, к людям, к работе...» Не знаю, что это было, но я почувствовал, что я должен немедленно ехать в деревню, к своей матери, к своей родной земле, к своему народу...

Петроградские буржуи, видя, что власть в руках рабочих, что Советская власть, рабочие и крестьяне, объединившись, стали на путь борьбы с буржуазией, с капиталом, с помещиками, с царем, с церковью, с попами, с монастырями, с богом, с религ

...ена отдавать... Здесь буквально Красной Пятеры за последние минуты не было разоблачений... Не дорого на новые убийства нельзя в нашей истории отрывать независимая пресса; остались одни их газетчики, торгующие, раскупающиеся на сосредоточившихся в них биржах.

Между коммерческими газетами «Если вы не читаете все наши произведения» как в Америке, в Украине, в Москве и несколько этих, мы были осведомлены Вашими выступлениями, высказываниями, Ваши хотите, и вас спрашивают, что вы думаете о последних событиях... Не Вашем распоряжении большая газетная собственность, банки и банки других высокопоставленных... Они имеют возможность быть самыми крупными капиталистами - Карлсами, - Многие из вас в наших кварталах, в самых бедных районах на свои средства открывают клиники, больницы для бедных... Ваши произведения «Падение» за спекуляцию, за спекулирующих капиталистов ужас, не защищая в школах газетах... и какого? Ни наши лучшие - вполне справедливое вас публично не вопрос настоящее правительство, и сатирические уроки вы на гибельно своих соотечественников...»

Нужно сказать справедливость тем более других, напечатанное в газете, на этой конкурсной. Они давно разных времен, несколько приятных журналистов, в Москве, которых слышали их примеру, с анекдотической безупречностью захватили больших богатых домов, называясь в них устраивать вполне комфортабельно, не забывая какую любовь уютный кенедушки...

Советская власть знала даже крупной буржуазии, знавшего что бедных, но они не обездоленных... Они сидели в тюрьмах, но не преследовались власти. Они знали, что не убьют, что на больших высылках, только в Соловецкие лагеря. Они знали, что не ограбят, что у них не отнимут их капиталов, их домов, их квартир, их имущества. Они знали, что не посадят в тюрьму, что не будут судить, что не будут расстреливать. Они знали, что не будут высылать. Они знали, что не будут преследовать. Они знали, что не будут арестовывать. Они знали, что не будут допрашивать. Они знали, что не будут обыскивать. Они знали, что не будут конфисковать. Они знали, что не будут национализировать. Они знали, что не будут экспроприировать. Они знали, что не будут реквизировать. Они знали, что не будут мобилизовать. Они знали, что не будут призывать. Они знали, что не будут забирать. Они знали, что не будут отправлять. Они знали, что не будут эвакуировать. Они знали, что не будут переселять. Они знали, что не будут ссылать. Они знали, что не будут заключать. Они знали, что не будут казнить. Они знали, что не будут расстреливать. Они знали, что не будут вешать. Они знали, что не будут гильотинировать. Они знали, что не будут сжигать. Они знали, что не будут топить. Они знали, что не будут душить. Они знали, что не будут травить. Они знали, что не будут отравлять. Они знали, что не будут морить голодом. Они знали, что не будут замерзать. Они знали, что не будут умирать. Они знали, что не будут хоронить. Они знали, что не будут кремировать. Они знали, что не будут закапывать. Они знали, что не будут забывать. Они знали, что не будут помнить. Они знали, что не будут вспоминать. Они знали, что не будут скучать. Они знали, что не будут тосковать. Они знали, что не будут плакать. Они знали, что не будут смеяться. Они знали, что не будут радоваться. Они знали, что не будут веселиться. Они знали, что не будут танцевать. Они знали, что не будут петь. Они знали, что не будут играть. Они знали, что не будут читать. Они знали, что не будут писать. Они знали, что не будут думать. Они знали, что не будут говорить. Они знали, что не будут молчать. Они знали, что не будут слушать. Они знали, что не будут видеть. Они знали, что не будут слышать. Они знали, что не будут чувствовать. Они знали, что не будут ощущать. Они знали, что не будут жить. Они знали, что не будут существовать. Они знали, что не будут...

Я знал много случаев в Москве когда при неоплаченных обысках, о которых не сказано в самые первые времена советской власти, отнимали не только ценности, шапки, но и калоши... Если обыскивающие требовали составления протокола или приказа о сдаче денег... а потерпевшие отказывались или подписывать к сделкам, что у них забрали не описанные деньги не имели, и продолжали обращаться к сотрудникам в учреждения с жалобами... Узнавшие это жулики у нас имели, они придумали что и стали имена большую предприимчивость. Их стали называть «Комиссарами по сбору и приему жалоб», не любившие это неприятному имени расширили права, направили деятельность, и они будем забывать, расширили имя верных нам не именовать...»

Комиссарщина *

Совершенно невозможно на комиссарщину, на это чрезвычайное явление не собрание и материал, по данному комиссарщине, делавших высказываний, была наложена конфискация в пользу государства. Большинство людей высказавшихся [illegible] бросали в пользу государства, сдерживали любовь со своей стороны, и упорно расстреливали, если не выносили высшую денег, записи перевели в Тайны Дворцы или Советский Клуб и суд, в этих учреждениях были созданы, и сейчас тоже.

* Нужно еще в виду, чтобы не было недоразумений, о комиссарщине, я должен сказать, что комиссарщина не была изобретена... Самые худшие, но, к сожалению, не были хозяева и самого Ленина, Шейнкмана, Бонч-Бруевича, Троцкого, Каменева, Зиновьева, Сталина, Рыкова, Бухарина, Томского, Калинина, Дзержинского, Ворошилова, Молотова, Кагановича, Микояна, Ежова, Берия, Маленкова, Хрущева, Булганина, Брежнева, Косыгина, Подгорного, Шелепина, Мазурова, Кириленко, Полянского, Шелеста, Гришина, Романова, Щербицкого, Рашидова, Кунаева, Динмухамеда Ахмедовича Кунаева, Гейдара Алиева, Алиева, Ильи Николаевича Салтыкова, Ивана Ивановича Скворцова-Степанова, Ивана Тимофеевича Степанова-Скворцова, Демьяна Бедного, Александра Серафимовича Серафимовича, Александра Фадеева, Александра Твардовского, Константина Симонова, Ильи Эренбурга, Всеволода Вишневского, Леонида Леонова, Михаила Шолохова, Константина Федина, Валентина Катаева, Юрия Олеши, Ильи Ильфа, Евгения Петрова, Михаила Зощенко, Аркадия Райкина, Марка Бернеса, Клавдии Шульженко, Леонида Утесова, Эдиты Пьехи, Иосифа Кобзона, Муслима Магомаева, Иосифа Кобзона, Муслима Магомаева, Иосифа Кобзона, Муслима Магомаева

Через несколько недель в Петербурге было убито больше ста человек. Которые участвовали в этих кровавых, гибель напоминала, чтобы было запасаться деньгами.

Через дня [illegible] Александровой Русаковой. Вдоль всех [illegible] в двери ... Наши казаки, [illegible] отворили дверь, входящей полицией [illegible] Наш красноармеец ... Когда узнавали [illegible] Этой [illegible] ... Когда [illegible] Этой сорока [illegible] ... Когда [illegible] Этой [illegible] ... Когда [illegible] Этой [illegible] ... Когда [illegible] Этой

предпочтут расстрелять ...

На второй вечер мы опять явились очень поздно на Автробригадную комиссию и ревизовали в руках, не видавших в предварительные красноармейцы, грубо заявили и говорили тем Зарплаты выдавать запрещено, если нам их нужно не выдадут — мы отдадим должностных, мы и будем получать на складе не отвечаем, а тем заявили что комиссия сегодня не будет

Наша деятельность скоро стала известна и бас не стоило, видимо бы получить 18 июня сегодня, когда они уже готовы ... А вам выдано вы что были у нас — оранжевое серебро. Денег конечно у нас нет, если и Зарплата что некоторые выдавали что без свидетелей, самовольно об этом знали не имеют ... Ея праздничное, полное достоинства спокойствие видимо поразило, достаточно было взглянуть на нее чтобы понять, что ей никто нарушить спокойствие, никакие взгляды не могут ... Смущены по-видимому они удалились ... Сегодня мы вновь собрались у нее со всеми: с нашими свитой [illegible], мы [illegible] не только в своей деревне но и [illegible] Зарплаты, сегодня вечер, впереди еще праздничный день, мы не торопимся. Где праздновать, и разойдемся поздно. »

На новый год не выпустили. Напряженная тишь на двух этажах душевными истязаниями, видом разорения, они находили под [illegible] надругательства, стали задумываться и худеть ...

Все дело было внезапно самое не было очень трудно.

Разошлись слишком в детский час по праздникам до школьной столовой. ругаться за их правоты ...

В числе нашего большого мужества прибитым пайка на посошницу: рожь дурак, [illegible] собрать пожарного, без [illegible] заявили, самого захватившего, решили так без его части даже выпить не было дурак. Воспользуясь отсутствием мы перешли разрубить рожь на самую часть, пожали добросовестно и рожь на [illegible] вошел в дом ... картина!! ...

Жара случилось в праздничный не сам пьет на последний день с рожью, захватившего его имеет голова не успели снова ожил дежурный разрубили хорошо. Вышли на Высшей школы ...

Зрелище было поразительное, ослепительный захватило огромное зеркало, по ее [illegible] и [illegible] Ивы, прошлое [illegible] в [illegible], [illegible] без помощи, [illegible] с массивной [illegible] соответствовал [illegible] дерево тяжелое [illegible] в зеркало [illegible] и [illegible] в жизнь и [illegible] в [illegible] Возвышенное [illegible] ...

Отравление выпившего.

Раскаяние с [illegible] ... Одно [illegible] об [illegible] самостоятельно — обо всем, не смотря на все ее праздничную [illegible] это осталось безнаказанным ...

Передал со слов глубоко симпатичной [illegible]. Муж [illegible] очень богатый негоциант, по идеям передовой, был в партии с [illegible] Интересный. Его богатство, конечно разгромило [illegible] власти, но [illegible]

Богатая помещица - мужеложница обольстила красотой
За ею красномундирник гуляка не долго думая
вдвоем присели поесть кавардак и объявили его всей
порядок собственности и стали на дыбу тянуть, красно
вооруженный потерял всякий стыд - описывали он
присели во второй раз съели кавардак, не кусая
и на шею пал. Два очи жертвенных были - и третий на
присели уже два стали кавардак кушать с пулеметом
крестьяне не сдавали - присели, и съели и хорошо пали
борщ не выдали - Мужеложцы были на больших. Живем
Крестьяне - Дорогие мои братья душевные хорошие мои
Спасибо вам сердечное ваше отношение ко мне друзья, мою
я прекращаю, кончаю мою власть всех сознательных за
палили и вопили, но я не могу допустить гибель их за мою
нагло издевается поэтому я решился: я выхожу из борьбы
револьвер и пустил себе пулю в висок." . . . .

Légation de Fra

Chancellerie

Le Consulat

Rue Nicolas

Трагедія

Разсказу разыгравшуюся на моихъ глазахъ трагедію я сначала отказывался другому ... Въ Манчжурію нагрянула перепуганная, рвавшаяся разсказывать ужасы о страшномъ домѣ до разныхъ невѣроятныхъ, охотничьихъ небылицъ не охладѣлого ... Она – вся въ бѣломъ, въ черныхъ волосахъ и черныхъ глазахъ, въ черныхъ замшевыхъ перчаткахъ, шляпѣ, и сѣрыхъ лисьихъ мѣхахъ, надѣтыхъ на плечи, какъ-то небрежно, какъ-то красиво, какъ-то ... не по-русски ... Ее арестовали въ числѣ другихъ, какъ опасную большевичку, какъ-то ... Ее арестовали въ числѣ другихъ, какъ опасную большевичку, какъ-то ...

Это были послѣднія судороги умирающаго чудовища ... На сценѣ Русскаго спектакля долго-долго не переставали падать ... Ея сначала били, потомъ ее ... ее ... ее ...

на коротких ногах, рыжеватый, не страхом стрижен, [illegible] как спущенный, долгорукий, [illegible] не жалеющий, [illegible]. Не только отвратительной любовью, но только отвращением отвращал [illegible], грубым заключением, что привычку разоблачений. Словно бы рядом с этим [illegible] бывшая [illegible] вторая [illegible] и стасенка [illegible] ... И слова и сердцем одновременно [illegible] Горшкова, знаешь сколько, это [illegible] на [illegible], убийствах, грабежах власти с [illegible] обрезка в своей [illegible] по существу [illegible] ...

Наконец [illegible] [illegible] [illegible]

такой как ушла, она была бы моей женой, сестру и брата и отца заменила все семейство...

Из парижских газет узнали о моей смерти в Америке, и потому все знакомые стали писать мне туда. Некоторые письма были переданы в Нью-Йорк, и моей жене, даже приложили две строки. Дружинин, получивший одно письмо, прислал мне выписку из этого письма, которое было написано в Америке, а кончалось письмо словами: "Узнав обо всем я прежде всего жена, моя верная, любимая, мне послала письмо, в котором просит, чтоб живым не возвращался, а лучше погиб, чтоб ее не позорить, чтоб ее имя не трепали, чтоб ее не сделали жертвой..."

Утром мне достали от нее письмо, где она просит, чтоб живым не возвращался, чтоб ее не позорить, чтоб ее имя не трепали, чтоб ее не сделали жертвой. Когда я передал ей письмо, она сказала: "Я не могу допустить, чтоб ее имя трепали, чтоб ее не сделали жертвой. Обнимаю его со слезами и несколько раз перекрестила и говорит: "Иди с богом, иди с богом!.."

Через сколько-нибудь дней я получил записку от Дружинина, в которой он писал, что "Ваша жена, ваша верная, любимая, мне послала письмо, в котором просит, чтоб живым не возвращался, а лучше погиб, чтоб ее не позорить, чтоб ее имя не трепали, чтоб ее не сделали жертвой. Я не могу допустить, чтоб ее имя

...ческовавшихся... Большинство следствий показали, что в смастерской никакого запаса ядов не существовало и взяли, обыскали и говорили всегда, никогда не выбирать и христианские надписи добродушная, несветского поведения... Это было мнение [illegible] привлекло внимание и настоящих виновных. Гипербольческих преувеличений, что сыщики заключали, что их нельзя, а если бы какой-нибудь мог... Как наблюдать скарбу и недружелюбие, что в большинстве случаев во всех домах, обвиненных страстей мерзкую роль, многие сыскные стены, месяц... весьма [illegible] ...

"Можно вам не добавлять и спрашивающуюся неверующими, неадекватными речь годами ...но и сыскную сыску ...Гражданского суда, сыщики [illegible]..."

Трагедия росла, последние дни были наблюдать... Страдания при виде всех потрясений [illegible] ужасе, как [illegible] мои нервы, что я имел свидетельство, сыщик мучительно долгого и годы [illegible] события... 15 июля 19... было [illegible] удара в [illegible] Каждый удар [illegible] в мягкую наблюдающую сердце, как удар [illegible] в холодную мягкую землю... На вопросы: что нужно они [illegible] ответами, что приехали для обыска и ареста моей [illegible]...

Вошли двое, главный имел вид не только убийцы, но и холодного истязателя, они [illegible] и, повернувшись к выходу... Нагадая [illegible] до трех часов [illegible] они перешли без слов, [illegible] тем мягко сыщиков [illegible], оставившая [illegible] [illegible], [illegible] [illegible]... Вошли [illegible] потребовали [illegible] [illegible] и нами ножи обыска... Никаких [illegible] они [illegible] не нашли... [illegible] [illegible] [illegible]

Когда мы [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible]

роскошная усадьба, парк, все постройки, носили название «народной собственности»... и вскоре народная собственность, разворовала кусок отдельно, десятки хрестоматий... и ... Вместо этого красивое [illegible] превратилось в обыкновенную [illegible] украденной собственностью и народом, через которую правили самые [illegible] [illegible] [illegible]

Заключение

Конец 19 века и начало XX. ознаменовался всё сильнее нарастающим кризисом империи, великой военной мощью. История не [illegible] развила и всей вереницей столкновений, из [illegible] [illegible] [illegible]

Невидаль.

России [illegible] свободной будущая, действительно самостоятельная. Не надо нам [illegible] неслыханных несчастий... Из-за границы на всероссийскую сцену, словно сам, как [illegible], выступил [illegible] Ленин, сказавший, что [illegible] А Ленин-то, как [illegible] Ленин, не [illegible] Ленин, [illegible] Ленин, [illegible] Ленин,

Я [illegible] не таким [illegible] стала хроникой. Ты [illegible] обычно, нет, перед людьми.

[illegible] Россия [illegible], несущая: Свобода, порядок, государственность, возрождение, власть, [illegible] всем существовать, всем равно-
правным людям, [illegible] диктатуру пролетариата, другие свободы:
невыносимую тиранию, невыносимую, тяжкую, растлевающую, долголетнюю
рабскую в тюрьмах власть. Пролетариат и [illegible] крестьянство,
Народная, семья, [illegible] воспитание детей, женщину, [illegible] другие,
освобождение, другие, другие грабящие, [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] из [illegible]
наблюдал, диктатуру, до [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
входящую в дом, со стуком прикладов, выстрелами, в истерике с угрозой убить
при малейшем звуке, недовольства. [illegible] Наши граждане, [illegible],
уродских, но [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible].

Отверженные, возгордая, книга "Бунцци", часто этой [illegible],
по прочтении, [illegible] "Музыка, [illegible] Бурцев", что только
не [illegible] [illegible] этим, словесно... Мы великие, [illegible]
мы [illegible], но [illegible], [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
собирательное [illegible] [illegible] [illegible]. Начали с Бурцева. Книга
учительных "[illegible]".

Мудрые, русские пословицы, "Убили, [illegible] [illegible],
"Что посеешь то и пожнешь"... Россия могучая, сама [illegible]
[illegible] "и [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
злодейски, [illegible] [illegible], [illegible], [illegible], [illegible].
Грабящие, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible],
[illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
в [illegible], [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible] [illegible],
нарушенные, нравственность, закон, [illegible] в крови и грязи, [illegible]
Мораль.

Шарлатаны, [illegible], [illegible], [illegible], [illegible], [illegible],
не [illegible], [illegible] [illegible], и [illegible] [illegible],
работа, [illegible] [illegible] [illegible], [illegible] [illegible] [illegible],
[illegible], [illegible], [illegible] и [illegible]. [illegible] [illegible],
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]

Гилель Тойнч.

посвящается Анне Фаро

Спи, грустный печальную, усни, усни борьбой долгой со злом, несправедливостью, уставшую, ты озарила твоей дивной души лучами прощальными ...

Охваченная холодом близящейся могилы ты отогрела теплым чудесного сердца ...

Спи, мой скоро уйду, мои мягкие, безгранично любимые, в мир вечных тайн, чудес неразгаданных ...

Серафим, идеальным ты во мне подберу. вала вру во все прекрасное в человек ... Она замерла в годины несказанных бедствий. Когда солнце потер. кло ночь моей злосчастной родины и окаймала обро- сшими зеркалом шерстью, рык головлекую замкнула лязгающей челюсти горилы ...

Непостижимым благой силы, молю Вас окружить великим счастьем дитё мое чудное, помилуйте ей усни лучезарную, закаты усни, подобный закату солнца в небе лазурном, ночном безоблачном ...

I

Le silence éternel des espaces infinis m'effraie

Pascal...

Мірз успокаивай отъ муки, зачерствѣвшія въ крови и подымай къ любви беззавѣтной, что полны свѣтлой любви...

Нидгоггъ

Христіанская религія, самая поэтическая, самая гуманная, больше всѣхъ способствующая: свѣтлой, искренней, — литературѣ, начиная съ наукъ собирательныхъ, кончая агрикультурой, начиная съ колоссальныхъ гіероглифовъ для несчастныхъ, кончая соборами созданными Микель Анжело, украшенными картинами Рафаэля, Тиціана... она создала самую высокогуманную мораль, дивные поэтическіе догматы, культъ.... Она давала просторъ генію, совершенствовала добродѣтель, давала силу мыслить, величавые образы писательно-божественные фрески артистамъ... Она мыслила съ Платономъ, богословствовала Паскалемъ, Расиномъ... Всѣ горы богатствъ генія, сердца созданы религіей.

„Génie du christianisme"
Шатобріанъ..

Передъ душой моей неспокойной, волнуемой роковыми вопросами: жизни и смерти... тайна смерти всталъ во всей зловѣщей силѣ при видѣ: „башни молчанья." въ Болонью. Среди сказочно роскошной природы, спускающихся съ гигантскихъ деревьевъ гирляндъ пахучихъ разноцвѣтныхъ цвѣтовъ, высятся мрачные стѣны, на нихъ рядомъ сидятъ отливающіяся перушками пароки: птицы смерти, при закатѣ пурпуроваго солнца, глаза ихъ кажутся кровавыми...

Баснословная, дикующая красотой природы, обаятельная, изумительная, причудливою картиною своею, сборище мраморныхъ колоссадъ, тонущихъ въ пронзительныхъ садахъ и нѣжномъ звенящемъ стрекотаніи. Все пышно обнуро-

ржавых гроба, изуллящие краски заката, музыкальный прибой океанических волн, гаснущие и зеленые берега светящихся, фосфоресцирующим, голубым сиянием, воды их, ласкающий, опьяняющий благовонием, не могли заглушить мистического настроения.

Какими райскими птицами кокетится мне теперь страшная птица смерти перед глазами спекулянтов палачей на мою исстрадавшуюся из несчастных родину в страшные горькие годы „Диктатуры пролетариата"

Тайны ужаса и смерти, развернули передо мной во всей необъяснимой красоте бесконечное небо с его безконечными полями неразгаданных тайн мирами ...

Постараюсь по возможности краски выяснить подготавливаемый долгими годами переворот в моей душе ...

Были сомнения где сила моя подымет против меня революционеров всех партий, знакомых и моими согражданами выгнанными за границу .. Сколько души назовут падением, непонятной где не душевной болезнью .. Для них бы последнее слово так часто употребляющейся науки, все кажется неосторожным, Вино непостижимое вполне разгаданным, законченным. Вот нападки я конечно приму спокойно .. Никого не могу подкупить разъ теперь я так думаю .. Я всегда стоял вне партий .. Остановившись, перевел как границейные скрижали, тяжелый мой складывал в колыбельку как няня малютку, душу не со прикосновением „баюшкабаю" .. Не споря я высказывал мою любовь, выше конкурс конкурс самые крайние революционеры стали относиться ко мне с терпимостью часто с симпатией

Сила моя побуждающая, сознающая вне сомнения моя глубочайшая искренность .. Всю жизнь я писал мучимого кровью сердца, сокомой нервов .. „ не зная тьмы сарказма мысли" .. Особой радостью души, теплой крови не усыпляю, всю жизнь защищал „ слабых, угнетенных правды, гонимых, замучиваемых за нее, с энтузиазмом относился к подвигам любви, самоотверженности к гибели за них. Их внешней моралью обвеществляемой" „ Нагорной проповеди, но в страстной борьбе с темнящими разум предрассудками, изуверствами дикими толкованиями, я не раз переходил границы, пространствуя, вымучивая что перед тем теперь осиянывалось в глубокой раздумье ...

Душа смущалась при чтении многочисленных текстов Евангелия где Христос в крестных муках, молящемся, за бичевавших, распявших, издевавшихся над крестными муками, просившего на кресте, показавшегося слабостью, называвшаяся святых писаниях проповеди, вынесших нескончаемых мук от человеков, ужасающую мглу изображенных в „Аде" Данте за-ключающих моментов среди грешного мира, грешную жизнь и вокруг

несамущенных невыразимых блаженств за такую уже краткую
временную... Забывалось что добро свободно вытекающее из
Христианской истины, должно стоять выше безумно нелепого страха кары, ожидаемых бесконечных блаженств за добро.

Для ливердо впрочем в виде жаровни без курения, ливанья и бесконечные невыразимые блаженства были прямой грубый разсчет в Римской церкви безтрепетно смотрящей в кровавую пасть некоронованной звери, идти на страшные крайние муки и неколебимою вправе, что за ужасными моментами последуют вечные райские блаженства.... Мученичество вполне перестало быть подвигом, становится самоистязанием, расподвигом...

Ад совести, злые последствия, неумолимо выискающиеся из злых поступков, рай душевный из прекрасных дел служителям не идеальной но практической церкви, свернут концепсивную идею вечных мучений... Она впала в невыразимый абсурд, желая запугать, обуздать дерзких предков, повидимому не отличавшихся особенною чувствительностью, слабонервностью. Невыразимые казни, мучения, того ужасного времени, могут быть до известной степени объяснены такой нечувствительностью...

Мы можем смело назвать одним из самых богохульственных актов Евангелья где Спаситель провозглашается безпощадным... безжалостным карателем изобличающим его, готовым побить каменьями блудницу его проповедь: „Даю вам полную свободу исполнить чудовищный закон, но где ваш праведный? где он, который первый на блудницу поднимет нагрую женщину?" Он начертил на песке его грех, предоставив совести его духовенъ легкого ветерка...

1800 лет не прошли даром... Слова Христа осязательно засели в позвоночный хребет; „Все понял, все простишь." Наука подхватила слова блудницы как единственную просьбу из правдивой души...

Наука опередила в абсолютном смысле свободную волю... За бесконечную цепь причин, неизбежно следствий; цепь неизбежных последствий... Человек вполне зависит от окружающей среды, наследственности, итак злодеи не могут не мыслимы... По мере цивилизации должны улучшаться человеки... Зло будет тихо исчезать по мере удаления причин зла. Христианство посылающее миссионеров в дикие страны вторит, что силою Евангельского слова. Кротость проповедь может смягчить души грубых дикарей, обуздать злую волю...

Кеплер целая локальная каждую скромную роль воля играет
в инструкциях человек пишет: „Статистика может с
полностью определить, предсказать сколько в продолжение
года рук обогатится кровью ближнего, сколько покусятся
на чужую собственность.. Боль в своем универсальном
труде „Исторія Цивилизаціи" в свою очередь пишет: Лондон-
ская почта с полностью знает сколько в продолжение года
будет опущено писем с деньгами без адреса.. К этому
вопросу я еще прикоснусь ему посвящены целые тома выдаю-
щихся ученых и мыслителей...

Вникая в христианство с особенным чувством
останавливался я на святых выдающихся величием само-
отвержения, подвигами безграничной любви. Особенно ярко
встает сурового Азиата, всемогущими аскетами возва-
вший стигматы Христа на руках и ногах.. Оркестр
полная трогательной поэзии повествует путь по пути его
среди глубоких скал раздавались дикие позы и хитрая
над головой образовывала крест....

Как выдвинула душа среди православных пастырных
святых: Ефрема отказавшегося в пророчестве Грозному и не-
смотря на грозящую ему тюрьму смерть изобличившего
его в мерзких преступлениях.....

В каких лицах трепетно относился к подвигам
любви, духовной красоте... Во всемирной литературе, каких
любимых писателях были: Кипр, с образами Шиллера,
Виктор Гюго, гениальной гуманистки Диккенса, бредь Гарт
сумевший найти бога в глубоко падших душах, полная
благородства, идеализма Уорду Вальд... Шиллер с Марией
Стюарт, Девой Орлеанской, Лессинг с „Натаном Мудрым", с
теплыми слезами читал я „Евангелие XIX века „Отверженные"
В. Гюго. Особенно заинтересовались: Преображение каторжника
Жана Вальжана под влиянием святого Епископа, сцена где
Епископ склоняется к ногам истомленного великой революцией
Конвента, всеми покинутый, всюду гонимый, одинокий
умирающий (с глазами устремленными на закат солнца
раскрывавший перед ним во всей недосягаемой мощи, идеальной
красоты бурную жизнь свою..

Сколько, сколько крупных имен великих писателей
поднимавших душу по высоту, двигавших меня на неустан-
ную борьбу со злом, неправдой, готовностью принять мученический
венец, за страдущих, гонимых. Они не дали затухнуть, бегущее
вечному огню в душе моей до глубокой старости....

В сыне созерцая великія душевныя процессы я лью слезы и морозъ пробѣгаетъ по моимъ нервамъ ..

Великіе писатели гуманисты, воспитатели человѣчества были не смотря на всѣ грѣхи церковной точки и умственныя слабости, воплощеніемъ „Нагорной проповѣди". Они грозные пророки, непоколебимые защитники гонимыхъ за правду, гордые пренять муки, положить душу за братій своихъ, основались глубоко въ духѣ лучшимъ завѣтамъ настоящаго Христіанства .. Не даромъ романъ „Отверженные" названъ „Евангеліемъ XIX вѣка" .. И пѣтъ ее писать обширный любовью къ добру, правдѣ, свободѣ, проведшій болѣе годы въ изгнаніи на островѣ Гернзей, выступившій противъ Наполеона III и Римско католическаго духовенства извращавшаго ввиду своихъ низкихъ интересовъ чистое ученье Христа грубую книгу сатиръ и памфлетовъ .. Проклятія императору она начинались словами: „Обнажу мечъ мщенія я раскаленный до бѣла уподоблю выжигающему клейму, вырву какъ дымящееся сердце."

Вольтеръ безстрашно выступающій всѣми силами противъ духовенства, защищающій Калласа, гнѣвно возставшій противъ нетерпимости съ ея карами, противъ фанатиковъ задушившихъ Кюпера гильотину, недавно пытавшихъ епископовъ былъ не только Декартъ, но и пламенный послѣдователь Христа, его „Нагорной проповѣди" ..

Послѣ сорока пятилѣтняго изгнанія въ 17 году съ исписанными волосами, ступилъ я на родную почву, я не предчувствовалъ большевиковъ .. Послѣ четырехъ лѣтъ самыхъ тяжкихъ моей долгой жизни я съ радостью вырвался изъ дѣвятаго круга Дантовскаго „Ада".

Какъ эмигрантъ, писатель помимо многочисленныхъ родственниковъ, быстро пріобрѣлъ большой кругъ знакомыхъ. Мнѣ бросилась, невиданная мною за границей, бытовая религіозность .. Студенты медицинскаго факультета, отдѣлавшіеся невзгодами, кончившіе курсъ обыдомъ, посѣщали церковь .. Недѣли мясопустныя огромно сократили большинство трезвыхъ людей, видимо съ скорбными, грустными утомленными - всѣ родившихся на въ мукахъ, слезахъ матери, крестились широкими крестами на всѣ церкви .. Карета съ Иверской Богоматери часто проѣзжала приглашаемая въ богатые дома, магазины .. Духовныя процессіи даже послѣ декрета комиссарата безбожія продолжались, хотя

и редко сверялись...

Искренно огорчаюсь, побывавши за границей, слыша-вшись о распространенности моих статей о религии не только в Европе но и Америке, просили дать на прочтенье, я на отрез отказывал, останавливать сознанье, что в них встречаются заблуждения, ошибки.. Я искренно ошибался и искренно их поправляю.. ..

Горды опираясь на науку, разумя я упустил чудно мистические, вечно непостижимые для науки и разума откровения религии, они зиждется на вечных законах неба и земли.

Самонадеянно просто, смотрел я на вопросы не только загадочные, но по существу неразрешимые.. Материалисты, рационалисты, с неудержимой поспешностью, бесцеремонностью относились к ним...

Невольно являлся вопрос почему Христианство и его Нагорная проповедь, просуществовавшие недвижимо тысячу девятьсот лет, объединило откровением сознание миллионов людей всех наций, воздвигло тысячи величавых храмов, покрывающих почти весь мир и несмотря на всемогущество науки опровергающей, ее пристальные взгляды на сотворенье неба и земли на чудеса вседержительного пребывания пророков Божьих в чреве Кита, как в номере первоклассной гостиницы, или красноречие Валаамской ослицы, приостановки огнем бесцеремонной закона самца Иисуса Навина, вы несколько голов вверх обратные время не взирая на нападки великих мыслителей, всех веков, на его мрачные стороны, предразсудки оно расстояло в глубь и шир, и как нежно ангельских звучаний, полные небесной красоты изреченья звучат о любви, прощении, самопожертвовании..

Когда-то, надругались над Христианством во время великой революции, пивши шампанское из священных сосудов, курили фривольно, малословили этими „Богиня Разума", верили глупости, заклеймили огромными усилиями капитализма

Во все века рядом с массами слушающими только велении вещего сердца всегда стояли люди - во всеоружии огромного знанья, критического анализа широкого обобщенья, и теперь рядом с великим английским, химиком

Бертель, высказал не менее великие откровения: Мастер, Ренань, в прошлом такие колосси как Вольтер и пр..

Тайна тайн религии, ея неподвижность заключается в том что она опирается на вечно непостижимое окружающее нас начиная с бесконечных высот небес, кончая всем земным... Она дала свыше сознательно существование человеку на земли, вдунув в его светозарное будущее, бесконечную эволюцию, возможность обогащения путем горячей веры, любви, вдохнула надежду на бессмертие души..

Умами одухотворенная, озаренная христианством перестала быть: космическою органическою пылью заброшенной случайно, с неизвестной планеты, даром напрасным, случайным „ и пустою и глупою шуткой „ ...

Сухая, мертвая идея руководящая человечеством, пустою, пошлою проповедью, одной практической морали, без солнца религии, электризма, экстаза, неугасимых лампад, сверкающих золотыми ризами икон, венцов сияющих драгоценными камнями, кадильных фимиамов, торжественно: уносящих в мир грёзы музыки органов, настраивающих на мистическое благоговение пения хоров..

Безславная, черная смерть, сияла бы удушливо человечества, если бы религия, не успокоила душу неспокойную, не осияла верою в эволюцию, разумность усилия ....

Тайну тайн в слепоте нашей именуемую случай. Диккенс определяет поразительно глубоко: „ Вы живете затерянные в пятимиллионной столице Лондоне, в это время, удаленный на тысячи километров в пампасах Америки ведет неизвестный человек, роковой как сама судьба, миноваший сто вы не можете, окъ сыграет в вашей жизни огромную роль, толкнет на новый неведомый путь, полный неожиданных последствий ...

„ Тайна тайн „ заключает ряд моих статей о религии „ Правой „, ряд невольных ошибок, заблуждений, горькую запоздалую мудрость, сталкеет последним торжественным аккордом, настрадавшейся под бременем сомнений души..

В тяжелые минуты великий отрицатель Горький произнес „ Мы нападаем на религию, отрицаем ее, но легко можем быть, что человечество, не может существовать без нее ..

Не могу без гнева подумать, что правительство минуты, страдающее неизлечимой свеобоязнью, запретило нам как молитву петь, осмеливалось нам лучшим, усердным правду указывать что нужно читать, в каких предметах мыслить... Говорят дура цензура о которой Гейне сказал что будь она во время Христа, он мог бы отдыльной книжкой пустить свое учение, цензура примись правов любви смарала бы много в ней лишнего и Спаситель мира не попал бы на крест.. Другими словами она красным карандашом смарала бы самого бога.. Цензура порядившая уплые тюки ядовитых анекдотов, неосторожных высказываний о ее невежестве, дремучей глупости, холопской угодливости напалмству, не красным карандашем, но кусом обагренным кровью сердца писателя, сама его кровь ритало лучшие мысли его произведений.... Вспомните как вызванный в Успенский Собор, самодержавный ухандакал Палкин I срекомендовал подлый, тупой хитрый, дерзал цензурировать гения, славу России - Пушкина... Мечтал в компании с шефом здания у упинского моста Бенкендорфа потихоньку превратить его в полно подданического подло предателя абсолютизма деспота, а много позднее - корыстный хапуга, мракобесец бедоносец оберегал другого гения. Льва Толстого от прелестных утопий, превратных толкований, анархических мечтаний.. Насколько это удалось можно судить по овациям устраивавшим тогдому, после отлучения его от церкви и тем самым народом на которого рассчитывали что после отлучения он разорвет его на части.. Насчет же распространения его запрещенных произведений то нечего и говорить, что оно усилилось до поразительных размеров, вспомним слова Гейне: «Напрасно правительство запрещает мои произведения, они и так хорошо расходятся...
. . . . . .

II ....

Когда тьма спускается на душу, охватывает отчаянье
музыки ораторъ звучитъ „Нагорная проповѣдь„ Блаженны
кроткіе сердцемъ, они наслѣдуютъ землю. „Алчущіе
и жаждущіе правды насытятся„ .... Милующіе утѣшатся
ся ... Милостивые помилованы будутъ ... Чистые
сердцемъ: Бога узрятъ ... Изгнанные за правду имъ царство
небесное ... Блаженны умирающіе за
за братій своихъ ... Не бойтесь убивающихъ тѣло но
душу не могущихъ убить ... Любите ближняго какъ
самаго себя ... Дѣлайте добро чтобы лѣвая рука не
знала что дѣлаетъ правая ... Плачите за зло добромъ,
Молитесь за гонящихъ васъ ....

Молитва напѣтая „Нагорною проповѣдью„
взываетъ: Духъ премудріе, смиренномудріе, терпѣнье,
любви дорогій мнѣ ... Дай видѣть прегрѣшенья мои.
и не осуждать брата моего .....

Какъ увы произведенья подобныя не
занимаютъ!! ...

Всплыли въ памяти погасшіе картины,
встала дивный образъ, озаренный свѣтомъ, въ бѣлой одеждѣ,
съ лицомъ печальнымъ какъ листъ увядшій, осенній съ
глазами всепокорно блѣдными, съ терновымъ вѣнцомъ на
головѣ изъ подъ котораго сочилась кровь ... Мелодически
звучали мнѣ слова человѣческія „Я пришелъ спасти людей
иго Мое благо, бремя Мое легко.„ Ни одна легкая тѣнь
не омрачала чудного образа ... Я говорилъ себѣ: Пусть
волнуютъ вѣки и сынъ человѣческій стоитъ выше
всего міра ... Изстрадавшійся, замученный онъ былъ
въ человѣчествѣ, не страдавшаго богочеловѣка ... Недосягаемой
духовной красотой онъ настолько былъ выше насъ насколько
былъ выше своихъ современниковъ .. Его кроткій тихій,
радостью какъ духовенъ весенній вѣтерокъ, въ лунную
солнечный день .. Въ немъ дивно сочетались небесная мораль,
голубиная кротость, онъ не способенъ угасить льна
курящагося, сломить тростъ надломленную ....

Воображенье уносило меня, къ давнему зеркальному

озеру, его лазоревые волны замирали тихо на берегах порос-
ших, яркими ковригами цветами... Среди цветов звенели
ручейки, дремотной негой веяло воздух... Вдали сурро-
вые скалистые горы уходили в синий простор, над
скалистыми вершинами носились орлы, на них пророки
гордыми силы исполинские беседуя с богом, внимая трепе-
тные его откровениям... Под игривый музыкальный прибой
замиравших волн озера, в яркие лунные ночи беседовали
духи природы о тайнах неба и лепете младенческой
души. Дух сновал на душу

Вспоминаю вы молитвы... В тихий вечер
на ночь сурового я с ученой почти на пустынный берег.
песчаный мыса, у берега стояла башня, подошвы ее размывали
волны. камни башни разрушали корни диких цветов...
Тихо было кругом... Луна полная, яркая выплывала из
за скалистого острова Маргариты... от острова до сосно-
вых мысов пала ровная тень... Дальние каменные горы, рос-
кошные утопающие в пурпурной растительности окрестности
Кана... окутал серебристый туман... Кана светлый, порядочный
Как небесный перлы в вечности отражались в зеркальной воде.

К берегу не замедлил нас подошли четыре моло-
дых, в черных покрывалах, с большими золотыми крестами
на груди, они сели на мягкий песок, долго любовались на
восходящую луну, долго прислушивались к рокоту волны
и запели заунывную грустную песнь, качаясь в такт
заунывному напеву... Луна осветила, молодые, влюбленные
лица, невыразимой грустью светились прекрасные глаза они
так гармонировали с песнью... Золотые кресты ярко горели
в лунном свете... Краса южных ночей светляки, блестели
огарки быстро, падая на горные покрывала осыпали синими
огнем... Ветерок легкий дул от берега на цветущих садов
несл ароматы лимонных, апельсинных цветов... Море лазур-
ного посеребренные волны искрились и торжественный шум
замирал на золотом песке... Забытые уголки! На пустынном
берегу, души пустынные, среди тишины торжественной
окружающей ночи, блеском полярного вечера, этой дивной
природы, прекрасной как сон бога...

Мы поехали. Мила перед вечером... Могучая тро-
йка мчала усеянные волны... Якутки закутанные в кожухи
сверкали шубки в руках, браслетами изделия на смуглых
детских руках, меха на головах модных сияющих серьги

спускались к песчаному берегу... Волны реки с гулом чуть слышным ольвали рощи пальм, сады заросшие кактусами алоэ, олеандрами, сикоморами, терялись в дали мглы „раскаленные ступени царственных лучей".

На уступах из камней молился араб, в белой волнистой одежде, худое бронзовое лицо, с черной острой бородой, дышало вдохновением, глаза были устремлены на солнце... Оно спускалось за пальмовые рощи, пески знойной пустыни... Ярче, ало разгорелись прощальные лучи, стражный полумесяц свой серп засиял всюду, небо озолотилось... Небесные небеса заиграли в нем... Сады, пальмовые рощи, пронизанные лучами с фантастической яркостью отразились в реке... Араб молился... Солнце скрылось в горных, вдохновенных глазах... Примитивный человек молился на свитый данную землю всему живому.....

Приняв законы природы, я отверг и постиг мгновенья неба, другими словами значенье молитвы... Я говорил себе: „Если бы все человечество от полюса и до полюса молилось до кровавого пота, чтобы бронзовый камень, не пал на землю, но поднялся на небо, оно не волос не изменило бы кромешного закона природы... Если бы кто нибудь склонился в маленькой комнате с запертыми окнами, дверью, над пылающим синим огнем жаровней, никакие самые пламенные молитвы не спасли бы от асфиксии, но во время отворенная форточка...

Но оставим прямые, рушащие законы земли чудо... глубже вглядимся в окружающую землю не только всего человечества, но и гасиндью, мы убедимся что окружены чудесным, невероятным... Успокаивающая сила молитвы, несомненные чудеса так называемого случая, стечение фантастических обстоятельств, необъяснимые предчувствия поражают нас... Не прямые чудеса возможности комбинации нарушили бы равновесие в безграничном небе, возвратили хаос, но тайны окружающие, неуловимые, окружающие нас со всех сторон смиряют наш дерзкий ум... Уже много лет как склонился я перед „молитвой гудка", гениальной находкой „скептика" Лермонтова великого народного поэта Кольцова: „О гори ясная Ярче пред тихою, тяжелы мои думы, сладостна молитва"

Все это творилось, создавалось десятками книг, сотнями миллионов людей, что их поддерживало в дни больших скорбей, вдохновляло на чудеса подвигов, самоотверженья давало неизгладимые духовные наслажденья, поднимало до экстаза, порождало гениальные откровенья, имело колоссальную власть и не нам поколебать исполинскую чудодейственную силу... Мы не можем с детской резвостью смахнуть ее со страниц мировой истории...

Воспользовавшись первым долговременным пребыванием за границей, я со всею силой бурной молодости набросился на строго запрещенную у нас литературу, она захватывала меня своей мыслью, вдохновенной ритмостью. Мучением за все унижения вышедшие от угнетателей слова, наконец справившихся докончат душу.....

Не мудрено что во мне развился темперамент, наследственную революционность, мать отца была любимая брата своего, первого декабриста: Владимира Федосеевича Раевского. Поэтому влиявшая на Пушкина посвятившему ему расстрелянные Шлиссельбургским стихотворенье: "В Кавказ бежал орел молодой..." я сделалась, безотрадными ритмами отпущенных в ремни и помятки... Полной любви к родине, неустанной борьбе за нее я провела сорок пять лет в изгнанье, или мне стало запрещенным...

Поступавшие за границу с особенным интересом относились к моим произведеньям антирелигиозным их скоро перевели на иностранные языки, они распространились в Европе но больше всего в Америке и один очень известный Американский писатель заявил мне: "Вас наверное больше знают в Америке чем на родине... В России власти препятствуют распространенью ваше полное, нелицеприятное описанье всего убийственного царя правительства, но не огорчайтесь оно в сущности как это было всегда и везде готовит вам огромное распространенье в будущем. Ваше имя неизбежно прочтут!..."

Съ годами росла мысль, зрелъ умъ, накоплялись знанья, я стала пристальнее вдумываться в волнующия противоречия науки, посягающей на вышнее... Углубляясь в философию Исторiи, исторiю религiй, я поняла что съ ростомъ науки расширяет тайны неба и земли, что роковые вопросы всех времен, остаются такими же для будущаго... Стихотворенье Гейне в которомъ поэтъ, полный тоски, усталый знанья, на

берегу моря вопросами: «Разрушенные волны хранят загадку, вечно тревожный и страшный вопрос: Из чего состоит существо человека? Как они приходят? Куда они идут? Кто сверху над звездами живет?» И, сихолгубрены покинутые ледеющими, почтальными пятнами: «Катятся волны с тем шумом обычным, вперед несутся и вдаль несут, чтобы блеснуть в бесстрастии холодном.»

Моем тщетных исканий, я алкущий, страждущий истины неизреченной изнемог. Сила на грани земной усилий склонился перед неразгаданными тайнами земли и неба.. перед стоящими вне земных измерений, похватимыми земными сознанием.. Я огромными наблюдениями его чудесно отражены в самых возвышенных, идеальных земных чувствах, стремлениях, откровениях основавшей религии..

Великие страдания, тягучие испытания, охватывая не только гаснущую усилие, но и жизнь чувствующих, начинают невольно выяснять огромное значение религии, ея роста в продолжении тысяч лет, ея неподвижность.....

Сонмы томов, самой пламенной защиты религии, не сказали бы мне столько убедительного, сколько поет сорока плотоядного воронья, скажет диктатура пролетариата, сатанинская Россия в несколько лет.. Много страдало за жизнь человека, при виде массы отрекшихся от Христа, божественной Музами.. Они бывало, вперятся в злых безмысленных сонмов, что были демоны чудесно освобождавшиеся из закупоренных сосудов, плавающих в глубинах морей, что были великий Пан и Юпитер олимпийские дьяволами поднял вновь опущенные на мохнатое чело до самой земли.....

Наша беспомощность, безысходность чувствуется во всем ужасе только тогда, когда на нас обрушиваются со всех сторон бедствия..

Исканье божественной справедливости, блаженного [illegible] невидимых таинственных сил, становится такою же страдающею душу потребностью, как усилья ума, среди падающих вокруг нас [illegible]

Собственными глазами наблюдал как народ свободный дикарь, скептик, с началом мировой войны, по мере роста ее безумий стал все более и более наполнять храмы и не в одних провинциальных городах, но в самом Париже..

на Римских аренах, потоками лилась кровь правоверных горя-
чих последователей Христа. Хрусть их костей в пастях
львов, превозмогая сальвы поразительные проповеди...
Кровавая кровь стала разливаться по миру неугасимым
пламенем....

Настоящее необъятное чудо начало расти с
пылающего пламя сверхестественной быстротою и Евреи
родившиеся в коровьих хлевах они более чем скромных
нерослых людей, приговоренный законным правитель-
ством к истязаниям, позорной казни, где не в три
столетия покатилась кровью Олимпа и победила духо-
вною силою во всемирную культуру Римскую империю. Вселен-
ские соборы признали его: богом сыном равным богу отцу...

В продолжение почти тысячи шестисот лет
чудо шло в высоту и ширь, всюду стали возникать
дивные храмы и великие гении одевали их чудесами
мрамора, бронзы, серебра, золота...

В продолжение долгих веков: миллионы
людей горячими лбами склонялись на холодные плиты
перед Христом, возносились к нему пламенные мо-
литвы, благовонные обещания... Тысячи и тысячи
миссионеров шли в дикие страны часто на лютые муки
и смерть с Нагорною проповедью...

Сотни тысяч закованных в сталь с крестом
на груди гибли стараясь завоевать страну давшую
миру бога, она покрылась храмами, каждый камень стал
священным...

В центре Рима высится колонна Траяна -
Римский легионь, поднимается на ногах апостола
Петра...

Образ искупителя не смотря на все громы выдаю-
щихся мыслителей, разоблачавших все темные стороны
христианства, выискавшие инфернального невежества, непо-
нимания, не взирая на великую революцию с ее профанациями
надувательствами, пятна пламенных но слепых сосудов,
преклонения перед богиней Латинского Рауша, христианские
по времени пускавшие свои, запятнали всеозаряющими
пламенем....

Христос сделавшись величайшею созидательною силою.

В Нём воплотилась непостижимая тайна Истории, необходимость безмерной истинной Морали светозарной любви.

Какое неизъяснимое тепло и полный мир упования, надежды, успокоенья вносит Бог Создатель Вселенной, всемогущий, ведающий, печущийся о нас, чудодейственно входящий в нашу душу, возвеличивающий: добро, справедливость, любовь, разумность нашего Земного существованья... Бог дающий в молниях, громах Синая десять Заповедей, краеугольный камень Морали, посылающий искупителя мировых грехов, смертью, смерть поправшего. Пророк слышит его в легких дуновеньях поднявших дыбом волосы на его голове... Он являет торжество светлой справедливости в богоприимном законе. Зримо карающем Зло-злыми последствиями, Добро-светлыми и прекрасными....

Бог безграничной любви, блаженства, беспрощенья, самоотверженья, непрерывного движенья ко благу, свету не аннулирует все человеческое, но возвеличивает, дает силы Земной душе, зажигает дивный огонь в душах и его не задувает: ведущие, вдохновляющие астрономические измеренья... С ростом науки раскроют тайны Земли, Неба, нашего духовного существованья.....

Я возмущался против порождающей рожкою храмов, писал что бог рождённый в коровьих яслях, защитника и пребывающих, обременённых, вопиющие всего духовного, не нуждается в них... Я был неправ, позднее понял что соборы: Севильский, Миланский, Кёльнский, Мекфа и Пизанский и Миланский и пр. архитектурные по красоте храмы расположенные по обширному лицу земли: Главы к небесам, изящны барельефы, жемчуг внутри... Все остроумные художественных произведений из мрамора, бронзы, в иконах вытканных в золотом ризы, неугасимых лампадах, кадильных ермиалах, возносятся пламенные молитвы к сияющему внутреннему убранству, внутреннего помещения... Громы органных, больших церквей богатых: свободный дар не знающей предела любви... Внутри бездна мертва...

Я возставал против обрядов, не выдерживающих критики, но я упустил неугасимый смысл, глубокую связь их с неземными силами, озаряющими душу молитвами их соприкосновения в продолжении десятков веков с живою, алчущей душой внутрь, а гений сердца откровением на раз перевешивал, постигнув, заносчивые выводы науки... Церковная служба, обряды подбирающий ритуал, не дают задремать совести...

Наука по мере роста знания, неизбежно ведёт к возвышенному мистицизму... Самые выдающиеся астрономы сознаются что безпредельное небо, несказанные его чудеса, невозможность разгадать их тайну, пугающие расстояния интересные лучи света, ведут неотразимо к мистицизму другими словами - религии...

На закате усилия с благоговением остановились на романтической, художественной расе создавшей культ Богоматери... она в сердцах проникновенных лепила очаровывающее воображение... Величайшие художники снимались воспроизвести во всей божественной, недосягаемой духовной красоте ее лик... Все законы природы были нарушены ввиду рождения Бога... Раз человечество признало в Христе бога, украшенного тело пророка, орудия пытки неизмеримые по колоссальности чудо, непорочное зачатие становится вполне понятным... Сказать будет богохульство в виду такого осознать свершившееся обычно она зачала будду, религии не

признающие чудо богоматери, чудеса святых, основаясь логичными должны быть в христа не бога по сверх человека.. Не признающие святых и их чудесами наказаны тем что тысячи больных тяжкими нервными недугами, душевными болезнями, не излечиваются, лишены высочайшего подъема души - экстаза вери -

Во последние годы. Мне пришлось вырвать из заветных тетрадей много страниц, через много лет я поклонялся и поклонился тому что сжигал.. Я стал относиться ко всему загадочному в истории с огромным вниманием, перестал обезсмысливать вечные тайны

Маша такая простенькая, женственная с точки рационалистов душа стала для меня областью вечно непостижимого. Капля спермы в чудовищ гений гораздо все необычайное в человечестве, она верно повторяла душу сколетних удаленных предков, она создала: Шекспира, Данте, Байрона, и им подобных. Перед этой тайной в трепете останавливается, самый дерзкий ум, самые смелые обобщения науки.. Мне теперь кажется безумием мысль, что живая душа говорящая, мыслящая возвышающаяся до гения, переживающая невыразимые ощущения, создающая из бесконечное разнообразие жизни, ее чудеса, красоту, продукты мозга, нервов, костей, мускулов, крови, орудия души сливаются, и исчезают на веки невозвратимою тайной самой души.. Полная земленая наука утверждает что бессмертия материи, души не бывает неизбежности смерти.. Но возникает вопрос что же такое сама жизнь одухотворяющая эту материю? откуда она явилась? Куда исчезает? Эта неразгаданная душа обнаруживающаяся в материи, напрягающая на нее по мере ее усовершенствования все более и более чудные мелодии, дивные откровения не умирает ни одно ее духовенье, она вечно живет, передает усвоенное.. Необычайная сила может победить несколько гениев. Великий артист охваченный огромным вдохновением может довести тысячную публику до экстаза.... заставить ее содрогаться, блеснуть, плакать и чудотворная сила его: невидима, неосязаема.. . . . .

мы окружены тайнами, чудесами, принимая чудо не в
буквальном смысле... Озирая кругом, не только глубоче-
ства но и мелочи, я останавливался в глубоком разду-
мье перед их загадками, тесной толпе именуемой
случаем... .....

Лет двадцать назад не только в окружающем
мрачно но и самом безпредельном небе, все казалось мне
понятным... Разгадка вековечных тайн после того
как с помощью спектрального анализа удалось узнать
состав многих звезд, удаленных на неохватимое воо-
бражением расстояние казалось вполне близкой... Еще нес-
колько десятков лет напряженных усилий думал я и богини
Изида сбросит наконец полное неразгаданных тайн по-
кровало, мы услышим двигающие мысли в могучем
разгадаем тайну тайн души человека... но с годами
понятное медленно неумолимо становилось все менее и
менее понятным... Разрушение вечных загадок по мере
роста знания, понимания отодвигалось все больше и больше в
даль... Противоречия во всех областях горделивой науки росли
Метафизическое такое же подавляющее как сама вечность
все страшнее охватывало душу... Мы знали что наши
далекие предшественники: Сократ, Платон, Марк Аврелий
Лукреций бились тщетно над вопросами души, загробной
жизни, и так недавно Паскаль произнес: „Le silence
eternel des espaces infinis m'effraie"

Остановлюсь на очень крупном недоразуме-
нии... Социалисты ввиду успехов прогресса нередко сильнее
но хлеба как на единомышленника, чуть не коммуниста.
Они глубоко ошибаются, сходство только кажущееся...

Социалисты стремятся к росту материальных благ, Хри-
стос все зиждет на духовных... Социалисты в лютых пробах
большевизма, не останавливаются, перед ужасающей классо-
вой борьбой, пролитыми насилиями, гибелью чуть не миллионов
невинных, самой дикой революционной головоломкой... Христос
допускает только выходящую из прекрасной, высокой души
добровольную отдачу имущества нуждающимся, точно выра-
жаясь относится равнодушно ко всему что не духовно... Царство
мое не от мира сего, не думайте о завтрашнем дне, отец

небесным думает о вас."

Говоря что легче канату пройти через игольное ухо, чем богатому в царствие небесное, они видят в богатстве, соблазн, гибель души, невольно впадают в гнев, они не прощают бы никого подобных о богатом пользующемся богатством на благо ближнего и.

Социалисты мечтают о богатстве далеко стремятся к нему...

Но мерзостна борьба за материальные блага. В социалистах накапливается ожесточенье чего сильные, наклонности к свирепости, порабощенному грабежу... Идея эволюции пока не стала преобладающей. Только учреждающий опыт диктатуры восемь лет, может быть в конце концов убедит пролетариев всех стран соединиться для повторенья всего предпринятого. Диктатурой всероссийского пролетариата с Вечека во главе другими словами безчисленными гробами полными запытанных, изуродованных трупов врядли усмотрим и буйное отдаленье сумасшедшего дома врядли социалистический идеал; „благоденствие безгрешных духов под кущами райских садов."

Христос зовет к любви, братству, самопожертвованью, состраданью, высочайшей справедливости.

База современного социализма, экономика, пораженье благополучия, душевная красота выкупит из нее...

Странно почему святая мораль, не проявляется во всем блеске, среди богатого класса и счастье понимаемое в широком, светлом, идеальном смысле не стало удобным для буржуазного класса??

Видно одна экономика, сытость все вопросы не исчерпывают...

В сны Фараона семь тощих коров пожелтевших скушавших семь жирных угрожали семилетний голод...

Как был прав, большой писатель, истинный социалист Короленко, когда созерцая обрисовавшуюся впереди перспективу России, лязгающую зубами Горилль с глубочайшей скорбью сказал: „Социализм

восторжествует только тогда когда все люди дойдут
до понимания идеи высочайшей справедливости ....
. . . . . .

IV.

Неожиданно встала предо мной, грозная, необозримая пустыня, песчаная Сахара, колоссальный горизонт.. отражая лазурь неба они отбрасывали голубую пыль.. с ревнивостью морских волн горячія пески засыпали гигантскіе мягкіе горизонты.... надо десять вёрст смотреть с его высоты..

Охваченный диковинным сном минувшего я вопрошал неподвижнаго свидетеля таинственный.

О разрыши мне тайны загадку
Вечно перевороченный и спрашенный вопрос
Сколько голов безвозвратно уронили вы
Сколько ума муки пришлось...

Головы в героических кидарах
Из черных берегах, гальмах,
В шлемах и головы всякаго рода
Бились над этими вопросом в следах..

Кто решится что тайно от всех
В теле скрывает существо человека?
Как он приходит? Куда он идет?
Кто ведет его судьбами вечный?...

Гранитное око устремлено на Жизнь, вечно чудовищ тайны хранящий рассеянные ступени усыпальниц "могил" на тонущий в пальмовых рощах роскошных садах Нила... Кронзовая глубина остановилась на Арабской пустыни, угрюмой синяя на которой среди молний, громов была увековечена Мораль, десять заповедей на каменных скрижалях ... Всюду смерть, тайна. Полный грусти часто останавливался я на величественной площади Парижа.. Среди фонтанов, статуй подавляя их мистической красотой высится четкая мысль: Обелиск Луксора.. Золотых письмен тайна от тысячи его тайн..

Въ тѣлахъ осенніе ночи его окутываютъ холодные туманы, еще такъ недавно чудные мысленные высились онъ подъ вѣчно безоблачнымъ небомъ такимъ лазурнымъ, девственно прозрачнымъ что боги были ясно видны въ немъ... Мысленное его полнило африканское солнце, а по ночамъ надъ нимъ развертывалася сводъ небесный прекраснѣйшій въ мірѣ его густой синевы, блескомъ звѣздъ.....

Созерцанье подымало душу, уносило въ необозримую глубь пространнаго, давало прозрѣнье. Вокругъ каменной тѣни поселали народы, царства, рушились на глубь исполинскихъ храмовъ, дворцы, колонады въ мѣдныхъ доспѣхахъ, неуклюжіе гиганскіе статуи.. Въ пескахъ тонули алебастровыхъ сфинксовъ. но недвижимый вдумчивой пророческій столпъ среди исчезающей жизни и вновь возгорающейся жизни... Ничто не исчезало безслѣдно, все неустанно задерживалося въ неразгадданной міровой душѣ.. Безъ этого тайнственна жизни не мыслимы эволюція, прогрессъ... Изъ глубины пескові пустынь выступаетъ исторія похороненныхъ странъ, возгорается задушенная жизнь...

Когда горячіе пары окутывали формирующуюся землю и свѣтъ слабо проникалъ сквозь тѣлы паровъ, зарождающаяся жизнь стремилася къ свѣту, теплу...

Подавляющія открытія науки становятся все болѣе достояніемъ всѣхъ.. Религія бореспособной идеи любви, братства все болѣе обгоняетъ человѣчество... Воздушные почты перегоняющіе вѣтеръ, безпроволочные телеграфы, телефоны увеличивающіе пространство, граммофоны въ дискахъ задерживающіе все чудное, отражающее въ природѣ и человѣкѣ.. Кинематографъ чудодѣйственно сразу передающій отъ картинъ декораціи къ неисчерпаемой по красотѣ, разнообразію живой природы, давшіе умершимъ, знакомящіе весь міръ съ выдающимися умами и прогрессъ раскрывшій будущее открытіе чудесно сліянье всѣхъ благъ, удобствъ матеріальной жизни со всѣмъ красотою, наслажденьемъ жизни духовной открываемой ясновидящей религіей...

Тайны природы, жизни, души человѣческой ведутъ къ росту религіи.. Мистическая загрузшей силою она смиряетъ гордыню науки...

Мы вошли в XX век при свете Разума, новой тайны чудес не опрокинувшей казавшийся незыблемым закон единства материи и энергии.

Придет время, когда наука станет чудотворцем и предвидения недостижимого пойдет все знание, бессмертие религий.

Религия создала несказанной красоты, великие храмы, уносящие в небо музыку, огни, чудодейственно перемешавшие с курением диких, увитанного яркими лохмотьями к индийским идолам, Изиде, Ваалу, Ваалбеку, Ассирии, греческим, Римским, мусульманским храмам, христианским соборам. В продолжение тысяч лет она двигала народами. Вспомните поэтические романтизмы, поэзией крестовые походы. Религия увенчивала венцами головы мученическими венцами, возводила праведников в святых. Давала им чудотворную силу, вдохновляла на подвиги миллионы людей, посылала и посылает миссионеров с проповедью божественной любви в дикие страны, часто на пытки и смерть.

Всеобщедающая вера вносила спокойствие в загадочную область нервных, душевных болезней. Люди науки начинают признавать, что нервные, душевные болезни зависят от расстройства, что к ним все более присоединяются недуги, все так недавно, казавшиеся органическими, что церковь много успешнее лечит, чем доктора, впрочем и их больных.

Большая наша ошибка, что мы принимаем за чудо только нарушение незыблемых законов природы, но такое нарушение невозможно, иначе бы за собой гибель мироздание. Все природа движется скрытыми в ней законами, сломанными нарушителю грозит. Одно слово Иисуса Навина, только на несколько часов, солнце остановило бы всю нашу солнечную систему. Но рядом и вместе с нарушимыми, наша жизнь окружена чудесами, они сверкают в гармонии неба и земли, на них зиждется религия, мы считаем их обыкновенными, тогда как они необыкновенны. Мы привыкли к ним, мы их видим, чувствуем на каждом шагу, но растолковать всю сложность этих тайн уже не можем. Мы любуемся на яркое горение звезды без трепета, тогда как они чудо из чудес.

Разве не чудо Франциск Ассизский и Катерина Сиенская силою всемогущей веры, возвавшие стигматы Христа на руках и ногах... Не чудо страдающий тяжкую продолжительную болезнь силою охватившего его религиозного экстаза излечивающийся в один миг... Только в слепоте нашей мы можем отрицать такие разнородные области таинственного и чудесного...

Смерть религии стала бы возможной если бы все тайны не только Земли но и бесконечной вселенной с бесконечными мирами была бы чудодейственно разъяснена, с абсолютного непогрешимостью...

Наука зашла на непостижимое...
Религия навсегда непостижимое.....
.....

V

Мне часто вспоминается потрясающий момент в романе „Камо грядеши„ Сенкевича от появления полумёртвого Нерона в золотой колеснице влекомой тиграми, в золотых цветах, смотрит сквозь драгоценный камень встречающийся с пронзительным взором слабого старика с посоха Петра... Во всеоружии всемогущая Римская Империя со безоружной зачинающейся духовной империей... Разнузданная плоть с пречистым духом... Кровь невинно замученных, распятых, с неслыханной в Истории быстротой осилила всю Римскую Империю...

Набросаю картину Рима надземного, смута безумия, крови, грязи чтобы резче оттенить Рим подземный... Рим катакомб, небесных видений, божественных грёз...

Рим Цезарей был покоящийся на семи холмах в сверкающий мрамор?.. они забывали усмотрю наслаждаясь, душевно умирая... Развратил до мозга костей, жестокость, наглость до рабов пугающих

Знатные безумцы напичкивали себя до рвоты мозгами страусов, [illegible] ными яйцами, серебряными ложками, упиваясь душистыми винами, но болезненные вкусы всей Галлии, их стали не удовлетворять пряности до упоительности яства, они выгадали в желудочную манию. Один старался в срок растолстеть за месяц, другой наслаждался муренами, выкормленными телами рабов...

Полные глубокой печали, тяжкого раздумья стояли статуи в стороне от общества, не садясь за общий пир...

Цирк с стоголосой толпою был слеп за последнюю дерзновенную импровизацию гладиатора, весь прислушивался к хрусту костей христиан в пастях львов, тигров.... Если публика пресыщалась зрелищем, ее оживляли травли комическими представлениями, хватали голого мальчика вложили в руки яйцо и бросали на арену... он должен был положить яйцо на алтарь воздвигнутый на середине арены... Путь был усыпан не розами и лилиями, на густо окровавленном песке лежали растерзанные христианами львы, тигры. Голый должен был пробраться между ними.. Ужас был гранью подымал волосы на его голове, кривлял изможденные члены, чтобы не пробудить дремлющих хищников, они должны были ползти, извиваться, сверхестественно и над этой макабрской пляской отчаянье-гоготала публика....

Нерон желая внести разнообразие поразить избалованную публику осыпал свои сады драгоценными камнями из ушей христиан, обвитые соломой, облитые смолой, они пылали ярче ночных электрических солнц...

Другой любил мостить мостовую и своих окон драгоценными камнями, с прискорбием он увидел однажды, что мысли разбитых своею безумною страстью головы о драгоценные камни...

Они ловили сенаторов ключиком за любимую пуговицу, собирая их пригрызая философской паутиной, если и не с мозгами то со всего было.. отрывали ушными щипцами грудинки, вырывали у ушных соловьев языки, пугали похожими на его сенаторов отвратительными головами, питая не сомнения дурной замысел свергнуть эту уже привычную опеку над самими сенаторами... Голый, без фигового листка пошел в золотой колизеум. Запряженный парами римскими красавицами. Гасил дарил мотыльки

кубки наполненные скорпионами, раздирали внутренности у гостей угощали лакомыми блюдами из волка, алебастра. Из один трагический вечер чуть не задушили гостей засыпав сильно пахучими цветами . . . . .

История цезарей — история смертей . . люди умирали с тупым спокойствием, часто плохо предчувствуя приговоры . . Цезарь как в сонном видении произнес: „Умри!" и не слепящие цветы яда, без проклятий, тихо процессия, садилась в теплую ванну, вскрывало вены . . Для очень приближенных гародийка Локуста варила ужасные яды . . Смерть царило не в картинном ужасе но во всей неблагопристойности, что может быть после смерти на свистку гимнастика . . В теплых ваннах иногда декламировались недурные стихи, велись не лишенные глубины, философские беседы . . .

Женщины как во все времена умирали лучше мужчин, одна увековечила себя в бронзе, не желая выдать под пытку своих сообщников она откусила себе язык.

Цезари были палачи, доносчики, предатели, не видевшие кровавой мести, борьбы. Цезари небрежно говорили цирюльнику, рабам умирающей науке: „Умри мне надоели твои претворные рожи, ты слишком медленно ноги, медленно свободно ходишь!" „Умри мне очень богатый, я хочу стянуть твои сокровища, изнасиловать красивую жену и девственных дочерей . . „Умри, твой верблюжьих плеч и очень вкусно приготовленных, мне очень скверно спалось, приснилось что ты перехватил мне горло. Умри твои недостаточно ясно указывают что ты в тихомолку много украл, наворовал безнаказанно!" За ними вслед сами цезари-пленники приговорены кончали безумно преступную жизнь не совсем нормально. Окруженные ускорили законы природы, одного душили одеялом, другие отравленные приготовленными Локустой грибными соусами. Цезаря заколов в гладиаторы как дикого зверя доводили до самоубийства или попросту прирезали

звали властителя полумира как простого человека ...

Угрюмо обнесшись бог будущего, вырождающееся, сходящее с исторической сцены, подлежащее захвату, дележу, чуть не будущее последнего кивка нелепого выродка чтобы покорно умереть ...

Религия как и вся империя неотвратимо шла к концу, уснув тихо потухала на олимпе. Увы Юпитер, не даром Сократ, Платон, Лукреций, Аристофан презрительно шутили над ним ... Но не одни великие умы но и презренные черепа не могли взглянуть в глаза друг другу не прыснув со смеху .. Не любовь святая дающая бессмертие тлела в глубинах умирающей религии но кипучее наслаждение, не царство духа но обогощение плоти .. Бог не возбуждал усилений ни на небе ни на земле они видимо оставался бессмертными на небе, терял почву на земле, выдыхался, стихийные силы брали верх над божественными .. Прошли чудные для него времена когда богатые черпая с колен преклонением клали у его ног и золотые чаши курились благовониями .. Боги замолкли тяготились, нерадостным бессмертием, громы его уже не забавляли. Всемогущая рука метавшая молний, гасла поднимая в простой колокольчик ...

Мать амброзия возбужденный он улыбался вспоминая, бурные сладострастные пиршества, бесстыдные пророки, остроумные превращения ... Веселый, полный неистощимой огня спускался он на одну богиню в виде золотого дождя, другой явился быком и только по глазам удавалось узнать бога: иногда лебедем, с пристрастными вкусами, своеобразными ласками .. Если богиня была застенчива, боялась небесных сплетень он закутывался с ней в мучительное облако, что конечно значительно, непроницаемо тюлевых гардин ...

Боги сходили с мировой сцены .. В бессмертие начали все меньше и менее верить смертные ..

Тогда кому суждено было сдвинуть Олимп уже народилась в далекой Палестине, в тихих пальмах .. Во время его божественного рождения в коровьих яслях, по словам Евангелья во всем удивительная великолепий развернулось небо, хоры светозарных ангелов лишая тем хвалу народившемуся богу. Полная красоты и яркости загорелась звезда указующая путь ...

Бога чувственная, властная, порой беспощадная

мстительного, истязателя Прометея слепым богом
целомудренный, безгранично кроткий, всепрощающий,
неспособный угасить льна курящегося, сломить
тростник надломленную ... олимпийскую тишину терзать
течет краях бежит, полную услуг наслаждений
смягчила наша великих скорбей в саду Гефсиманском,
венец тернового, крестная мука, мученическая
смерть во искупление грехов человечества ...

Вверху все пировало, истерически наслаждаясь
видом вымощенной неотвратимой гибели, под землей
Римом гнилью, разверзались сферы двенадцатью
кровавыми подземные ... В тишине катакомб озарен-
ные таинственным мерцанием лампад, люди
братья в белых одеждах, зеленых венках с воспо-
минаниями вновь говорили о всеобщем духовном
братстве, универсальной любви, самоотверженье,
скорбях мучениях, в блеске, силе и славе спасителе
мира, через дневной смерти смерть поправшем ...
Измученные, блеклые смерды, незлобивые как
агнцы кровавыми проповеди, полные великой
поэзии, передавали рассказы о муках, мученической
смерти спасителе мира ... Подземный мир был полон
дивных мистерий, что было царство катакомб!? ...

Светлое время переживало христианство оно
было гонимо ... Мученическая смерть витала над
головами проповедников, одухотворяло слово жертву
безгранично! ... Христиане уходили под землю
в тьму катакомб отмечались, гимнами, верой
Духа, будя Римом готовыми на великие страдания ...

В подземелье часто доносились рев
голодных зверей, рыканье львов, истерзанных
их братий и они смиренно молились за гибну-
щих и невидящих что творят палачей ... Слова
любви, самоотверженья, прощенья, были не
пустые звуки, то было время святых слов, святого
дела .....

Страшною смертью через столетнюю дикую толпу
они пропагандировали свое учение, их льющаяся широ-
кими потоками праведная кровь разливалась по міру
очищающим душу живым пламенем. Многіе
спрашивали: «Кто они? За кого так спокойно радо-
стно гибнутъ? За кого со слезами молятся?» Какія
неземныя чары таятся в их ученіи?

Въ христіанскія общины шли рабы съ ранами
отъ каждалокъ, кровавыми рубцами отъ плети, или гетеры
пресыщенные оргіями, сладострастіемъ, или палачи, истяза-
тели со спасенными ими жертвами и покаявшіяся
прикипали, взывая къ любви упованью....

Въ проповѣдуемомъ царствіи божіемъ, царствіи
вѣчнаго свѣта, всѣ были равны: Цезарь и нищій, рабъ и патри-
-цій, разбойникъ и праведникъ. Покаявшійся распятый разбой-
-никъ помилованный Христомъ в крестныхъ мукахъ настежь
отворялъ врата царствія небеснаго. Озаренные покояніемъ
любвью, впрочемъ вприли в полное прощеніе....

.....

Многіе заинтересованій, бѣлымъ чудовищемъ, въ пост.
дній часъ не рушившіеся на удары кинжаломъ в пустую
грудь; благодаря приписываемымъ ему экзистирическимъ
выдающимся даже для Цезаря преступленіямъ, герой мно-
столѣтній попало в романы талантливыхъ писателей
и достоилось чести фигурировать в геніальномъ романѣ
Сенкевича, в роскошныхъ, сіяющихъ безумныхъ деньгахъ кар-
тинахъ. Кинематографа.. Они на вѣчныя заклеймили позо-
рныя страницы оставленныя Неропомъ в правдивой
Исторіи....

Въ честь распятаго апостола оправдавшаго
пророчество Христа, что на немъ как на краеугольномъ
камнѣ созиждется церковь Его, возлеся величайшій
в мірѣ храмъ вѣчный вкупѣ сказочными созданьями
искусства изъ мрамора брони, съ куполомъ Микель Анжело,
соперничающимъ съ куполомъ неба, колоннадами охваты-
вающими огромную площадь съ немолчно бьющими на
изумительную высоту фонтанами отражающими
въ сверкающихъ радугахъ тонкіе солнце...

не далеко возносится исполинская колона Траяна,
спиралью по ней подымаются римские легионы
к ногам статуи Петра . . . . . .
. . . . . ,,
. . . . . ,,

VI.

Четыре Евангелия повествуют что Евреи издевавшиеся над
крестными муками взывали: „Если ты бог сойди со креста
других спасал себя уже спасти не можешь . . .
Иконоборцы даже приписывают Иуде предательство
как испытанье его божественного „всемогущества, они слепо
верили что в страшный момент, он проявить бога . .
Земная логика, увы не выдерживала столкновенья
с небесной, издевавшиеся сами требовали от живо божест-
венного лица, поразительного сюжета, отрицания уни-
версального искупленья . .
Но самое знойное воображенье, не предвидело что
невообразимое по размерам чудо истории, начнет разве-
рачиваться медленно по истечении почти тысячи . . .

Молящийся за издевающихся над крестными
муками через несколько столетий, господин не только
величайшую Римскую империю, но и сдвинул угловой
камень . . За Христа на аренах гибли тысячи праведни-
ков в пастях львов, тигров, идея божества проникла
во дворец Цезарей . . На вселенских соборах, величайшие
теологи, прелаты в каменном законном правовер-
ностью: нераздельного света единой троицы, бога сына
равного богу отцу и святому духу . .

Божественному страдальцу, неспособному угасить
мысль кощунства, сломить гвоздь надломленную голо-
вою свидетельство видевшего, пугающее воображенье дикие храмы,
в продолженьи . . . . . "столпник" рос, крепла вера
в бога сына . . На него замученного, распятого молит-
ся полные ужаса миллионы людей . . Молитва на
кресте, которая кровавым потом и жаром мук небесных
святых, затемненный ею не могли ни на секунду! великан-
ские светлые науки . . . . . .

На универсальной любви покоится небесная порука. Ее исполнение любит всего человечества, пожухлые сомкнут. Наступая ночь безграничную, ледяной холодом.

Как отсюда сомкнуть представление о чудо как нарушение вечных законов. Ибо и полное непонимание настоящих чудес, превосходящих воображение, окружающих нас, чудес всей истории человечества.

Молитва в саду Гефсиманском, кровавые слезы пролитые перед неотвратимой гибелью скорбей в продолжение грозных веков. Они узнали великую скорбь, сомкнули веки сомкнуты . . . . . .

VII

Открывается сверхзагадочные горизонты пред мыслью человечества в продолжение десятков веков людей великой любви, тысячи погибших за братий своих - возводимо в святых., молилось на них, зажигало у их гробниц неугасимые лампады, окуривало кадильными фимиамами, обвивало золотыми венцами, осыпало сими драгоценными камнями . . . . .

Суровые судьи взошли на недосягаемую высоту: пророков., героев мучеников., воспитателей попранных божественных законов.; добра, любви, справедливости

Страшные своею искренностью, не бледнеющие перед мыслью, смертью они смиряли деспотов, будили громами обличений умирающую совесть . .

Вспомните израильского царя увидавшего в камнарном сне на скалистой горе в облаках. сброшенного божьими пророки Илью, умершего от страха при пробуждении.

Пророка Нафана обличившего всемогущего Давида в убиении Урия, завладении его женой, вырвавшего из души Давида покаянный псалом.

Ужасны годы переживания моей горой

великая, ныне крайне нелепая, погрязшая в невежестве
родина... она умудрилась в XX век, не возжаждав более
лет терпеть, опираясь на авось и небось без думы
о завтрашнем дне, единственную в истории совет-
скую головушку, додумалась в миг с позволения
сказать писателей, претендующих, представляя
поразительное обнесшивенное лицо до поцело-
вания самодержавного Калкина - опиравшего на
плеть, лик рогом, крепкую собственность, кон-
вицу разгромил России, в спасители опричника, а
Декабристов людей светлого идеала, умертвовавшими
не только блестящие полководцев, украшенных со-
стояньем, но и цвет вплоть освобождения родины.
перепутали с куклами советских провокаторов,
оплачиваемых щедро прусским правительством,
практикующих под сенью красной трёйки соци-
лизма: неискоренимые преступления, превзошедшие
по звериному, инквизицию самую инквизицию... Писатели
черносотенцы договорившиеся до Гомерической гали-
матьи должны были знать что большевики в сущно-
сти: ядовитый сок Аккара стекающий густою черной
смолой в горячий песок пустыни, Аккара которого
природа усадившая пустынь в день гнева породила...
Сам Николай Калкин знал что Кремлёвские подра-
зумевали под Аккаром позорное рабство....

В страшные времена полной солнечного затме-
ния, невольно вспоминаются бронзовые строки
величавые по мощи, глубине мысли, недосягаемые по
красоте образов.....

Однако мы далеки чудотворцев великих
книг борцов обновляющих мир, и которым относимся
и относятся с благоговением признательные тво-
рчество гениальному духовному указанию, влагающемуся
в мрачной пустыни Бог имел шестикрылых
Серафимов, перстами легкими как сон на грешную ко-
снулся он: отверзлись вещие зеницы как у испуганной
орлицы, уши и их наполнил шум и звон, вкусил

они: неба сбороганье, горкій ангелов полёт, гадов морских подводный ход, долькей мозг прозябанье. Он грудь рассек мечом и сердце трепетное вынул и гуль пылающий огнем в грудь отверстую водвинул, вырвал языки и празднословный и лукавый и жало мудрое змеи в уста отверстые. : вложил десницу кровавой ...

Ко поверженному, мертвецу подобно трупу Бог воззвал: «Возстань и внемли, исполнись волею моей и обходя моря и земли, глаголом жги сердца людей.»

Как не вздувайтесь заболтавшіеся писаки, не крутите языком празднословным и лукавым вы всю человечью историю не поколебите ... Без подобных людей она не мыслима без них нас закляклая бы горлова сторонь, запали вы, мы выйли бы из истории в зоологію, несуразной нелетучей вы не замаскируете ваши хамскіе душонки, лакейское подобье страсти: „Ура Тонжон! Zivela jamais."

Но разве вы сами не лимоновы не клейменые: воровь, истязателей, палачей, за что они в подвалах Чека выт уре восемь лет сидятся запятнай, задушили живую душу России: свободное слово, мысль, свящую миру спасающую борьбу со злом, неправдою ...

Разве вы тюрьм не замечая, несознательно не гостіе гимны террору, шпранкубійствы обогомвренным в священной библіи в лицо Юдифи, самсоно-руша-щаго колонны под рушущимі срединсиамлетами, возвеличенными всей историей в образах Гарлодіфа, Брута, Вильгельма Телля ... Солнце Англіи! Шекспира устами Марка Антонія произносить: „Прекраска была душа Брута, природа в нем так сочетала, что могущи сказать перед всеми свѣтом: то был человѣк!" Джон Стюарт Мил в сочинении о „Свобод" пишет: „Вопрос о тиранобійствы разбирала великіймі умами не исключая теологов и все они пришли к заключенью что по любви великайшей, эгоальтруваской добродѣтели „. геніальный старик Мильтон написал гимны Свободе слова и апологію казни Карла Стюарт I.

Со глубоким волненьем, прочел я строки Американки в

в книжке: „Поездка в Россию ...
Хвастливое ничтожество показывающее ей все подходящее
большевиками, указывая на часовню Иверской Божией Матери
самодовольно прошипел: „Надо отнять у народа", прочитала на стенах и заборах эпиграфирующие
слова: „Религия опий для народа!" Американка отве-
тила: „При невыносимых страданиях опий необходим."
и застыла вглядевшись в распятого Христа в часовне
подумала: „Глаза византийского Христа полны тайны
должно быть каждому проходящему казалось что эти глаза
смотрят в глубь именно его страданий, но вот они
кажутся устремленными куда то вдаль. куда? в прошлое
или будущее? Кто знает?.... Но одно мне стало ясно
что византийский Христос неизмеримо ближе, дорог
народу чем Карл Маркс, Энгельс, Ленин и вся вообще..."

Невольно вспоминаются слова Гоголя: „Побасенка,
но мир задремал бы без таких побасенок, обмелела
бы река, плесенью тиной покрылись бы души. Побасенки!
а вот протекли века, города и народы снесены, исчезли
с лица земли, кажь будто унесено что было, а побасенки
живут, озаряют путь, живут и доныне..."

Сколько порождающих по земле, дивной ампло-
-сти, откровенья мысли слетались новыми и в свою
очередь слетавшая сии новыми, новыми без конца.....

Но пройдут сотни и сотни веков, но святоза-
-рная мораль останется недвижимой с ее „Нагорной про-
-поведью" зовущей к любви, самопожертвованью, всепрощенью,
изрекающей: „Блаженны алчущие, жаждущие правды. блаженны
душу свою положившие за братии своих."

Пролетят тысячи веков и не побледнеет полный
небесного света: образ божественного страдальца на Кресте
молящегося за бичевавших, распявших, издевавшихся над
святыми муками.....

Лучшие люди всех веков и народов которым
человечество обязано благами, стремились к освобождению
людей, вдохновлены в любви и братстве. Представим
себе что пред всеми человеческими предстанет следующая
мертвенно страшное откровение: „Мировая эволюция,
прогресс – иллюзия! человечество во власти неведомых, слепых,
стихийных сил.. Вся нескончаемые жертвы, святая борьба
за светлое будущее бесплодны." Мир есть гробовый, тесный

самого гения не более как тень мимолетная, фосфорят неистово мерцающий на мглистом, горем нас забытый востоке, сказка в устах глупца богатая словами, звонкая фраза, лишенная значенья. Умная пустая и глупая шутка — дарь напрасный, дарь случайный. Органическая пыль занесенная на землю с неизвестной планеты. Неоспорима одна истина горящая в предверии Дантовского «Ада»: Оставь всю надежду! Ибо сложные что люди охваченные таким роковым сознаньем, полные невыразимого ужаса неизбежно приняли бы на самоуничтоженье, ибо осталось бы со всех сторон запламенить мiр хаоса и муки, погибнуть безславно в его пламени.. Крушенье всех надежд, идеалов, смерть любви, отсутствие критерiя добра и зла ввиду ненужности, безуглясности, невозможности достиженья. Вырвали бы из опустошенной души вопль предсмертного отчаянья: «Вспахай во всем безпокойном разделом покорная одним любовным инстинктам безсловесная скотина, губи ненужную душу, пробуди плоть, грабь, убивай рви тех сильнее — ты прав, а этих надсмехайся диким хохотом или проклятьем, пробивайте дно ногами сильных, горных сих в слепую бездну, ноги вам разобьет!

Религия вместо великого самоотверженья, безкорыстной универсальной любви, дала спасающую нас веру в благое провиденье, в самый великий, святой подвиг, веру в сокрытый от земных измерений, вне земного бытия ....

Наука остановилась на безсмертии материи ее бесконечном превращении, превосходящем самое дерзкое воображенье. Религия перевоплотилась! Безсмертие души.. У преддверия великой тайны, я начинаю все более, более верить в то творящую силу религии, мистически прозревающую будущее осуществление и перед душой покинувшей бренную оболочку открывшей невидимый нами мiр.. Освобожденная от нашей планеты она потонет в звездных пространствах с бесконечными горизонтами, вечно меняющимися картинами, предстанет которые безсильно наше земное воображенье, для описанья которых у нас нет слов.....

Радуйся его неистощимой святостью порождающей силой, помогшему, очистившись несокрушимым законам уничтожаемости материи, по мере ея утраты, заставившей глубоко задуматься рационалистов.. Дай несчастным открыться только первый шаг в область невидимого..

Огромно далекие намеки на будущую умную жизнь

нима сонм, повидимому переходная ступень ко высшему, загадочному существованью... Без глаз мы видим картины поразительные, но краска гаснет богаче, ярче, волшебные земных... Она гаснет мирный союз с земною усилию вплетая образы превосходящие воображенье... Из сна не[illegible] пространство время, возникает не удивляя невозможное... Умрем бессмертие Мы говорим не удивляясь и давно умершими... без языка логично с любви невидимыми, вопрос с которыми не мыслим... Вещество пишет: «Свой мир имеет сон, полный действительности странной, его образы: дышут плачут, благословляют и молчат, на добрый дух кладут свои очи...

Можешь наука объяснить сон, ровно ничего не разъясняя, отличаются не убедительностью, но полной заносчивостью... «Друг Горацио на небе и на земле есть вещи которые не снились нашим мудрецам»...

. . . . . .

VIII.

Миллионы, пламенно вступившие в христа с загадочной прозорливостью приняли дар ангела христианскую бессмертие, только по тому не смогли в вожделенном проникновении с усилию Христа... На крестных муках созидалось христианство... Через вступившими вспасет: Непорочная проповедь, сошедшая из всего самого возвышенного, идеального, сверх человеческого таящаяся в святых святых души человеческой...

Беспредельная любовь ко всему без исключенья человечеству, смерть за все без исключенья человечество... Призывы к вечному, сострадание, единственное во всей мировой истории горячая молитва за бичевавших, распявших, издевавшихся над крестными муками основатель христианскую религию, не только религией прошедшего но и универсальной будущего... Она отвечает на все самые трудные, мучительные вопросы ума, дает великий смысл человеческому существованью на земли, указывает без колебаний путь... Она возводит в перл создания бесконечную любовь

к ближнему, без которой не мыслима жизнь. „Конец мира", сказал Магомет, „наступит тогда, когда у одной души не будет ничего для другой души"....

Религия допустившая такие противоречия с идеальной моралью, религия науки по неуклой вселенной не - могущей разочаровываться на огромно далекое будущее, „брат - ством" допустивший погромы был подавлен Буддою отдавшему себя на сострадание с немощными сосудами мирских, ради ее и мирских алчных спасения, провозгласившему: „Древо не должно мешать тени древостоя". Мусульманство примирившееся с рабством женщины, распространившееся силою меча, и разом не духовным но грубо чувственным, незаметно будет побеждено Христианством....

Я всегда был на стороне гонимых, невинно преследуемых, горячо сочувствал Польше повторяя слова Огарева: „Я не враг тебе сосед, как ты и я люблю свободу и готов ей жертвовать обоих. Я сострадаю народу, твою тяжелую невзгоду с болью вижу Польша сын как человек и славянин..." Не имея капли Еврейской крови как человек я выставал против антихристианских, несправедливых преследований евреев, варварских погромов от гибли тысячи невинных все преступление которых заключалось в том что они осмелились без позволения Христиан родиться и основаться в пределах своей любимой гонимой религии... Я не мстил за Христа, не клеветал.....

Читая лет. сатиры людей претендующие на компетентность, даже беспристрастность, не раз указывали что особенная антипатия к евреям держится не на одной религии распятия, криках: Распни! Распни! но на таящихся в глубинах религий враждебных чувствах ко всему что не христианство, по их мнению только это отлало из их религий нескончаемые бедствия...

Если обвинения справедливы, они небольно выказывают сомнение в том что религия такая локальная, стоящая в таком противоречии с универсальной моралью, таящая гнойную язву разъедающую все вокруг может иметь собою незыблемую почву, что она держится на вековых гонениях, закалившись стойкость в могущественной расе, на сравнительно мелких масс...

Много я наблюдал что в ком светлые личности Еврейства не хорошо но искренно сливаются с остальным человечеством, преклоняются перед вечными принципами: любви, братства, равенства, свободы. Еврейские поэты

начиная с гениального Гейне, относившегося глубочайшей симпатией ко Христу и христианским мученикам, не даром они сами вдохновенные мученики.....

Читавшие мои сочинения и правительственные указания, что я в них на многих страницах, крупными длинными рядами нескончаемых сравнений указывал не только на темные но и на совсем черные стороны христианства, стоявшие в разрез с Нагорной проповедью, молитвою на кресте.. чтобы смягчить кровавый цвет страшных картин, рушущихся, как по яркокрасное пятно на картине Репина „Убийство грозным сына", побудившее душевно больного гуся не сгубить дивное произведенье, я в силу справедливости должен указать что эти стороны не нужно видеть в очи ужасного времени инквизиторства.. Нельзя безнадежно нападать даже на злейшую инквизицию с Нюрнбергскою железною девою, с ножами внутри рвущими в клочья жертву.... Мы не должны игнорировать что лютые пытки даже в самых культурных странах были вынуждены почти до конца восемнадцатого века.. Казнь Дамьена слабо раненного Людовиком XV превосходит испанскую Нюрнбергскую железную деву с ножами внутри... Вспомните гнев Вольтера по поводу процесса Калласа, приговоренного к колесованью за нескинутую шапку перед духовною процессией...

Моя огромная ошибка, что я темные стороны духовенства изображал на мировой канве..

Могильный саван одевал в средние века все христианские страны. Невыразимо по безумию дикости предрассудки, невежество царили всюду... Все кажущееся нам теперь абсолютно невозможным, пугающим самые смелые воображенья казалось в то время в полне естественным, чуть не похвальным, богоугодным...

В тысячном году все ждали страшного суда с самыми чащами ярости Апокалипсиса, людям впадавшим в галлюцинаций видились угрожающие космические явленья, знаменья близящегося конца мира и муки принимали в глазах болезненно-

помрачённого воображения виды чудовищ, более нервные не могли долго выносить невыносимых мук ожидания, нередко кончали самоубийством.....

Жестокая духа стремилась из умерщвлённого плоти, любовь стала ковами дьявола, проклятием, осквернением и предмет отвращения бога-матери и Христа поднимался во всей гнусной безобразий бешеный исполинско страшный культ Сатаны, шабаш ведьм...

Сами служители религии, закутавшись богословскими покровами для еретиков, гасло искренно верили что сверкающий белое зло, спасались их души от вечных пыток ада....

Инквизитор, ясно в гениальном ясновидении складывал знаменательный монолог в уме, спрашивал по своей неумолимости всякого инквизитора Торквемады, при виде пылающих костров, он духовными очами восторженно созерцает как души еретиков, как белые бабочки подымаются на небо, он глубоко верил что огонь временный спасает от огня вечного.....

Но я останавливаюсь полный ужаса перед неминующими муками отравлений неизгладимыми пытками убийственных ослепительных извергов Пилатов... Перед их небывалыми в истории грабежами, опустошениями, распятиями, голью поголовной уголовщиной ослепляющейся в XX веке прикрываться чем не идейностью.....

IX.

Угробьется час, силы человеческие полны, люди снова обновятся, полны братской любви... Великий грёзы возникнут по всему миру вокруг... Из хрустальных чертогах колонады, сады... Библиотеки всех вновь великих книг, галереи художеств всех стран и времен, искусы высшая знанья для всех племен объединенных одним языком... В лучах электрических солнц невидимых, птички качаясь на гирляндах увитых будут неумолчно петь дивные песни

крыльями как каменья самоцветными блестеть..
Водомерки переливаясь огнями обетный душу лучезарными
снами, в водах отражаясь волшебно блуждать будут
свет и тени таинственно... Ввы гаммы цветами
закупанной, музыка слух ласкать будет мелодией
чудной .. Эхо в громах полных гарь грандиозных-
-ческих созвучий оживлять как небо лиственных.

В очереди гениев их чудные строфы, романы,
поэмы, оперы, песни, сонаты как в преданий духа в
волшебных сосудах запечатлены будут и людские
слух услаждать в многолюдных собраниях....

Вихрь теплый, благоуханьем полный, грудь
наполнить, негою, силой живой... В запах грозовых,
грозы, бури нежная, деревья цветы в ярких лучах
листья купая, разнообразной красой осыпая, плодо-
-вые ветви склоняя, зацветущий ароматы
испуская.... В мертвых пустынях где все гибелью
дышет, в воздух пламенной лазурью пышет, сильней
смерть обнимут видны, и цветы, сама играть
грозя смертью гарцует, ключи забьющие, сады расту-
-щие пышно... Пальмы влагу свежую пьют,
кроны зеленые тихо и плавно....

Океанов приливы, отливы, с силою их необуз-
-данной, водопады, реки, пасаты, вихри, ветры, бури
преобразятся в электрические токи, отдых давая
всей блага, людьми постигнутой земли силы и неба...

Звуки, слово не будут теряться в простран-
-стве ... В полярной северной круг повторится
аккорд грозовой на юге .. Воздушные потоки
руша границы, сверкая как на тропической небе
зарницы облетать будут Земли, океаны, моря, с
высот весь мир озирать и гарь земной всех чудес
развернет, как в сказке роскошной, восточной...

Обнаруживать телескопы гигантские миры
возникающие, погибающие.. Человек услышит метал-
-лов, минералов шорох подземный, а атомов живо-
-трущих усилий колебанья, крыла бабочки шелестят
неслышный, мириады росы, соки трав, цветов,

природы ясной неясные, могильного праха умы,
возрождены... Наука сливается песнь любви душ
неразгаданной тайною.. В унисон сольются грезы
ненасытные знаки и души обожествлены – отчизне
– нашей сердца, пучем пламенной веры, жарки любви..
. . . . . .
. . . . . .

Писатель берется оскорблять
Его оружия кипит в мире опасный,
Его карающий гнев, всех Юпитера сильней
Всех грозней, всех молний ужасней.
Если от тебя заключили:
перед тобой разорвется огненный круг.

Ваш приезд поднял в душе, давно уснувшее воспоминание
мне было, повеяло медвяным теплом... Мой визит вам
не могу вообразить без крайнего огорчения; никого подобного
Я не видел на секунду себя представить, не смотря на
Вашего ума, всех достоинств, огромное расположение встретил
Я среди людей воспитанных. Мне сделалось грустно
сравнил в сознании убежденных... и теперь мне
представляется о пятых хамах...

Я никак не могу вашего великолепия, уподобить
мне пришлось в парадной зале, сидящее в дорогом ярком
бархате, некомфортабельном даже для борзящихся собаки...
Вы были великолепны, высокой комплекции, поставлены не
на золотом пороге подшитого серебряной драгоценными
камнями, не под пурпурным балдахином, на горностаевой
подкладке, но на сосновой плохо выструганной доске,
голой и при холодной жизни мне загрязнить вашей подошвой
свой зал... Вы были не в порфире, бархате, шелке, мехом
но по простому без штанов... Не зная увидел что вы весьма
плавны думая что вы Аполлон Бельведерский... Вы много себя
вредите перед женским полом; слабость ко каблучкам уве-
личенная являлась в некоторых, голых пальцах... Ноги ваши
очень длинные и густые волосы пробивающиеся сквозь носки
очень приятно...!

Я покидаю вашу холодную хоромы, когда неприятель
для баса, распахнул двери пустой залы... Лакеи которых
мне пришлось застать надевали свою ливрею со звездами
во всю спину, со покойною любовью... Я вспомнил огромного
самовара с пивом, сидящего, ожидающего выпивающего пивко
к закуске - сборщ... Какая бездна лежит между ними; сравнивать
Наполеона с вами - мужиком - русопетом, его чудесная
как звон меди, мужественным голосом, когда он говорит
и военной музыки развлекает; а сидеть. Сидеть!... Вы сидели
оказался неумолимо великолепны бас - сборщ... Он на арапском
коне... Не видел ваш великодушный средневековый лоб
видимо вырвал молодой конь какой нибудь знаменитой
битвы!... - Сражайся, сражайся, сколько ты?...

Наверное вам скучно и вы со скрываете... Извините
меня!... Я стараюсь о его имени и отчестве... Сущность

вящее неприятие, чтобы нашлись грубые, наглые человечишки с холопской душонкой, умеющие добиться благосклонности...

Я бы пощадил вашу психику холопского зазнавания, если бы чувствовал барака. Внимательно прочитав записки с благоговейной грустью, трогательно деликатные, застенчивые, я не спал ночь, раздавленный ужасом моих мыслей о ваших мучительных ухищрениях, зная, что после покупки невозможно. Вы меня приняли как Мусоргского не имеющего представления о деликатности, элементарной порядочности уважения чужого достоинства...

Я смел надеяться вашими строками не оскорблять вас, но сказать вам привлекательное слово.

Ида к вам могла я избалованный, всеобщим вниманием, любовью, уважением, предполагая на секунду, что вы так грубо закончив, бесчеловечно грубы, невоспитанны.

Я никогда бы не злоупотребил вашей температурой, не зная о ваших страданиях, не догадываясь, что моя личность как писателя, всю жизнь отдавшая великой борьбе с старым режимом, не смотря на сопротивление запрещения в России произведений моих сможет оказать вам сильную помощь и она будет расти по мере роста борьбы, когда вы поймете, что забвение мои старинной истории голоса...

Каюсь моя тяга к вашей критической статье направлена к театральному.

Барабанщик не сам по себе, мудрая пословица, не всякий, не первый попавшийся человек, не только умелец, но сложный, большому дарованию свойственно, сверкание бисерных чувств, я часто вспоминал инстинктивную, трогательную деликатность...

Вы помните как мне было противно вас вспоминать в эмигрантском поезде из Риги, в котором я спасался от бешеных большевиков, грубо распоясанных, любящих хорошо знакомиться с моими произведениями, выбирающих министров председателей М.И. Покровского и З.Г. Гринбергов. Я имел при себе сорок пять граммов морфия на собаку, она могла потребоваться мне, если бы я не получил разрешения выехать за границу, я бы покончил с собой... Вы пришлись благодаря своей деликатности, в багаже моей библиотеки, в которой масса маленьких стихотворений, была пулька, которой я убью

Марков. Дайте уехать мне вперед и того хронометра, за
отставшими за своими орлянками сапоров вместо того
сейчас в штурм как ураганный ...

Вам пришло передать мне свои [illegible] разговоры
с Керенским, грубость, [illegible] дополнительно ... Мне ли
не слышавшей толпу уездного вокруг трона, но и Декабрьскую
угнетенное собственное достоинство, революционное бесстрашие
бунтовщицкую кровь ... Вам ли после царской сбруи, мне
литературной тайности, мне знаменитости, теперь
свободной свободе, говорить, неприличные [illegible] ...

Вы были уверены всегда полновластным правителем, вы стали
не теми, кем и были. Я сильной, вы были
были уверены всего мягкого ...

Вы распевали „Дубинушку" во славу либерализма
под аплодисменты публики, что не помешало вам в один
несравненный вечер пасть на колени пред царем ...

Я в продолжение сорока пяти лет, ревнуя [illegible]
его ухаживания по головам правителей и управлять во всем, вмешивалась по силе своих [illegible] и [illegible]
беседовала [illegible] правительствами, я была [illegible]
[illegible] за брошюру „Александр II освободитель и [illegible]
благодаря заступничеству Виктора Гюго, президента министра
Франции и покойного президента республики Мимеранда
могла навсегда вернуться во Францию ... Требование полиции Франции
моей выдачи не смерти было с негодованием отвергнуто ...

Когда мне сообщили при посещении своей [illegible]
Англичанин в России в списках тайных эмигрантов, [illegible]
будто архив, [illegible] мемуары времени [illegible], когда
бы мне [illegible], насколько была [illegible] мои [illegible], недруги,
революционеры [illegible] первый называли мои брошюры бомбами,
а Михайловский не раз говорил что я основание самодержавию
[illegible] сильнее, грознее, [illegible], последовательнее
и более не наносимому удару, что сила моя в том
что я одна, вне [illegible] ...

Забыли вашу не [illegible] типы основания.
дикую [illegible] грубость я конечно не могу, я [illegible]
терпимость, [illegible] вас [illegible], и [illegible] вы [illegible]

веселым звоном серебряных колокольчиков дам леска и мушкетеров бедняжки по Дуранде колокол дам вас

Гуд'ы "самовлюбленный" случай как можно свой меня со стороны Иванушки вас хорошо, подействовавшими весь интеллект и творящую фантазию. Дивногорцев ваш вас, возмущенный волны «шуллерізм», «хулиганство», способностью обманывать и рядом изменений ... Вас всегда как тюлень и урна кающегося. Серьезные слова, вы уже вечерний гость много, никто не вечерний и вредоносно отвлекающий, выполнить только Дурнишева .....

я приберегаю тихую и красивую характерность вашей особы. Для будущего полного собрания моих сочинений в России получено кое-где, что касается о вас сохранится. Конечно я теперь не буду самой даже огорчена, если другие авторы выступят у вас примиренческие стороны, смягчающие обстоятельства ...

Как неглупый человек, способный сознавать свои мошеннические поступки, раз они списаны вам, вы должны быть признательны за горькую правду этих и статьи ..

При ваших больших нервных часах вы могли встретить сам не крупного писателя, что и знаете - журналистов петербургских происхождения, заимствующих от предков, мясо мускулистый. Поэтому, интеллигентных вещих. Вдохновенных, умеющих бокситировать и они конечно дорогой вас уже не духовно ... Мелькает на сцену со множеством шутировавшими синими тонами под глазами, со красными несколько преступными щеками и неизвестно радостным шоколадом губами радуги только будет не совсем приятно ...

Говорят вы замечательно деятель, и довольно часто спектаклем вас Дама Дама ...

Когда после полного артистического гордости и величия Коломбайова, не спокойно вашего, в которого вы направляетесь на Жизнь с Монте Карло, шутника называли будоражку не претендующую на комплименты и так сильно встретить грязного Галилея они ли будут Вам. Не вспомнить с досадой стали равнять чувствительно ..

На этом конечно я вступаю хотя и вновь

Вдруг не было ли подписано со стороны и не моею
рукой письмо, поднять руку на себя, так как не могу
вообразить возможности поднятой руки на меня, так как
за такими поступками, безусловно следовать не будет
по смерти оскорбителя. . . .

Мое письмо и преследующую мысль о вашей мгн.
я хотел объяснить, и готовящейся к печати статьи. Кровавая
Суллемница, — написано по корректурным которые мало
прикрывался идеальностью, чуть не оригинальности, разрывали вскры-
тия, чуть совсем не сгубили, тяжкую, безрассудную бесси..
Вернее было тем и кончить как вдруг прежде случилось с моими
статьями на многие языки... но, но, простите мое письмо,
освободившись от болезненного прилива чувства, я употребил
все силы снова вскрыть душу. Не видишь последствий,
за которыми может быть повторяющей о вас
оскорблении вашею грубостью, легко может быть, прежде
чем достигнут вас, вам пришлось вынести много ужасных
обид, и вы оскорбились, увидя вложенных оскорблений, вместо
к вырванию души, по своей вине не поступки и крови прольются
вашей руки... Руки готовые подняться с расположенным
чувством выпустить последнюю вещь.

Вы сами наверное не раз слышали, что люди
должны говорить откровенно на бумаге, потому
что бумага рассудительна, пробудится от сна безумного. Можно сказать
то же самое относительно и себя... Истинные душевные движения
писать гения на свет, всегда сопряжены с великой простотой.

Мой приезд в Рим благодаря турбинам
не дал мне возможность с Вами — за целый ряд уроков —
что-нибудь сказать — и мысли [illegible] в мере
тревожной суеты... Отсутствие Вас, которое
было тяжко, глубоко безутешным долго потушило во мне
и Римской [illegible] Наконец я [illegible]
воспользовавшись благоприятными днями входа Итальянских
войск в Рим, выпросил сделать [illegible]
Вашей прекрасной Италии и я увидел [illegible]
и Вашей великой из величайших [illegible]
которому покрыта вас Италия, быть возможно простить
своей великой душе". Конечно ни в будущем времени бы мне

(в тарутинскую сердечность и барскую «милковку» превратилась в библейский чертог». Его письмо ко мне я конечно храню как святыню ...

Скажу несколько слов о Васеньке вообще. «Неприятности» и «неприятности» и только в одном месте он подвержен. До настоящего дня поэта освещающие ранку воспоминания огнями, артисты иногда должны потревожить создавшие образ настоящие раны. Когда я слушал Мейерхольда в «Дворянском гнезде» перед моим в детстве милым подмосковным «Спасским» Лемма и освобожденных должников мелькнул... Рыцарство, Кардуччи ...

Не нужно забывать этой в сердце Мейерхольда вселенной духа. Напрасно и сейчас, ему губить отсюда, ни пряча его все спросит Васю и Вяч. и некоторых по тому что русский театр, будет свято, пока свята любовь ...

В гримировке вы хорошо сделали, отступив от шаблонной физиономии, дали образцы как мог нарисовать Мейерхольд-испанца. Костюм в целом должен отсутствие в пространстве пейзажа, что-то вверху, спрадает отсутствием деталей ... У Сервантеса, кстати было много ... и его можно, хотя выше его туго не сорок лиц назад; Мерседес была не высокая, потому что выходит за Ада, а так как в спор известно замужество ярко, идет вперед загадочное без перекрашивания ...

В Дон Кихоте по общему мнению была игра была пантомима глубоким понимании-роли, можете быть вы только обязаны покойному Дедику (Мейерхольд) Конторы передал мне что Дед вам показал «Гамлета» Дон Кихот» Мейерхольда, Вам следовало бы прочесть «Дон Кихотах» В Кармелиты в этой детской книжке Дон Кихот понимая чрезвычайно интересно ... Дон Кихот трагический идеалист, без карикатурное в нем. Внешность нисколько не смешна, но скорее очень умилительна, она всюду должна вызывать трогательное ... Все великолепие борьбы за человечество имеют с ним много точек соприкосновения. В особенности в сцене бури: он так прекрасно в постели ... Когда Дон Кихот говорит он представляется сидящим на высокой лошади, когда говорит прекрасная дама Дама будет сидеть на своей низенькой осле ... Радость от умственной, идеальной, практической работы

Статья приготовлялась для газеты обыкновенно писавших мои статьи, но вследствие душевного успокоения не напечатанная

— " —

Как критик слышавший, почти всех знаменитостей, знакомый со многими из них, имевший с ними знакомство, самое тесное соприкосновение, я конечно с большим интересом, открываю страницу Шекспира, зная что удалось в ней найти Мочалову.

Полный грусти, разочарованный вышел я из оперы, На одну минуту не отрешился от священного духовенья, испытываемого мною во время представления этой столько больших артистов... Вспомнился слова знаменитого Шекспира: "Шекспир любил актера, это правило надобно себе напомнить всякому, кто хочет быть актером..."

Утешало меня что они были не в ударе... Это случалось и великим Мочаловым, которому Гоголь посвятил свой бессмертный, незабвенный очерк, в "Мертвых душах", в "Мужике Сидоре" которого

[illegible] Жанна, даже в Лувре его поиск
в Джоконде" и "Эдип", [illegible] знаменитые, когда они
освобождены [illegible] Эдипом убитого [illegible]

Мейерхольд, не [illegible] [illegible]
Шаляпина-Мамонтова полную [illegible] [illegible].
Советский читатель и зритель любовно [illegible] путь [illegible]
к [illegible] ... Но случалось [illegible] [illegible]
полного разграбления, во всей [illegible] [illegible]
Усердно выдавая [illegible] [illegible]
[illegible] огромные деньги и [illegible] [illegible]
[illegible] возвращены обратно [illegible]
в то время когда [illegible] [illegible]
[illegible] вернувшегося [illegible] Эдипа [illegible]
[illegible] голода, холода, всех [illegible]

В свойственной ему [illegible] [illegible]
и конечно не осмелился [illegible] в Советских [illegible]: Де
бя беспрекословный [illegible], [illegible]
Советско-французские [illegible] [illegible]
было. До [illegible] грубый [illegible], [illegible]
не нужно себя рекламировать, [illegible]
очень [illegible] [illegible] рекламы ...

На коленях перед [illegible], на [illegible] перед
убийцами, [illegible] [illegible] не только обезоруженного
[illegible] но и [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] в [illegible] [illegible]. Забыв [illegible] "буржуи",
[illegible] со [illegible] [illegible]
В то время, когда [illegible] [illegible], [illegible],
[illegible], [illegible], [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible], [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible] [illegible] [illegible]
[illegible] [illegible]

калоши, так мало добра внушали их неуклюжие или отсутствующие рожи...

Я помню как в Москве, когда они вперлись в оперу с криками: «Долой все золотое и Боже подлые хамы! убийцы! воришки!!» и несколько сконфуженных калош поплелись вон...

Иван-царевич Завивайкин своим «божественным» голосом не всегда соответствовал в высшую душою, чрезвычайно благородным сердцем, приобретенным собственным достоинством. Надрываясь над большинством, Завивайкин от него артистически показать что-нибудь не боялся ни черта...

Он не понял до того «хорошенько» были его слова о том, что в будущую весну, когда расцветут розы, он «непременно» уедет в Париж и репатрируется советское гражданство, — сделал вывод или сомнение, а затаившего крови, вспомнил перед туалетом «ещё большим» своим бывшим Завивайкин, нашим «мечтам»... В какую холодную усмешку подымал он свои тонкие белые кости, выворачивая рот, что жидок спасибо этой дурацкой интересовался, скорее Завивайкин дрянь.. Во-первых куда денется мелкий вопрос что за бисер. Чтобы его вспоминать, убедился, действительно не стоит напоминать перлам этой изысканной золота, но только добродушно меланхолично прибавлял в советской русской речи, вряд ли сознавая что пишет он пишет бесподобно, сильно уже вонзаясь...

И тогда уже Шаляпин, первый в истории мировой музыки по сценарию, как умело Завивайкин, что советская власть «свирепая грабиловка»

Его приезд в Турки, мелкий взяточник не сделал бы достойным внимания, происходившего этой недостаточно политически развитый, но слухи дошли и рядом по сигналу невинных — этой гибели.

Я помню карикатуру в «Русской воле», где Шаляпин, в виде турецкого, перекинутого сапогами, грязью Шаляпин, в виду Одесской пристани «Ближнего Востока» и в виде этого сапога по-бисмарковски, одна нога поджата по-турецки другая на коленях, руки крестообразно...

Н. Сухов

Предсѣдатель
„Русскаго Общества въ Латвіи"
Рига, Бл. Королевская ул. № 1
Телефонъ № 10-96

„23" Сентября 192[illegible]

№ 1255

УДОСТОВѢРЕНІЕ.

Настоящее удостовѣреніе выдано [illegible] Обществомъ въ Латвіи" предъявителю сего Россій-скому гражданину Петру Ѳедосѣевичу [illegible], въ томъ, что онъ, П.Ѳ.Алисовъ, есть дѣйствительно то лицо, какое онъ себя называетъ.

Предсѣдатель [signature]

Секретарь Общества [signature]

Завѣдующій отд. юридической помощи [signature]

Uebersetzung

Vorsitzender

der

RUSSISCHEN GESELLSCHAFT
IN LETTLAND

Riga, Gr.Königstr.No.1.

Tel. 10-96.

„23" September 1921.

№ 1255

B e s c h e i n i g u n g .

Vorliegende Bescheinigung ist von der "Russischen Gesellschaft in Lettland" dem Vorzeiger dieses, dem russischen Bürger, PETER, Fedossejew's Sohn, A L I S S O W , darüber ausgestellt worden, dass P.F.Alissow in Wirklichkeit die Person ist, als welche er sich ausgiebt.

Vorsitzender: W. Iwanoff

Sekretär der Gesellschaft: W. Sieconiewski

Leiter der Abteilung für juridische Hilfe: Skopot-

Traduction.

Président
de
la Société Russe
en Latvie.
Riga, Gr.Königstr.No.1.
Tel.: 10-96.

"23" Septembre 192.

No. 1255.

C E R T I F I C A T .

Ce certificat est délivré par la Société Russe en Latvie au porteur, le citoyen russe PIERRE, fils de Fedosseiev, A L I S S O V, que lui est en effet la même personne, qu'il se nomme.

Le Président: B. Rennenkoff.

Le Secrétaire de la Société: V. Smirnoff

Le Chef de la Section
pour l'aide juridique: Lapot.

963.

" alisof—

par lettre du 23 août 1921

81 UNIT. 423 PERCU: 1125 Roubles

23 Septembre 1921

LE CONSUL DE FRANCE

Peter Allison

— Durchreise — 100.—

Nr. 4853 Geb. [illegible]

Gut zur Durchreise durch Deutschland über jede amtlich zugelassene deutsche Grenzstelle. nach Frankreich

Gültig bis zum achten Okt. 21

Reisezweck: Durchreise ohne Aufenthalt

Riga, den 24 Sept 1921

Deutsche Passstelle

I. V.

[illegible]

Q. 5168.

LIETUVOS RESPUBLIKA

Leidimas 5439

1 Rugsejo 26.

vienam asmeniui

Francija

Lietuva

tiktai praeinant

Lietuva

1 Spalio 10.

[illegible]

LIETUVOS RESPUBLIKOS KONSULIARO SKYRIAUS VEDĖJAS

METUM TEISES SUSTOJU

VISA DE TRANSIT

N° 6434/P.369. Visé au Consulat de Belgique à Riga pour permettre à Monsieur Peter Allison

originaire de se rendre en Belgique en transit sans arrêt à destination de la France

suivant visa français N° 963 à Riga

Valable pendant quinze jours pour le transit en Belgique et destination de la France aller et retour. —

Riga, le 26 Septembre 1921. —

Pour le Consul de Belgique.

Le Chancelier du Consulat.

[illegible]

BELGIQUE — MINISTERE DES AFFAIRES ETRANGERES — Fr. 2.50 — BELGIË

Dr. reg. wiz. 2103

24 Września 1921.

Do Pełnomocnika Rządu Granicznych.

Ja niżej podpisany Piotr Glisor ur. 1255

NA ZJAZD PRZEZ T-WO SPÓŁDZIELCZE SOC. UPRZYW.

w Pierwszej 10 Października 1920

330

N. Kubliński

Транскрипция последнего варианта рукописи в современной орфографии, с исправлением незначительных орфографических ошибок. Указывается разбивка на страницы оригинала, с авторской нумерацией. Рукопись по-видимому была в основном написана в Риге (апрель?-сентябрь 1921 г., с маленькими добавлениями карандашом в 1923 г. [см. стр. 52]) в ожидании французской визы (см. стр. I, 5), может быть на основе более раннего черновика в маленьком блокноте, привезенного из Курской губернии. Сохранилось 3 варианта рукописи.

Transcription in modern orthography of the manuscript's final draft. Author's pagination and page breaks in original are indicated. Manuscript was apparently mainly written in Riga (April?-September 1921, with small additions in pencil from 1923 [see p.52]) while awaiting French visa (see p. I, 5), perhaps based on earlier draft in tiny notebook brought along from Kursk Guberniya. Three versions of the manuscript have been preserved.

Кровавая сумятица

П.Ф. Алисова

«Советская власть со всеми поддерживающими ее—паразиты буржуазии. Они живут на все скопленное ею и ее строем. Они все разграбили, опустошили и абсолютно ничего не создали.» ("Le débâcle des Soviets" par l'Association financière, industrielle et commerciale russe.)

«Правительство большевиков самое жалкое, жестокое, нелепое, грубое из всех правительств диких стран. Тюрьма и сумасшедший дом.» Чарлз Крен (Американский посланник в Китае) [*Charles R. Crane*]

«На сто больных утопией миллион воришей.» Казачьи Думы

I

Предисловие

В апреле 21 года, после четырехлетнего, невыносимо ужасного, кошмарного пребывания в царстве мрака, смерти и лжи, я, запасшись сорока пятью граммами морфия, отправился из центральной губернии в Москву; твердо решив спастись из России, в случае же неудачи—покончить с собой. Как писателя не способного подлить душою—при самых лучших условиях—меня ждала мучительная смерть от голода и холода.

Тайна тайн жизни, именуемая в слепоте нашей—случаем, столкнула меня с товарищем министра Просвещения М.Н. Покровским, его супругою и занимающим важный пост З.Г. Гринбергом. С Покровским и его необыкновенно симпатичной супругой я сошелся на пароходе в сентябре 17 года, из Бреста, через Атлантический и Ледовитый океаны, доставившем нас в Архангельск.

II

М.Н. Покровский и З.Г. Гринберг, говорю о них как о частных людях, буквально спасли мне жизнь. Вечека не замедлила резко отказать мне в выезд во Францию. М.Н. Покровский, несмотря на очень спешные дела, тотчас же отправился в Советский застенок и с огромною настойчивостью добился разрешения.

Свидетель свиданья передал мне, что на заявленье Малюты-Дзержинского, что Покровский хлопочет об очень опасном писателе, враг Советской власти, показавшем уже свою силу в борьбе с самодержавием, он очень логично отвечал: «Если г. Алисов написал со свойственною ему силою и резкостью статью против Советской

власти, то нет сомнения, что во время взятия губернии, в которой он находился, белыми, он успел отправить ее заграницу в верных руках. В случае смерти Алисова в Москве, что больше чем возможно в его лета и расстроенном здоровье, она будет неизбежно приписана жестокости, беспощадности Советской власти обрекший его

III

бессмысленно и бесполезно на мучительную гибель, положит на нее, в виду значения Алисова, как политического борца и писателя, неизгладимое пятно, огромно усилит распространение статьи; будет способствовать быстрому переводу ее на все языки...Если самодержавие, несмотря на сорока пяти летнюю беспощадную борьбу Алисова с ним, не покусилось на его жизнь, то согласитесь сами как же должна действовать власть называющая себя революционной, не может же она преследовать его за отсутствие в нем страха мысли, за свободу убеждений, глубочайшую искренность.»

Покровский и Гринберг зная, что у меня, при въезде в Москву, выкрали в трамвае все деньги взятые с собою и затем все очень ценные вещи оставленные в Москве, ввиду невозможности взять их в провинцию, у госпожи Каломейцевой, взяв в расчет мои лета, крайне расстроенное здоровье четырехлетним пребыванием в России, сорок пять лет проведенных в изгнании, невозможность в мои лета заработать на житье, провотировали

IV

мне пять тысяч латышских рублей, давших возможность в Риге дождаться разрешения на въезд во Францию.

М.Н. Покровский и З.Г. Гринберг в отношении меня обнаружили безграничную деликатность, глубочайшее сердечное участие. Ручаясь за меня, они ни разу не спросили какого я мнения о советской власти, может быть догадываясь, что я предпочту смерть лжи.

О Покровском служащие у него говорили мне не раз, что готов отдать за него жизнь, что он и Гринберг пользуются малейшей возможностью сделать добро, оказать трудную услугу, часто спасти от тюрьмы, смерти.

--------- П.Ф. Алисов

1

I глава

После сорокапятилетнего изгнания, пребывания в самых культурных странах Европы, я в конце сентября 17 года, через Атлантический и Ледовитый океаны, под непрерывной угрозой взрыва парохода немецкими подводными лодками, через Архангельск вернулся на родину.

Она обрушила на мои седины, невыносимо долгие испытания. В продолжении четырех лет я переживал сверхчеловеческие муки. Нервы не ныли, но стонали при виде быстрой гибели России, беспощадного крушения всех заветных идеалов. Серый покров смерти спускался над страною день за днем.

Фантастический, чудовищный рассказ Эдгара Поэ о падении земли на солнце с все растущим ужасом неминуемой гибели, свершался на яву.

Ничего не теряя, но колоссально наживая, Советская власть проделывала над темной

страной безумные, кровавые пробы. За истязателями, убийцами, ворами плелись слепые, невежественные массы, не имеющие представления о возможном и невозможном; о законах эволюции; о неумолимом возмездии; слепо доверяющие корыстному сумбуру, построенному на учении Маркса, не предвидящие поразительных сюрпризов завтрашнего дня.

Никто не догадывался, что очень скоро Советская власть окажет незабвенную услугу пролетариям всех стран, покажет им до боли ясно Карла Маркса на практике, явит миру крах неслыханный в Истории.

Не присох язык к гортани у осмеливающихся кричать: «пролетарии всех стран, соединяйтесь»...тогда как настоящий крик советской воровской души был: «Жулье всех стран, вся уголовщина, все желающие безнаказанно грабить, истязать, убивать, соединяйтесь!» Призыв пал на навозную почву, теплые ребята всех стран

откликнулись, соединились. Но в культурных странах были быстро приведены в порядок. На убийц, воров, истязателей оперлась Советская власть, благодаря им она тянется четыре года...Алексей Толстой, в своем ясновидении, как бы предчувствовал эту возможность, сказав что «вся Россия проворовалась.»

С неслыханною в истории наглостью «Калифы на час» взывали, что они завладевшие страною врасплох, страною в которой на сто человек восемьдесят пять вполне безграмотные, зачастую смешивающие республику и социализм с поматерным, опередили не только весь мир, но, благодаря Марксу, даже предполагаемых, по всем догадкам, радикальных жителей планеты Марса.

Нужно ли доказывать, что отпетые воры, решившие с помощью пулеметов и ружей разграбить всю страну, набить миллионами, бездонные карманы, не могли не прикрываться скрывающим безобразную наготу лопухом—Карлом Марксом... В последнее время, в культурной Франции редкий убийца, вор не заявлял на суд, возбуждая

всеобщий хохот, что он пламенный коммунист. Сам Азеф, прежде чем начать свое страшное дело, подыскал лазейку: «Я предавал, губил, имея ввиду, в конце концов взорвать все правительство.»

Ленин пошел в подлой наглости еще далее. Заявил: «Да я получал деньги от немцев, но я на эти деньги устрою у них революцию.» Другими словами: «Я не только предатель но и омерзительный лгунишка, хвастунишка.»

Начав грабить по всей линии все движимое они неизбежно чтобы подделаться к народу должны были ему позволить грабить недвижимое—землю.

В минуты отчаяния, на грани самоубийства, я спасал себя, твердя неустанно: «Верь и эта вера спасет тебя, что родина коснувшись омута позора, невероятных ужасов, претерпев неведомые миру испытанья—воспрянет из хаоса и муки при свете разума и ясности науки.»

Я твердил себе: «Ты должен довести до конца свою трагическую, скорбную миссию, лишний раз разоблачить советскую уголовщину, ты принадлежишь к самому высшему и самому грозному трибуналу, трибуналу мировой прессы. Стоящая вне сомнений искренность, сила не знающего страха слова, делают тебя достойным доблестного призванья... В муках и слезах

кровью изболевшегося сердца, соком измученных нервов, ты по мере сил восстановишь нарушенные нравственные законы, воскресишь умершую совесть, пробудишь в бездонно падшем рабе гражданское мужество, любовь к родине, святое, грозное сопротивление...Ты духовное возмездие!...»

Ужасающая картина преступлений зиждется на слышанном из первых уст, виданном собственными глазами. Все источники, ввиду моего прошлого, были для меня открыты начиная с Крестьян, рабочих, кончая комиссарами—на десять, восемь из них, втайне, ненавидят Советскую власть, служат ей чтобы не умереть с голоду.

В продолжении невыносимо тяжких для меня четырех лет, я глубоко наблюдал садистов, убийц, воров от Ростова до Москвы.

Моя статья не выйдет банальной; приехав в Ригу, я нарочно не прочел ни одной враждебной строки о большевиках, чтобы невольно не повторить чужое, если же мои краткие разоблачения совпадут

с сделанными ранее, это только подтвердит их правдивость.

II глава

Прежде чем приступить к картинам ужасов жизни, семи чашам ярости выплеснутым на человечество, под грозные трубные звуки, я должен предупредить, что ни тени личного не примешивается к моим правдивым описаниям. Во внимание к моему сорокапятилетнему изгнанию, борьбы с старым режимом, Советская власть ни разу не допустила, в отношении меня, ни малейшего насилия. Я писал в Москве в конце 17 года и почти до половины 18 очень резкие статьи против нее и она ни разу не вычеркнула из них, несмотря на цензуру о которой не смели мечтать Магницкий с компанией, ни одной строки. Я ни разу не испытывал от нее ни малейшей неприятности, если не считать величайшею для меня неприятностью существование Советской власти.

Я не остановлюсь на возникших, вскоре

после моего отъезда из Москвы в июне 18 года, чрезвычайках, превзошедших подымающие дыбом волосы утонченные истязания тайной инквизиции. Фотографии с трупов офицеров, с вырезанными лампасами, погонами на теле, с просверленными в живом мясе звездочками, перчатки из кожи содранной с распаренных рук—уже давно посланы за границу; невероятные вести облетели газеты всего мира. Полный сладострастия садизм стал для всех неоспоримым фактом.

Я глубоко верил и верю во всепобедную мировую эволюцию; в продолжении сорока пяти лет я добивался для моей родины строя ставшего уделом передовых стран...Кошмарное, кровавое безумие я наблюдал в Москве а в особенности в центральных губерниях, в провинции. Наблюдаемое в одной губернии, повторялось конечно, с небольшими вариантами, и в остальных. Трагедия разыгравшаяся на моих глазах, над людьми самыми близкими мне, по-видимому переросла трагедии других губерний.

По возможности, подавляя болезненное негодование, буду передавать все что видел, слышал, тщательно проверил.

Либералы, радикалы, социалисты, все выдающиеся писатели в самом начале возникновения Советской власти, с презрением, отвращением отвернулись от нее. Как люди развитые, они ясно почуяли когтистые лапы агентов провокаторов напущенных кайзером; сознали что в этой апологии истязательств, убийств, грабежей нет ничего идейного, искреннего.

Советская власть позволив народу захватывать чужую землю, разносить ненужные ей постройки, творить самосуды, имела ввиду, с своей стороны, разворовывание частной собственности, всей движимости. В скором времени, рассеянные всюду комиссары дошли до того, что рядом с разграблением великолепных экипажей, породистых лошадей, скота, мебели, платья, белья, золота, серебра, ценных вещей, принялись стаскивать, с револьвером в руках, с рук женщин не только драгоценные перстни,

но и обручальные кольца.

Они утысячерили все темное в старом режиме. Сотни тысяч отчаянных проходимцев, зачастую с уголовным прошлым, в короткий срок нажили сотни и сотни тысяч; стоящие во главе—миллионы.

Преступное правление быстро уничтожило не только Думу, но и Думы, земство, суды; не остановилось перед задушением всей независимой прессы. Ночные обыски, тюремные заточения, пытки, расстрелы, лютые преследования стали повседневными, банальными. Самые черные дни самодержавия стали многим казаться чуть не розовыми. Вчерашние рабы в душе, контрреволюционеры, вопя о свободе, яро преследовали настоящих революционеров. Мистификация, спекуляция, грабеж, как наглядный, безнаказанный пример, стали заражать выросшие на водке массы.

Не стану называть всех личностей, так как малейшая ошибка может опозорить неправильно обвиненного. Предоставляю старому приятелю Бурцеву, всегда

при обвинениях опирающемуся на неопровержимые данные, прикрутить к черному столбу корыстных палачей предавших, продавших, разоривших, чуть совсем не сгубивших злосчастную Россию.

Сотни тысяч землевладельцев, ни в чем неповинных, были сразу пущены по миру; сотни тысяч занимавших правительственные должности выброшены на улицу, и все это за ту состоятельность к которой так усердно стремятся рабочие и народные массы.

Во всех странах к лишению прав состояния присуждаются только тяжкие преступники. Владение вполне законно купленным имением, как бы велико оно не было, конечно нигде не считается тяжким преступлением.

Я автор «Христианство и Социализм» переведенного на многие языки, и в том числе на французский, понял колоссальное, прогрессирующее значение собственности, только тогда когда на разорение, гибель России она была разбойнически уничтожена. В настоящее время, коллективизм нивелирует человечество, сводит его на среднее, разменивает мир

на мелочь. Собственность спасает все гениальное, великое, сильное—мировую индивидуальность. Благодаря ей все большее и большее количество самых сильных людей прокладывает себе новые пути; устраивает жизнь по-своему.

Чудовищную тиранию диктатуры пролетариата с ее казарменным контролем, вечным заглядыванием в душу, мы созерцаем во всей красе—в кроваво кошмарном царении большевизма. В последние четыре года, углекислота стала российскою атмосферой; вся страна задыхается, как маленькие собачонки на дне собачьей пещеры в Неаполе.

Я горжусь предками декабристами; то были настоящие революционеры: аристократы, кавалергарды, миллионеры, они уничтожая крепостное право, монархию, мечтая свершить переворот с оружием в руках, знали превосходно, что в случае неудачи, они весь блеск, всю роскошь жизни меняют на долгую каторгу...

Варварство было вызвано ярыми науськиваниями,

пробуждением гиены в человеке, грубейшим извращением истории...Крепостное право, имевшее за собою шестидесятилетнюю давность, было всюду пущено в ход, давало полные права на поджоги, самосуды, убийства, грабежи...

Крестьяне имели такое же право, людей выросших после крепостного права, тянуть к ответственности, насколько последние—их самых за поголовное лютое зверство—Пугачевщины—Немезиды крепостного права. Само крепостное право было неумолимым законом исторического роста, со всеми его болезненными процессами, роковая переходная ступень через которую перешли почти все страны...Девизом Пугачева были «Земля и воля». Он не был—тварь продажная—но слепое орудие полных мести слепых сил...Его раздавили, привезли в клетке, четвертовали всенародно по главной площади Москвы, предали Анафеме...Народ спокойно созерцал пытку и казнь...Победила Екатерина, раздававшая землю, закрепившая крепостничество. Екатерина представляла рост России, в данный исторический момент роковую необходимость, прогресс. Пугачев—регресс, разложение России, хаос, анархию.

Христос и тысячи лет ранее его Будда не останавливаясь перед мученическим венцом изрекали: «Любите ближнего как самого себя, платите за зло—добром, древо не должно лишать тени Дровосека.» Проповедь шла своим чередом,

жизнь своим...Веки шли за веками, и люди продолжали без устали губить друг друга—частенько за добро платить злом...Нескончаемые войны в начале XX века увенчались мировым изуверством, истребленьем рода человеческого с помощью неслыханных до наших дней смертоносных орудий с неба и земли...кровавым безумием Советских банд; торжеством разбоя, грабежа.

И несмотря на видимые противоречия эволюция свершается—Путем величайших испытаний, страшного опыта, человечество до боли медленно завоевывает светлое будущее...Божественная мораль тихо, неотразимо все более и более охватывает людские сердца...

[*Глава*] III

Берлин создал советскую сумятицу в нем во всех подробностях была выработана программа ее будущих действий. Кайзер огромно заплатив иудушкам, отправил их в запломбированном вагоне предавать Россию.

Не нужно удивляться Брестскому миру, его подписали русские с вполне прусскими душами...Можно ли было на секунду предположить, что предатели, агенты провокаторы, пожалеют проданную им Россию? После подписания мира Кайзер послал в Москву своего посланника

Мирбаха, чтобы наблюдать за точным исполнением своих планов...Возможно ли допустить, что деспот до мозга костей, реакционер Вильгельм, признал бы Советскую черную банду, не будь он абсолютно уверен, что ее позорные представители его верные послушные агенты, рабы: Германское правительство никогда денег даром не давало, специальных охранных поездов для неумолимых врагов ее государственного строя не устраивало...

Я передам всю программу германских властей, сконцентрирую все их планы, веления...

Началась подлая спекуляция на народную темноту, безграмотность, но программа выполненная поздно, сгубив Россию, не спасла Германию—от полной и вполне заслуженной гибели...Кстати скажу, что после сорокапятилетнего изгнания, я со скорбью нашел неграмотное население России в том же плачевном умственном и нравственном состоянии, скорее оно опустилось, одичало...

Когда Советская банда, пользуясь отсутствием регулярного войска, укрепилась, начала с неутомимою жадностью набивать бездонные карманы, Германское правительство стало орудовать смело и быстро...Отправляя иудушек в запломбированном вагоне, оно твердило: «Растлевайте, с помощью митингов,

утомившуюся армию, внушайте ей, толкайте ее, чтобы она спешила бежать делить землю помещиков и состоятельных крестьян приобретших землю тяжким трудом и лишениями, разволакивать бессмысленно постройки помещиков, грабить и разбойничать вовсю; скажите ей темной невежественной, что на душу придется по двадцати десятин—всем нам знакомым с Россией известно, что поделив всю землю Азиатской и Европейской России, исключив тундры и песчаные пустыни, на человека вряд ли придется одна десятина...

«Науськивайте, направляйте солдат и матросов на их офицеров, пусть избивают, без высших чинов и офицеров, армия, флот—безопасное стадо...Нам не придется сражаться, но попросту избивать (взятие немцами Украины подтвердило блистательно их слова). На этом не останавливайтесь, затейте по всей России междоусобную резню, пробудите Каина. Навербуйте армию из отребья, грубых хамов, подкупайте беспардонной брехней сулящей всевозможные блага, большим жалованием, которое, благодаря бесконтрольному выпуску ваших бумажонок, станет микроскопным.

Дайте возможность красной армии всюду безнаказанно грабить, насильничать, надругиваться над безоружным населением...Этим путем Россия потеряет свою последнюю силу...Из всех партий беспощадней других преследуйте Кадетскую; она за союзников и способна создать в далеком будущем—свободный строй—настоящее правительство...

«Нам государственникам, людям строжайшего порядка, правителям культурной страны, омерзительны, так фривольно идущие на гнилого червячка—мечущиеся в потемках бунтари, не предвидящие завтрашнего дня; ребятишки в политике, полуумные в социализме, не имеющие представления о возможном и совсем невозможном...Но увы все это нам необходимо—«Германия выше всего, прежде всего...»

Украйну и всю южную Россию, после истощения междоусобной войной, нам придется отнять...Не скрываем что раз мы выйдем победителями, мы отдадим Украину—Австрии, для упрочения наших побед, ввиду полного ослабления России...

Доведите ненавистную нам анархию до

крайнего абсурда...Ломайте бесплодно на свою голову, наобум, зря, все вековые устои. Громоздите, со свойственным вам бахвальством, безумие на безумие, преступление на преступление. Загаживайте стены домов декретишками, которые бесследно сгибнут ранее чем бумага от непогоды...

В южной России, Украйне когда нам нужно будет мы живо и беспощадно истребим вас дикарей...

Возбуждайте всюду пожары, самосуды, убийства, грабежи, травите все состоятельное, всех богатых, разоряя их вы готовите полное обнищание России...Подло, разбойнически перекладывайте все ценное из карманов деловых, знающих, опытных людей, обогащавших страну в карманы хулиганов, пропойц, людишек с уголовным прошлым...

Бесконтрольным, абсолютно неумелым правлением, сводите рубль на десятитысячную долю прежней копейки. Остановите сумасшедшими ценами на труд, все коммерческие предприятия; запугивайте имущих, уничтожайте некогда очень ценные бумаги—мы скупим их за бесценок, и в свое время, когда ваш час пробьет, наживем миллионы...

Отказывайтесь,

как последние моты, воришки от государственных долгов; подымайте против себя все цивилизованные страны, они раздавят вас за долги...

«Преследуйте животворящую силу страны, ее мощь, светлое будущее—интеллигенцию, которая гибла в Сибири, крепостях-тюрьмах, на эшафоте за свободу родины...не предчувствуя вас расшатывала самодержавие...

Травите как тяжких, уголовных преступников—буржуазию, пользовавшуюся еще вчера почетом, создавшую бесчисленные благотворительные учреждения, громадно обогащавшую Россию.

Впоследствии, когда мы вполне овладеем движением, станем полновластительными, мы надоумим вас, если вы сами не догадаетесь грабить церкви, сдирать с икон золотые и серебряные ризы, тащить драгоценные камни, разворовывать богатейшие ризницы; в русских церквах даяниями верующих, в продолжении веков, собраны неисчислимые сокровища, а нам, разоренным в конец войной

нужны: золото, золото, еще золото, серебро, серебро!!...

Убивайте дикой, неслыханной цензурой—судом безграмотных, лихих товарищей—пролетариев, фантастическими штрафами независимую прессу, могущую разоблачить все наши козни, тайные замыслы, закулисную деятельность, обнаружить ваше предательство, продажность.

Распоряжайтесь как разбойники в темном лесу, имуществом сотен тысяч землевладельцев; отбирайте с револьвером в руках все движимое, после мы постараемся все вернуть, покараем воришек; возбудим всеобщую признательность. Чтобы скрыть следы, нам надо орудовать на два фронта... Во время полного обесценения земля, в дни всеобщей паники, мы тайно скупим в самом сердце России, за бесценок, самые крупные имения, укрепимся в них как в маленьких крепостях...

Доведите всеобщие разворовывания, разорения, разгромы, взяточничество, кровавую сумятицу до размеров гиперболических, чтобы самые ярые патриоты

начали молить нас водворить порядок, уверенность в завтрашнем дне...Увидели в нас спасителей, возрождающих страну, встречали с цветами...

Не забывайте и мелочей, стащите гордо высящегося с саблею наголо, на коне на главной площади Москвы, легендарного, неумолимого врага нашего: Скобелева. Он слишком назойливо напоминает русским о чести, героизме, горячей любви к родине. Чем более советская власть будет губить Россию, набивать денно и нощно свой бездонный карман тем менее Россия будет нам сопротивляться. Предательством, изменою союзникам закрепите презрение к настоящей, неповинной стране, терпящей вас...Главное убейте кредит, без которого война с вашей стороны немыслима...

Раскройте настежь Россию для нас одних...Заставляйте слепо исполнять все наши веления. Раз рассыпанные по всей России верные наши агенты, изучившие психику страны, свершат все нужное, мы двинем к вам весь избыток коммерческих сил. Заставим

подписать торговый трактат неведомый до наших дней...В разложившейся, неспособной сопротивляться стране, мы учредим вместо смехотворной диктатуры спившегося, одуревшего, зазнавшегося до сумасшествия пролетариата: прусскую диктатуру Гогенцоллерна...Мы учредим всюду наши банки, фабрики, заставим работать на них ваших избаловавшихся рабочих по очень дешевой цене...Нам нужны не одни колонии, они впереди; необходимо немедленное обогащение, мы в конец истощены нашими победами...

Необъятная Россия станет для нас Эльдорадо: мы воскресим мифологию—золотое руно...Разработаем все, что не умела разработать она сама...В недрах ее скрыты—неистощимые сокровища...Мы приучим порабощенных нами, крайне отсталых, грубо невежественных соседей ко строгому порядку, к умению соображать, понимать что можно и чего нельзя...

«Мы сузим, мирим, выросший на алкоголизме взбалмошный нелепый темперамент, отучим от карикатурных так называемых революционных мечтаний.

Мы передадим им «мальчикам без штанов» внешнюю культуру...Приучим к мылу, соскребем с них вшей, подстрижем непозволительно-разросшиеся бороды...Приучим сморкаться не пальцами а в платок...Взяв в расчет колоссальное население—мы на одних платках их дешевого коленкора наживем миллионы....

Мы быстро отучим их, прибегнув к суровым мерам, от омерзительной, двадцати пяти этажной ругани, позорящей публично, родивших их в муках и слезах матерей...Мы превратим их жилища в человеческие...Водворим в городах чистоту. До настоящей культуры они не доросли; они дикари, варвары; при первом ослаблении железной руки, способные перерезать друг другу горло, все бессмысленно разграбить...

Благодаря крайнему невежеству, они не рассуждая верят самым наглым брехунам мстящим им...Их рост должен свершаться очень медленно, но и он нам не нужен...При быстром развитии они не будут вполне послушны, и как следует

ценить наше благотворное, отрезвляющее влияние...В случае же неповиновения, дерзновений, мы прибегнем к чисто русским дивно действующим мерам, не исключая плетей и розог, что русскому очень поучительно, здорово, то немцу—смерть...

«Нам стало тесно, душно в родной стране, мы не плодимся но в некотором роде—мечем икру, для будущих покорений под нози всего мира нам это нужно...Благодаря этому, мы должны переселить крупную часть населения...Полное разложение армии, патриотизма, сделают нас владыками России...

«Если наш режим устоит и после войны—не водворятся, замышляемые нашими врагами, независимые народности, не восторжествуют Соединенные Штаты Европы, мы постараемся устроить в России режим вполне Вильгельмовский, на юнкерской крепкой подкладке без износу, очень приятный, необходимый нам...Мы установим династию без возможного, рискованного повторения Распутиньяды, покорную нам во всем, угадывающую наши желания, часто не подлежащие оглашенью.»

Планы и веления Кайзера и военной

партии, изложенные мною, блистательно подтверждены чуть не пятилетним игом диктатуры Вечека.

Презрение, ненависть к России, обуревавшие всегда немецкое правительство, далее идти не могли...

Со скорбью должен сказать, что страна в первые же месяцы не сознавшая, что власть захватчиков не более как верная исполнительница Кайзеровских предначертаний, хорошо оплаченных, страна выдерживающая ее чуть ли не пять лет, без поголовного восстания, несмотря на таких ужасающих побудителей как неслыханные: голод, холод, нагота, эпидемии, междоусобная нескончаемая резня, истязания, расстрелы, заслуживает крайнее презрение.

Германские агенты, с немецкою точностью, выполнили все замысли Кайзера и военной партии, насытили месть—за вмешательство в войну...Что не удалось им в культурных странах, то вполне удалось в стране безграмотной, не темной но черной, про которую великий знаток народа сказал

давно: «что она вся проворовалась.» Эта повальная склонность к разворовыванию сказалась—вполне. Благодаря ей большевистская афера удалась, длится чуть не пять лет.

Большевики день за днем, сознательно и бессознательно, становились все более и более пешками ловких немецких агентов; их когти захватывали мертвой хваткой направляя преступных захватчиков на путь безумий, преступлений, другими словами по истечении в них надобности, уготовляя им гибель...

Когда я наблюдал идеализируемых нашими лучшими писателями идиллических поселян, крестящихся на все церкви, хорошо знакомых с божественною заповедью «не укради!» растаскивающих чужое добро и крепко отстаивающих накраденное, я говорил себе: Шесть лет назад такое зазорное поведение кончилось бы довольно продолжительной тюрьмой.

Когда не веря собственным глазам, видел комиссаров развалившихся в ворованных экипажах, на ворованных рысаках, в ворованном

блестящем костюме с кратковременными женами с драгоценными перстнями на грязных пальцах, стащенных с револьвером в руках, с рук состоятельных женщин; видел их квартиры с награбленною роскошною мебелью, я думал: шесть лет назад такие эффектные поездки, такая меблировка, весь нетрудно доставшийся комфорт увенчались бы неизбежно—комфортом арестантских рот. Как все изменчиво под солнцем и луною...Я не раз спрашивал себя: я ли сошел с ума, и это только кажется мне или вся моя опередившая благодаря Марксу весь великий мир незабвенная родина, как страна необычайных неожиданностей, переживает от перепоя—злостную белую горячку...

О Боги! Как так называемая большевистская сумятица—остроумна!!

Меня интересовало почему помещики и вообще землевладельцы не имеют права, не быв монстрами, владеть законнейшим образом приобретенным имуществом, тогда как высший персонал «ареопаг остервенелый» столбы и бревна коммунизма, все комиссары могут спокойно, игриво, владеть уворованною с оружием в руках у тех же помещиков и землевладельцев, очень ценную движимость, и почему такое повсеместное

27

загребание считается отрицанием собственности—«все мое мое и все твое мое.»

С покон веков были теплые ребята, с ножом в руках, по ногам в лесах, отрицавшие собственность, но они за это обыкновенно попадали в каторжные работы, а в старое время их пороли плетьми...Диктатуру пролетариата с поощрителем Карлом Марксом они бедняки не предчувствовали, никаким лопухом, бурьяном, чертополохом социалистическим срамной наготы своей не прикрывали.

Почему пребывание во дворце царя и свиты возбуждало негодование, а пребывание в том же дворце в Кремле, конечно предварительно разграбленном и в высшей степени запакощенном, капиталиста благодаря щедрым даяниям Кайзера—Ильича Ленина должно возбуждать интернациональный пролетаро-диктаторский восторг? Почему охрана царских поездов

28

многочисленными тайными агентами считалось чуть не преступлением, а беспрестанное шарканье безумно зазнавшихся вшей по всем железным дорогам, в тех же царских вагонах, с охраною неизмеримо превосходящей царскую, должно возбуждать умиление, трепетный восторг, как последнее радостное, теплое словечко—ликующей диктатуры пролетариата плюс Вечека??

Почему проход в Кремль при царском режиме во время пребывания там царской семьи, несмотря на покушения, не представлял ни малейших затруднений? Тогда как теперь вход в советское святилище, в котором витают провозвестники земного рая, требует солидного количества удостоверений, позволений, соизволений, закреплений, снисхождений, и у врат Кремля, охраняя древне восточных величеств, денно и нощно дежурит многочисленная вооруженная до затылка стража преисполненная водки и беспредметной ярости, аки лев рыкающая, готовая искалечить входящих. Почему при самодержавии получение заграничного

29

пачпорта, для неслужащих требовало час или два времени, тогда как при удалом разгуле всех свобод, которым якобы завидуют не только вся планета, но и по слухам из советских источников весь млечный путь и даже туманные пятна, требует год или два неимоверных блужданий, по неисчислимым канцеляриям, служащие которых не отличаются буржуазною элегантностью и ввиду нежелания терять драгоценного времени,

ограничиваются свирепым рявканьем, в случае же ответов упоминанием всуе маменьки...Мыканья конечно требуют истрепания нескольких пар сапог, пара которых в разгаре блистательного состояния Советских финансов обходится в 22 году в двести миллионов рублей...

Люди могущие получить пачпорт представляют крайнее меньшинство, большинство получает резкий отказ, нередко с угрозами расстрела.

Приходится с риском жизни и тратой десятков миллионов, тайком переправляться через границу...

30

Странная вещь, в самые тяжкие времена самодержавия, эмиграция не превосходила нескольких тысяч, в период блаженств не только христианского но и мусульманского с гуриями рая, эмиграция дошла до нескольких миллионов и почти все части света стали ее приютом...

После гибели Александра II от бомбы Гриневицкого Александру III не снилось в порыве мести, затерзывать, убивать десятки тысяч людей виновных только в том, что они не вполне сочувствуют самодержавию; но когда великая девушка полная святого негодования, возмущенная неисчислимыми преступленьями Ильича, ранила его, диктатура пролетариата, другими словами сонм архангелов сошедших на землю специально для водворения Эдема, запытала, расстреляла тысячи людей, вопя что за одну каплю сифилитического гноя Ильича она прольет реки крови...

Подумать омерзительно, до чего должна выродиться, отупеть, пасть страна, допустившая всю эту лютость, из-за прусского агента провокатора, подрядившегося за крупную сумму пакостить России, умудрившегося с помощью всевозможных каторжников в четыре года

31

разграбить, опустошить, заморить голодом, холодом всю Россию.

Неужели всеми забыто, что огромные массы искалеченных войною встретили явившегося в запломбированном прусском вагоне Ильича криками: «Вон провокатор, предатель, ступай в Пруссию мерзавец!»

Иуда, охваченный раскаянием, с гневом бросил серебряники и повесился на осине, которая дрожит без ветра, по мнению народному, от ужаса, что на ней удавился предавший Христа.

Нашим иудушкам чуждо раскаяние, они увы не удавливаются, но продолжают грабить, грабить, затерзывать, затерзывать, убивать, убивать...

Их удавит разгневанная страна, раз она не сошла на века с исторической сцены.

В самые ужасные дни реакции, в разгаре покушений, после самой гибели Александра II, пытка в самых исключительных случаях только предполагалась, но никогда не становилась неоспоримым фактом, тогда как под

32

кущами райских садов, в столицах и во всех российских городах подвалы Вечека переполнялись трупами, с отрезанными ногами, руками, детородными членами, выколоченными глазами, с гвоздями в черепе, распятыми...в Харькове мне говорили, что детородные члены с особенным смакованием отрезали садистки Вечека.

Что уж касается до казней, то можно смело сказать, что самодержавие с водворения дома Романовых за триста лет не сгубило столько вполне невинных, сколько сгубила небесная Вечека за четыре года.

Россия коснулась дна позора, но мы верим что не сгибла...В истории зло, с нашей близкой точки, может сделаться добром предохраняющим от новых ужасных ударов жизни...В истории все доброе, справедливое, трудно достается, жертв искупительных просит...

Злосчастная Россия выдержала на аттестат зрелости. Этот опыт, как не безумен и ужасен, нам нужно было пережить, иначе мы политически крайне неразвитые, огромно отставшие, продолжали бы тешить себя жалкими иллюзиями, что такие попытки могут удасться, что кто взял палку тот и капрал;

что революция приведет к торжеству свободы, права, справедливости, ко всеобщему братству; что мы быстро двинемся вперед, а не отступим на триста лет назад, превзойдем по разбоям, грабежам Смутное время...

Мы в XX веке свершили неслыханную миссию, отвратили весь мир от советских Карл Марксовских проб, показали какое хулиганье они выпускают на балаганную сцену...

Я ни капли не удивлюсь, если неожиданно окажется, что продажные немецкие провокаторы, став во главе темной захваченной врасплох России, выполнили с точностью план Вильгельма и всех реакционеров Германии—довели Маркса до неслыханного абсурда; вышутили коммунистическую—так называемую—революцию; возбудили к ней всеобщее омерзение.

Прозорливый Бисмарк предсказывал этот крах в своей борьбе с социалистами.

Знакомый с законами мировой эволюции, я друзьям в Париже прочел статью «Мировая война», в которой предсказал несмотря на иерихонские трубы гремевшие о победах Германии, ее неизбежную гибель, с тою же точностью, как в русско-

японскую—в интервью с Леоном Фаро [*Léon Faraut*]—разгром России, без одного выигранного сражения, гибель флота, пролог революции, созвание Думы. Газеты почти всей Европы перепечатали интервью...В статье прочитанной в Париже, я писал: «Германия отрицающая всечеловеческую мораль, другими словами—добро, справедливость, прогресс—задавшаяся в XX веке средневековыми планами мирового владычества и порабощения, обречена на гибель—заливая мир кровью, она сама захлебнется в крови. Настоящая война: «смертью попрала смерть». Военные государства имея в виду военное могущество, сплачивающие под свое тираническое иго чуждые народности, сходят со сцены. Начинается всюду новая жизнь достойная XX века. Создаются независимые народности с демократическим строем, на началах мировой солидарности. Наука открытиями ужасающих орудий истребления похоронила войну. Повторись она и окрыленные люди, с высот небесных затмевая небо боевыми аэропланами с всеразрушающими, сжигающими, метущими жизнь снарядами

оголят землю, превзойдут семь смертных чаш Апокалипсиса с трубными звуками ангелов смерти. Вряд ли будущее свободное человечество будет расположено подвернуться такой участи. Вильгельм произнес: «Если бы на сто шансов у меня был один что я не кончу моих побед над всем миром в три месяца, я бы ее не начал!» Но таинственные, неведомые силы продлили ее на пять лет. В 70 году Германия, движимая идеей объединения, победила монархическую Францию, но став победительницей, она стала тихонько готовиться быть

побежденной—несмотря на взятые миллиарды, рост изощренной военной организации, Крупповские заводы, ядовитые микробы стали быстро размножаться в государственном организме; Германия пошла по пути одичания...Шиллер, Гете, Лессинг, Гейне, Берне и прочие гуманисты были забыты. С кафедр не только университетов, но и церквей стали раздаваться кощунственные, анти-человеческие, ненавистнические речи...

Альтруистические стремления сменились животно эгоистическими. Германия, в продолжении сорока лет, теряла масштаб измерения, переставала понимать психологию окружающих стран, психологию войны. Бумажные выкладки кабинетной рутины стали заслонять живую жизнь, полную чрезвычайных сюрпризов, неисчислимых осложнений. Злая, слепая сила вступила в тщетную борьбу с идеалами мировой эволюции. Демократическая республика победила Гогенцоллеровскую монархию.

Предсказать с точностью, опираясь на закон эволюции, разгром России—Японией и Германии союзными войсками, конечно было труднее чем предсказать позорную, трагическую гибель Советской анархии построенной на лютых поголовных истязаниях, убийствах, грабежах, опустошениях страны, у которой в тылу на сто человек—девяносто замаскированных врагов с ножом за пазухой. Все скопленное Россией за сто лет: сожжено, разграблено в четыре года. С первого уже года Советская власть стала запутываться, разлагаться, ее положение

ухудшаться не по месяцам, но дням. Тьма, кровь и грязь—ее сущность и она потонет в них. Расправа будет такая же ужасная как она сама.

IV глава

Я был свидетелем завоевания Москвы Советскою властью. Завоевать было не трудно. Она имела пулеметы, снаряды. Защищавшие столицу вооружены были более всего благородным негодованием, ужасом за гибель России. Все проделанное в Петрограде заставляло самых недальновидных догадываться что, во славу Кайзера, затевают его ловкие провокаторы.

После победы над безоружными энтузиастами, стало выступать все резче, резче мстящее немецкое правительство. Его Азефы стали во главе движения и восторжествовали по всей линии. Шекспировская трагедия начала перепутываться с ругательствами по матерному, порнографическими рисунками отхожих мест.

Мучительные испытания приготовила

мне родина. Я пережил бойню—брат шел на брата. Шесть дней и ночей Москва—сердце России—истекала кровью. Полный скорби, стыда, страха за будущее, я обошел места, где с хвастливою ложью на устах, холодною свирепостью прошли Каины. Они, денно и нощно работающие на Вильгельма, галлюцинировали—реакцией, контр-революцией.

Я прошел по свежим следам преступлений; на многих улицах бесчисленные дыры в зеркальных стеклах окон, они не только могли стать, но стали зияющими ранами в телах захваченных в врасплох.

Разбитые стекла заграждали путь на тротуарах, и эти разбитые стекла—разбили жизнь многим и многим семействам, они грозили недугами, бесчисленными страданиями, смертью тысячам людей. Стекла не могли вставить в продолжении многих дней, холодный, холодный ноябрь помогал, пронзительною стужей, губить

невинных...На Тверском бульваре громадный дом—дворец с сотнею роскошно меблированных квартир был сожжен. А на фронте,

под аккомпанемент московских пушек и пулеметов, шли интернациональные выцеловывания, национальное самоуничтожение, предательство союзников, продажа России за немецкую водку.

Величавые, возбуждавшие восторг иностранцев, стены Кремля, чудные храмы, святыня бедного народа—Иверская часовня с неугасимыми лампадами, осквернены были пулями...В одном месте народ с ужасом останавливался перед образом Спасителя, пронзенным в сердце пулею. И как увенчание бессмысленных злодейств—декреты, написанные самодержавным стилем, призывали к кровавой расправе с «буржуями».

Рядом с выкликиваниями о свободе в июле 18 года была в конец, неслыханным в Истории образом, задушена вся независимая пресса. Разбойнически было заявлено, что одна безграмотная диктатура пролетариата имеет право на печатное слово и свободную речь; другими словами—врать без опровержений. Самая громадная типография Сытина выпускавшая

передовой журнал «Русское слово» в миллион экземпляров была разграблена с оружием в руках. Жалкие людишки забыли, что нельзя убить прессы не убив себя—свое будущее. Убитая пресса конечно не задремлет, все запомнит и когда час пробьет—сведет страшные счеты, разоблачит уголовщину. Они не предвидели, что газетишки диктаторов пролетариев с бесталанными, продажными писаками возбудят всеобщее презрение, и что им никто не будет верить.

Приказы сменялись приказами, декреты декретами; они наклеивались с ошеломляющею быстротою на всех стенах, грозили тюрьмой, расстрелами за малейшее непослушание.

Бумаженки в один присест уничтожали все законы страны; суды подтасовывались кучками сочувствующих лихих товарищей. Все полеты взбаламученной анархии вызывали ядовитые насмешки, ослепительные каламбуры и поголовное презрение. Сумасшедший

дом не мог породить более негодного вздора. Через год, в центральной губернии, я не раз слышал, как крестьяне, подгоняя истощенную клячу, часто коростовую, понукали ее словами: «Ну, ну, двигайся декретишка...»

На что считали способными большевиков, можно судить по следующему: кухарка хозяев у которых я жил, редкая мегера, явилась ликующая со словами: «Вышел декрет чтобы все богатые вдовцы и холостяки тотчас же женились на своих кухарках, иначе Петропавловская Крепость.» Я любезно ответил: «Вы забываете что есть кухарки до того обворожительные лицом и характером, что многие вдовцы и холостяки предпочтут мучительно зачахнуть в Петропавловской Крепости, даже в Алексеевском равелине, чем жениться на них.» Мегера вылетела как бомба.

Слухи о другом декрете ясно показали, что Советскую власть считают огромною кучею феноменальных идиотов. Декрет будто бы

гласил, что все жены должны быть общими, безобразные должны стать в привилегированное положение ввиду вознаграждения за промах злорадной природы, девушки же должны сильно спешить потерять—столь ценимую реакционными «буржуями»--невинность, по истечении известного срока—вопрос будет решен—взломом, поручено будет комиссарам.

Неведомая до наших дней неспособность к управлению вырисовывалась до боли резко: чтобы получить ничтожные деньги из банка, приходилось мыкаться по целым неделям по разным канцеляриям; платеж для всей Москвы—из десятков банков, сократился на одном. Зимой около него мерзли тысячи людей, зачастую десятки часов ожидая в очереди; иные чтобы захватить первые места, являлись в два, три часа ночи...

Бесконтрольность привела неизбежно к неимоверно быстрому разграблению страны. Приказ повелевал все ценные бумаги рвать, так как долги иностранные и внутренние подлежат уничтожению. Обесценение рубля шло не по месяцам, но дням.

43

Разжалования и пожалования принимали такой характер, что могли бы восхитить самого помешанного Павла I. Пожалование прапорщика Крыленко в главнокомандующие, хотя и было на руку Германии, возбудило гомерический хохот.

Все выдающиеся революционные писатели, изучившие прошлые революции и социализм с его последовательною борьбой, отшатнулись от сознательно и бессознательно работающих на Вильгельма. Лидер социал-демократов—Плеханов—доведенный их неустанными преследованиями до преждевременной смерти, передал мне через П. Кропоткина, что «это простое жулье».

Неповинные в невежестве, до смешного податливые на непроходимый вздор массы проверили в первые месяцы в успехе Советской власти, рассылавшей приказы всем народам мира устраивать революция в большевистском вкусе, водворять социализм вполне Советский. Россия прямехонько из-под Распутина, еле, еле выпутавшаяся из бесконечно долгой деспотии,

44

хотела устроить то, что не входило в планы самым передовым странам, имеющим возможность творить самые смелые, отчаянные пробы.

Ломало нас, мудрило над нами зачастую самодержавие, и в тысячи раз более безобразно, бесплодно, гибельно пустилась безобразничать над нами прусско-советская гогенцоллернская власть.

Мои статьи были очень и очень резки против самодержавия, но пиши я их теперь—они носили бы трогательный характер; каторга царских времен может теперь показаться тихим лоном природы, дачным отдыхом.

Переговоры о мире долженствовавшие вестись между народами, неожиданно съехали на прусского генерала в звездах; при слове «император» он грозно повелел всем нашим представителям величайшего освобождения, соединителям всех пролетариев планеты встать...Прохвостишки вскочили и вытянули руки по швам. Император всей Германии, главнокомандующий всех дерущихся армий

45

Вильгельм и главнокомандующий всех целующихся и выпивающих немецкую водку, русских товарищеских армий—Крыленко, можно сказать выступили на всемирную сцену...О Боги! Комизм действительности часто далеко затмевает комизм самой знойной восточной фантазии.

Исполинская арена где народы, чуть не всей вселенной, протягивая друг другу руки, должны были покорнейше просить большевиков дать им скрижали интернационального откровения, если не под аккомпанемент громов Синая, то в всяком случае под гул немецких пушек съехала к ярмарочному балагану, подмосткам шарлатана, дергающего заранее вложенные в рот зубы...

Великая французская революция стала служить в своих ошибках образцом для Вильгельмовской революции XX века. Игнорировался феодальный строй, клерикальная тирания, отчасти объясняющая ее эксцессы. Забывалась карающая историческая Немезида—в частной жизни и жизни народов восстановляющая нарушенный нравственный

закон. Неумолимо вытекающая из поступков, она вечно учила народы, правительства, частных людей быть добрыми, справедливыми. Для Франции она, как возмездие за все жестокости революции, выпустила на сцену беспощадных мстителей избивавших террористов. Самые ярые из них кончили гильотиной, а Марат—карающим кинжалом Шарлотты Кордей. Она воплотилась в лице грозного деспота сковавшего ее своими изумительными победами, и в реставрации монархии, продлившейся более семидесяти лет. Вожди революции глубоко верили, что спасают, обновляют старый мир, и они обновили его, озонировали сгущенную рабством атмосферу. Они были великие идеалисты, честные люди, не получали постыдных, преступных денег от врагов; им можно было доверять; горячие патриоты, они создали быстро непобедимую армию. Подражатели внешнего не вникли в психику масс, ее способность перерождения, преображения. Народ рукоплескавший казни Людовика XVI, Марии Антуанетты

и сотен аристократов, незаметно перешел от пылкого республиканизма к культу Императора, культа богини Разума к огромному усиленью католицизма. Вспомните переправу через Березину, когда взор Наполеона случайно падал на тонущего солдата: он гиб с улыбкою блаженства...Вспомните «двух гренадеров» Гейне. Они забыли главное, что эксцессы великой революции смягчаются тем, что они были свершены сто тридцать лет назад, когда царили всюду пытки.

Советская власть собрала пышную жатву на кровавой ниве. Народная мудрость гласит: «Убийцы, воры—плохие счетчики», прибавим, чем гаже, подлее, злее человек, тем он глупее и нерасчетливее, так как не предвидит последствий своих поступков. Советская власть трескучими митингами растлила армию, уничтожила дисциплину. Повинуясь немецким провокаторам, она плохо рассчитала, когда ей пришлось защищать пулеметами, штыками навязанное иго, она, несмотря на платимые огромные деньги, не могла вернуть

Дисциплину, без которой армия немыслима. Она науськивала на офицеров, и они истязуемые, преследуемые, при первой возможности переходили в лагерь неумолимых врагов.

Возведя прапорщика в главнокомандующие и первых встречных, безграмотных солдат в командиры, она потешала своих врагов, играла им в руку.

Она зверски, нелепо преследовала интеллигенцию и водворила, благодаря всеобщему невежеству, сумбурный хаос декретов от которых несло домом умалишенных; бумага все терпела, но терпя все исчезала, исчезала, а канцелярщина росла, росла.

Она гнала состоятельных людей, и грабила, набивала свои бездонные карманы. Людей опытных, вооруженных знанием дела, пользующихся огромным кредитом, заменила не признающими собственность, следовательно и кредит, своими теплыми ребятами. Фабрики стали закрываться; всюду стали орудовать пропойцы, спускавшие легко добытые деньги по кофейням и притонам распутства.

Она ограбила землевладельцев, пустила по миру миллионы невинных людей; нагло, с издевками не жертвуя копейки из своего кармана, распоряжалась чужим добром, но ничего не выиграла когда, ввиду все растущих и растущих непомерным трат, пришлось поголовно обирать крестьян, оказалось все необходимое и хлеб так тщательно спрятанными, что ей чаще всего не удавалось ничего разыскать. Движимая низкой хитростью, она стала дутыми обещаниями, привилегиями навязывать коммуну с общими амбарами, но народ быстро догадался в чем дело: общие амбары было так легко вычистить с ружьями в руках; афера не удалась! Привилегия безнаказанного грабежа—данная коммунистам—ожесточила народ: он твердо решил, при перемене строя, всех их беспощадно истребить. Им на подмогу явился Махно, резавший нещадно комиссаров, коммунистов, и за три года партизанской войны его не удалось победить армиям превозносимым Советскою властью. В период контрибуций

набив карманы миллионами николаевских денег и керенками, она чтобы не сбить с них цену, начала без меры выпускать свой навоз—на нем фигурировали молот, серп, выходило читая обратно: престолом...Народ оказался умнее, хитрее советской власти—понял финансовую операцию, не стал принимать навоз. В начале 21 года дошло до того, что комиссары предлагали миллион за коростовую лошаденку, но народ прятал ее, не продавал.

Советская власть, ввиду своих интересов, желая расположить народ, разрешила грабить чужую землю, разбирать постройки помещиков, но народ заметив что львиную долю чужого имущества она забирала себе, стал скоро видеть в ней простых разбойников, воров, понял что ее программа с покон века практиковалась по лесам с ножом в руках. Опыт грабежей на Украйне скоро убедил даже темный люд, что самовольно захваченная чужая собственность, при водворении настоящего правительства

будет восстановлена, что советская власть гниет и с головы и с сердца, не имеет завтрашнего дня, что ее ждет неминуемая, ужасающая расправа. Сознав, он возненавидел ее, стал трепетно ждать скорого освобождения.

Многим начала приходить зловещая мысль, часто поверяемая мне, что не будь сотни и сотни тысяч землевладельцев уверены что бред белой горячки долго длиться не может, они пущенные сразу, ни за что, со своими семьями по миру, движимые отчаянием давно бы страшно отомстили крестьянам: составив бесчисленные шайки спалили бы всю крестьянскую Россию с ее хатами с соломенными крышами. В последний год моего пребыванья в деревне народ всюду твердил что если Советская власть еще продлится, свершится величайшая в мире катастрофа, хуже самого голода несущего муки и смерть десяткам миллионов людей.

Когда один брехун стал спрашивать собравшийся народ: «Скажите где это было, чтобы давали по городам даром квартиру

и еду?» один из слушателей ответил: «На Сахалине, на каторге, но только разница что хлеба там давали больше и хорошего.»

Но в 21 году все это кончилось, комнаты, пища дошли до цен невероятных, превосходящих самое знойное воображение. Заказное письмо пришедшее ко мне из России в Париж обошлось в пятьдесят тысяч рублей, */в 23 г в миллион.../* [*добавлено карандашом]*

Наделение семью саженями земли, вместо двадцати пяти десятин на душу, неслыханное обложение земли, нескончаемые поборы хлебом, скотом, обыски с оружием в руках в глухую ночь, отбирание холстов, материй, ценных вещей, голод, холод, нагота, цены повысившиеся с рубля—до [десятков и сотен тысяч] *сотен тысяч миллионов* [*исправлено карандашом*], нестоящих гроша денег, не прекращающиеся, косящие голодный люд эпидемии, мобилизации стали доводить народ до белого каления, он начал бредить радикальным переворотом: по деревням имя будущего царя Михаила стало выступать на первый план. Из библии и Евангелия отыскивались пророчества.

Забыв не только свою честь—ее никогда не было, она считалась «буржуйским» предрассудком, чувством контр-революционным ведущим прямехонько в застенок Вечека—но и честь родины, Советская власть предала союзников, в слепоте думая, что Германия очистив наш фронт выйдет победительницей и щедро вознаградит ее, будет помогать снарядами, солдатами против ее внутренних врагов, но беспощадная историческая немезида сурово покарала предателей. Союзники поставив цели вполне достойные XX века раздавили замышлявшую поработить мир Германию и стали помогать бесчисленным врагам Советской власти.

Сами немцы гораздо ранее изменили, позорно выгнали большевиков из Украйны, беспощадно расстреливая не успевших бежать, и конечно задумывали по миновании надобности в большевиках сделать тоже самое с остальной Россией. Германия долго обходиться без России конечно не могла, ее ожидало полное разорение.

V глава

Советская власть решила, ввиду обязательного атеизма для ее армии, убитых при осаде Москвы похоронить без обрядов. Их зарыли около стен Кремля. Московские обыватели созерцая несложную процедуру всюду говорили: «Похоронили как собак...собакам собачья смерть!» Забывалось, что многие из этих несчастных вышедших из крестьянской среды верили в жупел, перспектива «собачьих» похорон раскрывала перед их духовными очами картины вечных адских мучений...

Похороны защищавших сердце России носили грандиозный характер. Их гробы увитые зеленью, провожала вся Москва. Она одна могла устроить такие величавые, глубоко трогательные похороны. Когда все гробы были выстроены, грянул первый удар исполинского колокола в двенадцать тысяч пудов, от этого первого удара задрожала вокруг земля, за ним стали звонить колокола бесчисленных московских церквей, по временам прерываемые

гармоническим перезвоном серебряным колокольчиков. Под торжественный гул колоколов, двинулась огромная процессия. Впереди шел митрополит, за ним архиереи в митрах усыпанных драгоценными камнями, сотни священников, диаконов в сверкающих на солнце золотых ризах; развевались шитые золотом знамена, хоругви, а за ними следовали десятки чудных церковных хоров, пенью ангелов вторили серебряные колокольчики. Огромные толпы заполнили улицы; женщины, девушки со слезами падали на колени...Они провожали своих безвременно погибших отцов, братьев, героев спасавших Россию от гибели.

Товарищи большевики благоразумно удалились, так как провокация с их стороны могла кончиться до ужаса трагично: красных опричников разорвали бы на части.

Расскажу два характерных эпизода: свидетелем первого была большая опера переполненная публикой...В царскую ложу вошли несколько стоящих у Кормила; физиономии

были грубые, наглые, потерявшие давно способность конфузиться—даже при получении публичных оплеух; они нахально стали озирать публику. Весь театр приподнялся, раздались крики: «Вон истязатели. Вон убийцы, воры! Зазнавшиеся хамы! Вчера пускали в штаны при встрече с жандармом; к дворцовому лакею не смели без реверансов подходить, а теперь разыгрывают самодержцев!» Две стоптанные, рванные калоши полетели в ложу.

Другой разыгрался в одном из популярных театров. Желая возбудить всеобщий смех и презрение, большевики выпустили на сцену старого полицейского в безукоризненной форме...Но увы, времена переменились: весь театр стал аплодировать. Это было в восемнадцатом году, когда еще не расстреливали тысяч невинных и в застенках Вечека не сдирали кожу в виде лампасов с ног офицеров, не зарывали живых в землю, не распинали, пока ограничивались только

подлыми издевками, травлями: рванием в публичных местах, с плеч офицеров—погоны; рвание кончилось трагедией; в художественном театре шла драма, в одном месте которой издеваются над офицером, в ложе раздался выстрел: себя убил офицер, истерзанная душа не выдержала напоминания, заныли старые раны...

Рвание погонов не всегда сходило безнаказанно. В трамвай вошел офицер с погонами. Сидевший против вскочил с криком: «Долой погоны!» Вытащив перочинный ножик, он срезал их. Офицер, сильно побледневший, приподнялся, взял за ухо срезывателя, вынул револьвер, приставил к его лбу со словами: «Вытаскивай тотчас бумажник, иначе я прихлопну тебя на месте.» Негодяй, трясясь, вытащил. Офицер вынул из него толстую пачку николаевских сторублевок и отчеканивая произнес: «Подлая дрянь, ты с кучей мерзавцев во главе—большинство которых из трусости сбежало от воинской повинности—осмеливаетесь прикасаться к погонам заслуженным честным поведением, годами трудов, знанием. Ты не признаешь николаевских погонов, но за то сильно признаешь николаевские сторублевки.» Он изорвал их в клочья. Обернул срезывателя спиною и дал ему настолько сильный удар ногою в зад, что тот, без памяти от страха, вылетел из трамвая на полном ходу. Вся публика с энтузиазмом зааплодировала. Все горячо жали офицеру руку, приговаривая: «Всю ту сволочь нужно еще не так учить.» Когда я пишу мою статью, мою душу охватывает смертельный ужас, что будет когда наступят дни расправы. Неумолим и страшен закон возмездия, но он учит, воспитывает человечество.

VI [глава]

Я присутствовал в Москве несколько раз при шествиях с красными знаменами, обыкновенно десятки людей меланхолично несли их, некоторые знамена отличались крайне провокаторскими, уголовного характера надписями, с призывами избивать «буржуев», но призывы оставались без малейших последствий.

Огромное количество буржуев спокойно шествовало по тротуарам, не обращая ни малейшего внимания, не удостаивая взглядом проходивших.

Жиденькая толпа, по общему мнению оплачиваемая бумаженками, без тени одушевления сопровождала их...Во все время буквально ни одного сочувствующего возгласа. Изредка раздавались голоса: «Проклятые христопродавцы, лучше бы поменьше грабили, перекладывали из чужого карман в свой и давали бы хлеб не из навоза и не по осьмушке фунта.»

Видел я в дни, когда столица голодала и платила сотни рублей за то что прежде стоило несколько копеек, пышно подготовленное торжество 1го Мая...Игравшая комедию, корыстная власть видимо рассчитывала на сочувствие. Я обошел все главные улицы и более плачевного зрелища не помню. Повсюду абсолютное равнодушие, то было не торжество но панихида по Советской власти. С вызывающим видом разъезжали красно-

армейцы с пулеметами, видимо ожидая неожиданного нападения. Они не только с физиономиями великопостными, но и пьяными, кружились как в театре, стараясь показать что их много. Огромные шелковые материи, выкраденные из магазинов, с живодерскими приглашениями, возбуждали всеобщее омерзение. Интернационал отцветал не успевши расцвести. Не только пролетарии всех стран, но и своей несчастной, опустошенной страны не соединялись, но, кипя злобно, разъединялись.

VII глава

Скоро роковая для советских захватчиков статистика укажет сколько лучших учителей, профессоров пройдя через пытки Вечека были расстреляны; укажет какое поражающее количество, рискуя жизнью, спаслось бежав за границу.

Коса смерти прошла по всем высшим и низшим учебным заведениям...По общему мнению, прежняя серьезная, обучавшая школа быстро умирает. Вечно дрожа за

жизнь оставшиеся, сравнительно жалкие учителя, должны проводить в школах невежественный сумбур коммунистов; извращать науку—в особенности историю России—доказывать, несмотря на действительность, при виде которой сами камни разобранных помещичьих усадьб вопиют, что вся история России, могучий рост страны должны подлежать забвению, что настоящая вся состоящая из безумных, омерзительных историй—история начинается с водворением домов Ильича Ленина, Лейбы Троцкого предавших, продавших Россию—Вильгельму, тупых долбяшек способных только красть, разрушать.

По последним сведениям, в столицах, больших городах учебные заведения превратились в приюты распутства, безделья, анархического хаоса; десяти, двенадцатилетние девочки чуть не поголовно заражены сифилисом.

В центральных губерниях, в деревнях крестьяне в один голос твердили мне: «Дети уже давно совсем не учатся, своевольничают, не учителя командуют, учат

учеников, но ученики командуют, учат учителей; дети зимой не ходят в притоны бестолковщины—они не отапливаются. Детишки зимою бегают босиком, в лохмотьях, холод, голод, нагота, эпидемии метут целые населения. Хоронят часто не в гробах, а на гнилых досках. Порядочные учителя убегают, ищут другого дела—их замаривают голодом, платят жалование раз в шесть месяцев—деньгами на которые хлеба с навозом не купишь.

«Мы упорно, но тщетно просим чтобы закон божий стал в школах на первое место и дети прежде всего затвердили бы десять божьих, совсем забытых, заповедей, в особенности две самые нужные в наши дни: «Не убей» «не укради». Познакомились бы с Евангелием, нагорною проповедью, с Христом приявшим крестную муку во спасение людей...Они вышвыривают иконы из школ; часто срывают крест с нашей груди—жидам распявшим Бога любви, самопожертвования, справедливости, ненавистен крест; но они забывают, что многие из нас Христа носят в груди, в душе. И тут же рядом Махно метит

за поругание святыни—расстреливает без пощади всех у кого нет креста на шее. Евреи чтобы избегнуть казни стали по неопытности надевать несколько крестов, но Махно трудно провести: увидев излишек крестов он со смехом говорит: «Становись в первый ряд, христопродавец, пересолил!»

Все святотатства, насилия, как всегда, привели к огромному усилению религиозности; церкви всюду переполняются, переполняется все более и более чаша народного терпения...

В последнее время народ проникается мыслью, что наступило царство антихриста, что не нынче, завтра, раздадутся страшные трубы двух ангелов смерти, всколышется земля, выльются семь смертных чаш ярости божией...Спасутся только не уверовавшие в антихриста, не соблазнившиеся на гибельные дары, хотя бы и в виде пайков из всякой мерзости...Благодаря удушению всей независимой прессы наверху ничего не знают что им готовит затерзанная страна, не знают даже настроение красной армии, все проклятия которые посылает она втихомолку...Люди всех

партий, не только офицеры, но и сами солдаты красной армии, вычисляя какие казни и пытки нужно изобрести раз Малюта Дзержинский, Ильич, Лейба Бронштейн и tutti quanti попадутся им в руки, впадали в такое изумительное ожесточение, в такую утонченную изобретательность, что можно было подумать, что они все знакомы с «Адом» Данте. Тут же обыкновенно рассказывалось, что проныра Лейба как отпетый трусишка, сбежавший от воинской повинности, подобрал за огромную плату не бумаженками но червонцами, шесть еврейчиков, не только с крючковатыми, погаными носами как у него но изумительно похожими всею физиономией, психикой на него; и в царском поезде, окруженный несметною охраною, таскает их с собою...Убьют одного, другого, третьего Лейбу и вдруг окажется, что до настоящего не добрались...

Книжку «Ленин» вышедшую в 19 году я горячо рекомендую всем крупным ворам, серьезно относящимся к своему делу...Она должна стать настольной книгою, учебником...Прочтя ее с любовью, вниманием, они поймут что они народ отсталый, крайне невежественный, незнакомый с последним словом настоящего воровства, нешуточного, обмозгованного. Что Ильич хотя и

немного, но все-таки умнее, находчивее, продувнее, практичнее их, прежде чем начать он устроил ловкую лазейку...

В книжке на стр. 60 заявляется что Ильич по общему мнению настолько незастенчив по части добивания денег, что готов чуть не с шаловливостью вытащить портмоне из кармана даже товарища, раз это полезно Ленинскому очень эластичному делу, вернее его желудку...

Дело заключается в том, что для каждого серьезного, крупного вора необходимо хорошенько выдолбить некоторые пассажи из Маркса; катехизиса Нечаева; капельку подтасовать их, согласить с собственными карманными вожделениями, а затем не теряя попусту драгоценного времени пускать в ход все выдолбленное на революционных собраниях, словом кипеть коммунизмом...

Раз все это будет выполнено, и субъект, что очень нетрудно, сделается известным как фанатик универсального ограбления, маньяк коммунизма, он может смело начать грабить частенько со взломом и перерезанием всей семьи: частенько богатые квартиры, магазины, банки. Призыв должен быть лаконичен: «Грабь буржуев,

всех богатых; грабь награбленное!» На замечание что буржуи палками не загоняют в свои магазины покупателей, у входящих за покупками не вытаскивают с револьвером в руках денег из карманов, не раздевают даже в зимнюю стужу донага, подчас не расстреливают пленившись новыми сапогами, он должен с грозною усмешечкой отвечать: «Так могут рассуждать только контр революционеры—буржуи вполне достойные расстрела без нелепых формальностей. Мы соль земли, наше правление должно быть солененьким для всех имущих. Раз мы растворяем настежь врата Эдема, земная логика для нас необязательна, все твое—мое, и все мое—мое! Мы стоим вне государства, вне пространства.»

По последним сведениям, Лейба Троцкий он же и Бронштейн (непостижимо почему все эти Срули стремятся во что бы то ни стало менять фамилии??) распахнувший двери рая, в качестве привратника, сумел в четыре года прикарманить десятки миллионов рублей золотом...После разграбления лавр, монастырей, церквей, а в скором времени продажи музеев, картинных галерей, капитал у десятков тысяч всевозможных Ильичей и Лейб—удесятерится...

В той же книге есть пассаж восхитительно нравоучительный: «Ленин с первых же дней окружил себя уголовными, убийцами, ворами, шпионами, агентами

провокаторами и чувствует себя в честной компании замечательно хорошо.

«Советская власть пулеметами, штыками создала у нас плутократов—новеньких, ловкеньких, о которых не снилось не только в Европе но и России в доброе, старое время, и награбленное они сумеют отстоять.

«Ленин орудует для триумфа частной собственности, то в своем роде шутка русской истории. Министр Протопопов, реакционер, черносотенец, приготовил революцию; Ленин, начав с так называемой большевистской революции, ведет Россию к самой беспощадной реакции. В Люксенбургском музее есть статуя Тургана: слепой ведет паралитика, это как бы фигуральное изображение слепой советской власти ведущей Россию расслабленную голодом, холодом, наготою, эпидемиями, в черную бездну.»

Внесу маленькую поправку—слепую Россию ведет Ленин в прогрессивном параличе.

Я собственными ушами убедился, что в России глупость может дойти до размеров умопомрачающих. Я слышал, ощупывая себе руки, как люди забывшие Тушинского вора и современного нам Гришку Распутина, считают Ильича—Ленина—долбяшку перевравшего Маркса, не умевшего предвидеть завтрашнего дня, чуть не умным человеком. К нему анекдотический немец мог бы смело обратиться со словами: «Что я думаю, если бы вы, Ильич, да еще были бы умный человек!»

Русский дурак не чета европейскому, его колпак с бубенчиками может увеселять само небо. Европейцу мешает быть настоящим дураком окружающая жизнь, тогда как русскому цаце есть где разгуляться. Мы можем смело перефразировать слова Гоголя о России: «Как же в тебе не развернуться беспредельному дураку, когда ты сама без конца!»

Разграбить, опустошить, чуть совсем н сгубить страну, с помощью известных клише, опираясь на уголовных, теплых

ребят с помощью захваченных, никем не защищаемых пулеметов и ружей, кому ума недоставало.

Человек не нравственный идиот—своей души не продаст, зная что деньги дадут только жизнь шкуры, то есть: жранье, пьянство, распутство—ведущие неизбежно к тяжким болезням, страданиям...Не нужно забывать, что на самой каторге вряд ли встречаются люди с полным отсутствием совести...Горе перед кем [...] она как: «когтистый зверь, заимодавец грубый, докучный собеседник.»

Очень талантливый поэт, необыкновенно остроумный тонкий наблюдатель Л.Г. Мундштейн не раз говорил мне: «Я видел и слышал Ленина. Более антипатичного прохвоста, огромно зазнавшегося жулика, нельзя себе представить...Его крайняя ограниченность, узколобие, светится в его задолбленной банальщине...Он кружится в беличьем колесе им крайне извращенного Марксизма, приноровленного к грабежам и прочим мерзостям.

«Но вглядевшись в аудиторию, вернее в кунсткамеру, я понял что по Сеньке и шапка.

Ему аплодируют такие ловко подобранные молодчики, что рвать тянет, все с бору да с сосенки...»

П.А. Кропоткин, которому они устроили торжественные похороны, назвали в его честь весьма ухабистую и поразительно грязную площадь, желая показать, что он составлял исключение из всех революционных деятелей и писателей, не питал к ним крайнего презрения, неодолимого отвращения, не раз говорил мне с горькою усмешкою: «Какой страшный непоправимый удар нанесли революции эти Хлестаковы осложненные арестантскими ротами, ожидали ли мы что-нибудь подобное...»

Сам Горький в минуты душевного, редкого прояснения изрек: «Одного нельзя понять, как до этих пор, после всех их проб, их всех не повышвырнули?» Он поцеремонился прибавить: «всех не поперевешали?»

У Андреева, скрывавшегося в Финляндии незадолго перед смертью, вырвался вопль отчаяния в статье «Спасите!» переведенной на все языки.

Иностранные газеты, опираясь на верные источники, писали, что Ильич стал «гага»,

что сифилис пал на мозг. Советские газетишки стали выкрикивать, что напротив гений Ильича растет по часам полный поразительных созиданий. Быт по Марксу продолжается.

Конечно более чем мудрено ждать от пролетарских газетишек тени правды...Нельзя же им в открытую сказать, что предательство, продажность, кровавое упрямое тупоумие Ильича, давно уже осложнились сифилисом, что глава большевизма голова сифилитическая.

Наблюдая все что творилось за эти пять, лет можно смело предположить, что иго Советской власти все прососано гноем...

В деревнях, я от докторов, фельдшеров, акушерок слышал, что около пятидесяти процентов населения страдают наследственным или приобретенным сифилисом, часто осложненным алкоголизмом.

В городах, по уверению медиков число зараженных так огромно, что последние четыре года лекарства вполне отсутствуют...

Только на почве повального невежества, сифилиса, алкоголизма могла просуществовать пять лет диктатура пролетариата плюс Вечека.

Смешно удивляться, что при диктатуре уголовщины, вор на воре сидит, вор вором погоняет. Сначала прикрывая срамные части лопухом Карла Маркса с винтовками, разграбили банки, дворцы, частные богатые дома, квартиры...Затем когда все накраденное провалилось в карманы, было припрятано в банки, они бесстыдно, низко, ссылаясь на голод, стали в свою личную пользу обворовывать церкви, монастыри, Лавры—сокровища, накопленные столетиями, не только даяниями богатых но и бедных...

Народ, полный ужаса, гнева, все по обыкновению сваливает на евреев...Когда мне аристократу по рождению, стоящему вне подозрений что во мне таится хотя бы капля еврейской крови, приходилось из чувства справедливости говорить крестьянам, что на сотню палачей азиатов и русских вряд ли приходится десяток евреев мне отвечали: «Почему растреклятые хомуны не трогают синагог, а православные храмы высмаковывают? Комиссарам, Чекистам—

коммунистам, на случай продирания с фальшивыми пачпортами денежки нужны...Заломавшийся жидишка Троцкий и вся его жидовская компания хотят захапать церковные сокровища...Не даром Христа за то что денег не ценил—распяли...Деньги нужны на озверевших треклятых наемников, чтобы всю Россию, не признающую палачей, грабителей, всю перерезать...Доберемся до них, небу станет жарко!»

Какая раздирающая, кровавая ирония нашей Истории, Лейба-Троцкий-Бронштейн зазнавшаяся вошь, шпион Охраны с 50 руб. жалования в месяц, австрийский шпион, прусский агент провокатор прибывший в Россию в запломбированном немецком вагоне, наворовавший по уверению газет за четыре года десятки миллионов золотом, распоряжается русскими армиями, кормит их тухлыми селедками, кониной с сапом, хлебом с навозом, и заморачивая задолбленной, вечно повторяемой брехней, раздетых в зиму гонит калечиться, гибнуть за каторжников сгубивших Россию...Трусишка Лейба конечно хорохорится в тылу армии...

Еврейская нация страшно и вполне отомстила за погромы—в лице Троцкого—дала всей России

звонкую на весь мир и заплевала ей всю физиономию. До какого омерзительного падения, вырождения, дна позора дошла несчастнейшая из несчастных, жалчайшая из жалчайших страна...

Но отвратительнее всего, что по временам раздаются с одной стороны предсмертные храпения: «Мы голые в зиму ходим, замерзаем в нетопленных домах, квартирах...Гибнем от голода, эпидемии вечного страха за жизнь. Вша нас поедом жрет. Скоро начнем как на Волге—трупы солить, варить, сырьем есть!..» а с другой: «Мы необычайно быстро возрождаем, преображаем Россию...Европу ненавидим, она вся сгнила; тогда как мы благодаря Вечека, все свеже просольные...Заимствовать нам у запада—нечего, самое большое, если мы будем у Европы и Америки брать деньги в займы—золотом, конечно без отдачи—они буржуа!...Мы осчастливили, озарили всю Россию и скоро ослепим весь мир; всех научим, возродим, поднимем до себя, раскроем неохватимые горизонты, сделаем понятным в некотором роде наш беспредельный русопятский прогресс!!»

Прислушиваясь к таким декларациям

невольно ищешь подписей: «мартобря 5922 год» «между днем и ночью» «День был без числа, месяца не было, было черт знает что такое.» «Январь того же года, случившийся после февраля.» «У Лейбы Троцкого, Бронштейна на носу выросла денежная касса.»

Затем за Казбеками и Эльбрусами большевистского воображения, следует маленькое заявление мелким шрифтом: «В Петрограде, дом литераторов переживает острый кризис ввиду отсутствия средств. Необходимость поддержки существования заставила правление сдать в аренду часть помещения, под устройство в нем аукциона.»

Картина!! Дело идет об уцелевшей чудом, не успевшей спастись, бежать, многострадальной до смерти истощенной кучечке литераторов!!!!...

Глава VIII

Расскажу о двух явлениях окрещенных народом чудесами. Мрачно настроенный, изголодавшийся, постоянно экситируемый безобразными, непрошенными пробами, выбитый из вековечной колеи жизни, не видя конца бедствиям, надруганиям над всем, что было ему дорого и свято, он ждал знамений на небе и на земле.

На закате солнца, моя глубоко симпатичная, большая умница хозяйка—госпожа Шполянская—позвала меня со словами: «Взгляните на необычайное явление на небе, в наши дни—по истине—мистическое. Я давно в Москве, и не помню ничего подобного.» Я остановился пораженный...В лучах заката пылал резко очерченный, исполинский крест. Солнце заходило, небо бледнело, а крест разгорался все ярче, ярче, принимал зловещий, кровавый оттенок. Я вышел на улицу, вокруг стали раздаваться крики, плачь; женщины падали на колени, молились, впадали в истерию. Многие дико кричали: «России-матушке предстоит

крестный путь, ее тяжкие страдания еще не кончились. Затерзают, доконают нас проклятые коммунисты!»

Второе знамение произошло в Кремле. Замысел захватчиков—с оружием в руках ободрать золотые и серебряные ризы с икон всех церквей—держал Москву в настроении близком к восстанию. Священники, рискуя жизнею, с амвона всех церквей произносили речи, настолько сердечные, захватывающие душу, что народ рыдал.

Знакомый мне профессор, знаменитый химик Ш..., свободный мыслитель, передавал мне, что зайдя в одну церковь во время речи, он сам расплакался.

На воротах Кремля, в день 1го Мая, большевики-коммунисты на образ чтимый Николая угодника набросили красную тряпку, разгневанный народ не мог достать ее—она моталась очень высоко. Что не мог сделать народ—сделал разбушевавшийся ветер. И вскоре профанирующая икону красная тряпица разорвалась в клочья и

во всей красе появился лик угодника. Весть о чуде мгновенно разнеслась по Москве...Патриарх назначил в честь чуда торжественную процессию. Она производила потрясающее впечатление. Сотни развевающихся, шитых золотом хоругвей; архиереи, священники с патриархом во главе, горящие на солнце митры, золотые ризы, образа сияющие золотом и драгоценными камнями, дымящиеся кадила, хоры певчих, звон колоколов всех церквей, перезвон серебряных колокольчиков и весь звон прерываемый изредка ударами исполинского колокола в двенадцать тысяч пудов, от которого гудела земля, подымали душу сотен тысяч молящихся. Невольный трепет охватывал мою душу, навертывали слезы при виде громадных масс охваченных религиозным экстазом. Молитвы, рыдания раздавались всюду. Как эстет, я глубоко чувствовал мощь великого душевного подъема...Колокола все звонили, звонили, точно били в набат, точно вся Москва горела...Она горела

душевным жаром, чреватым роковыми последствиями. Слепые, остервенелые насильники не догадывались, что в этом душевном жаре история кует грозный меч правосудия.

Народ на кощунства над его горячими верованиями, реагирует необычайным ростом веры. В Воронеже, дикие насильники заперев двери Митрофановского монастыря, раскрыли раку святителя, затем публично, один из них стал издеваться над мощами. Народ в гневе бросился и разорвал издевщика. Затем начали создаваться мистические повествования. Стража, поставленная в Митрофановском монастыре, в полночь услышала в алтаре неземное пение; вся церковь осветилась голубым, небесным светом. Вскоре двери алтаря распахнулись, вышел священник озаренный божественным сиянием, в сверкающей золотом и драгоценными

камнями ризе, с крестом испускавшим лучи. Стража, полная ужаса, стала разбегаться, самые смелые выстрелили, но священник оставался неподвижным, глаза светились дивным огнем, пули ложились у ног...Стрелявшие пали ниц, и затем обливаясь слезами, стали замаливать страшный грех.

Советских воров конечно не так интересовали сами святые, как и очень тяжелые раки из серебра. В Белгороде они, возбудив восстание, крали раку из серебра в восемнадцать пудов.

Все эти полные издевок грабежи, прикрываемые уничтожением предрассудков, кончились всюду огромным усилением религиозности. По уверению народа, святотатцы подменили мощи, но они чудесно вернулись и народ стал еще горячее молиться у вернувшихся мощей. Чудеса возобновились с усотеренною силою.

Глава IX

С сестрою покойной жены, вдовой профессора Московского Университета, знаменитого психиатра, Надеждою Егоровной Кожевниковой, я в начале июня 18 года покинул Москву. Дранному извозчику на кляче заплатили 25 руб. Через два года, та же кляча до вокзала стоила сорок пять тысяч—Советская власть прогрессировала. Вокзал представлял фраппирующий свиной хлев, на занавоженном полу валялись тысячи людей в лохмотьях и с меланхолией казнили вшей. После долгой очереди, вследствие того что, нуждаясь в деньгах, захватчики повелевали выдавать в десятки раз более билетов чем было мест, мы наконец получили билеты до Курска, заплатив за II класс 200 рублей—в августе 21 года билет от Москвы до Курска стоил около двух сот тысяч. Мы с нашими маленькими чемоданчиками (более крупный багаж подлежал экспроприации) хотели пройти, но были остановлены диким рявканьем: «Нельзя, сдайте в багаж!»

По мнению остановившего, наши чемоданы оказались колоссальными. «Дайте ему, подлецу, воряге, десять рублей,» сказал несший наш багаж, «пропустит», дали и те же чемоданчики оказались невесомыми. Вышли на платформу, около II кл. стоял пьяный, сопатый красноармеец, бряцая оружием, брызгая слюнями, отрычал: «Все вагоны заняты, проваливайте!» Вертящийся служащий заявил: «Дайте ему, сукину сыну, пятьдесят рублей, места живо сыщутся, не дадите—провекуете на станции!» Дали и получили, хотя не в самом вагоне, но в преддверии—два места для стояния...Через два года такой пропуск обошелся бы в десятки тысяч.

Маркс может прыгать от радости в своем гробу—послушные ему большевики в четыре года всех как есть в России поделали миллионерами, а через годик, два, если продержатся, то и миллиардерами.

Копейка времен давно минувших станет миллионом.

Тут мы увидели зрелище неслыханное, ручающееся за лучезарное будущее, мы подымаемся все выше, выше; все крыши вагонов были заняты людьми заплатившими за III класс. Что должны были испытывать эти несчастные, бегущие из городов, от грозящей им смерти, от голода, в рванных одежонках в стужу. При сильном толчке—они разоспавшиеся часто сваливаются, разбиваются на смерть...Но жизнь их, с воцарением диктатуры пролетариата, стала так безнадежно ужасна, безрассветна, что многие из них смотрят на смерть как на избавление, ее костлявые объятия им не страшны...Около дверей вагонов стояли зацепившись за ручки вагонов заплатившие за II класс, но не пожелавшие дать взятку...С какою душевною теплотою вспомнили мы железнодорожных жандармов доброго, недавнего времени. Какими чуть не бескорыстными, застенчивыми стали казаться самые ярые взяточники времен Николая I. Напади на держащихся за ручки, после долгих

часов, неодолимый сон или от суточного держания за ручку—онемение и они упадут под вагоны, на полном ходу.

И терпят, все терпят апатичные, жалкие рабы!!

Наконец с большим опозданием добрались до станции Солнцево Курско-Харьковской железной дороги, от которой нужно было нанять лошадей до слободы Мантуровой—имение наших близких родных. За тележку нахально претендующую на рессоры, но в сущности тележку пыток, рессоры, лишенные и без того упругости, были обмотаны веревками, обладатель последнего слова местного комфорта, за двадцать верст, вместо прежних четырех рублей взял сорок; через два года такое же путешествие в настоящей телеге стало обходиться в пять тысяч рублей, на протест лаконически отвечали: «Да разве вы деньги даете? Скоро слюней будет жалко чтобы плюнуть на них—слюни все же слюни, а это ничто. От советских тысяч не разбогатеешь, а сколеешь!»

Остановлюсь на краткой биографии родных у которых роковая судьба предназначила мне пробыть—исключив поездку на юг, во время пребывания там белых—почти два года, и под конец быть свидетелем одной из самых тяжких трагедий. В последнее время истомленная душа, при виде всех ужасов, мертвела; наступало зловещее—грозившее самоубийством, сумасшествие—спокойствие. У родных, я глубоко, внимательно наблюдал окружающую жизнь; отмечал все знаменательное, выдающееся. В центральных губерниях советские захватчики орудовали без маски, не церемонились.

Семейство близких состояло из матери и дочери—мать вдова родного брата моей покойной жены, Ивана Егоровича Томилина, предводителя дворянства в продолжении шестнадцати лет, пользовавшегося большой популярностью, всеми любимого, к счастью его умершего задолго до уготовленной разбойничьими бандами смертной чаши всем землевладельцам, в особенности дворянам помещикам.

Мантурова очень богатая торговая слобода, помеченная на картах, в шесть тысяч душ, с пятью ярмарками известными в губернии, с магазинами в которых можно было достать все продающееся в губернских городах.

Мать и дочь отличались редкою гуманностью, феноменальною щедростью, буквально ни разу никому не отказали в помощи. Они построили роскошную больницу, при ней развели большой фруктовый сад; три большие школы; гимназию, чайную, на подобие клуба, для торговых людей во время ярмарок и создали библиотеку в тридцать тысяч томов из лучших сочинений авторов русских и иностранных, с богатыми отделами по всем знаниям, с очень редкими экземплярами старинных книг; слобода и окрестные деревни пользовались ею бесплатно. Охота к чтению постепенно росла, свет все более пронизывал тьму.

Безграмотная власть, неутолимая, неутомимая в грабежах, покушалась несколько раз ее растащить, раздать по

разным школам, оставив для комиссаров дорогие шкафы и книги в красивых переплетах. Один из них заявил что бумаги теперь нигде нет и много книг пойдут на папиросы.

Благодаря заступничеству лиц сохранивших чудом человеческий образ, она не была разворована вплоть до гибели родных, но они вознаградили себя более подходящей кражею—захватили очень ценный музей, предназначавшийся после смерти родных слободе. Музей собирали, не жалея денег, отец и дед моей племянницы. Он был оценен знатоками в несколько сот тысяч рублей. На вопрос хищника поступают ли так за границей, я очень мягко ответил: «Там подобный поступок подлежал бы уголовному суду. Кончился бы после отобрания украденного—каторгой на очень долгий срок, и наконец такого случая пока нигде за границей не было.»

Родные устроили в слободе почту, телеграф, телефон; завели племенной скот, породистых лошадей; ввели усовершенствованные

земледельческие орудия; построили паровую мельницу.

В последнюю, так называемую, революцию, несмотря на ярые, упорные натравливания советских банд очень щедрых на чужое добро, которым сами не могли воспользоваться, крестьяне, под угрозой избиения, не

позволили пропойцам, воришкам разворовывать, разрушать усадьбу и многочисленные постройки. Но по приказанию банд захватчиков: усадьба с парком, все постройки, ярмарки, ряды с магазинами, чайная были объявлены народною собственностью. Вся земля была отобрана и как беспощадная издевка над владетельницами тысяч десятин, матери и дочери, в виде особой милости, были оставлены две десятины. Племенной скот, лошади, волы, все земледельческие орудия были проданы крестьянам; полученные деньги—распределены по карманам комиссаров.

Благодаря позволению устраивать крестьянам в большом доме балы, митинги, оставшаяся от расхищения

88

комиссарами мебель была поломана, изгажена до неузнаваемости.

К племяннице народ питал не только любовь, но и благоговение по следующему случаю: в 1905 году в слободе вспыхнул бунт, старшина известил губернатора. Была тотчас же прислана сотня казаков; она выстроилась против бунтующих в боевом порядке. Катастрофа грозившая смертью десяткам людей была предотвращена героическим вмешательством племянницы. Застенчивая, робкая, утонченно деликатная, она бросилась между народом и казаками со словами: «Я не позволю прикоснуться к народу, раздавите, убейте прежде меня!» Так как ее умерший отец был предводителем дворянства, в доме у них бывали губернатор и вся местная знать, казаки остановились. Народ не стал искушать страшных на своих лошадях, вооруженных казаков, мирно разошелся.

Многие из народа в годину ужасающих бедствий, к чести их, не забыли гуманных, щедрых владетельниц.

В продолжении почти всего моего пребывания, до самой гибели родных, редкий день проходил без приношений. Нашлось много семейств в груди которых не умерла благодарность за все сделанное им добро—как всегда из хороших поступков невольно вышли хорошие последствия—несли все что могли с трогательными словами: «Вы всем помогали, теперь позвольте и нам вам сердечным, болезным помочь, не будьте гордыми, у вас все отняли, неповинных сгубили, нужно поделиться.»

В конце марта 19 года, когда во время разлива прервалось сообщение между двумя половинами деревни, произошел характерный случай: крестьянину приснилось, что мои родные сидят без хлеба. Проснувшись в тревоге, он попросил жену тотчас же спечь несколько хлебов и несмотря на разлив, с риском потонуть, передал моим близким. Мы назвали этот хлеб—хлебом благих грез.

90

Приношения заносились в особую книгу с мыслею когда водворится настоящее правительство, отплатить великодушным людям сторицею.

Мы только благодаря этим добрым людям не умерли с голода.

Гуманность родных наследственная: мать моей покойной жены—урожденная Станкевич, была любимою сестрою Николая Владимировича Станкевича...Из кружка Станкевича вышли великий критик Белинский, профессор Грановский и другие знаменитости. Благодаря ему Россия узнала гениального народного поэта Кольцова, русского Бернса. Герцен, Тургенев относились к нему с благоговением. Герцен посвятил ему страницы полные энтузиазма. Тургенев вывел его чудный образ в романе «Рудин» в лице Покорского. На всех он производил непобедимо чарующее впечатление. Сталкиваясь с ним, человек преображался—идеализм этого сверхчеловека был заразителен. Сами большевики назвали Газетный переулок, где поражает красотою захваченный, ограбленный ими

дом его брата, «Станкевическим.»

Глава X

При воцарении слепых и очень зряшных—в смысле разыскивания всего ценного—банд насильников, народ первое время верил, что они искренние люди желающие бескорыстно наделить его чужим добром. Благодаря низкому вранью, всевозможным подделываниям под народ, заискиваниям, пустозвонным рекламам в свою пользу, неисполнимым, наглым обещаниям всероссийского рая, они внушили народу, что власть их имеет под собою почву, способна продлиться и закрепить разграбление всех землевладельцев...Глубоко невежественный, темный народ, не имея представления о законах мировой эволюции, не знакомый даже понаслышке с историей других стран, запутался во всех своих воззрениях на право, справедливость, законы...Но слепота длилась не долго—разочарование стало расти не по месяцам, но дням. С 19 года, я констатировал

начинающееся всюду прояснение, понимание. Деревни начали охватываться все более и более жгучим негодованием за наглый, полный безграничного презрения к народу обман.

Крестьяне не только из близких, но и далеких деревней, узнавшие с быстротою телеграфа о приезде заграничного писателя, пробывшего за границей сорок пять лет в изгнании, в борьбе со старым режимом, все знающего, понимающего, могущего все разъяснить что делается в других странах, дать хороший совет, предсказать верно близкое будущее, стали посещать меня. Слава моя разрасталась. Посещали меня ежедневно десятки людей; поверяли свое горе, тяжкие думы, страх за будущее; просили совета. Я начал узнавать во всех подробностях все творящееся вокруг, тайные думы выплывали наружу. То были интереснейшие первоисточники. С ноября 19 года, все они, точно сговорившись, твердили: «Это не правительство,

а шайки оголтелых грабителей, подлых обманщиков...Они раздавали нам недвижимое чужое добро, чтобы подделаться к нам, задобрить нас, укрепить свою проклятую власть. Они знали превосходно, что когда придет настоящее правительство, оно возвратит самовольно взятое, покарает воров и разбойников...Надувая нас, они не теряли шально время—набивали свои бездонные карманы. Сотни тысяч проходимцев, частенько из арестантских рот, распоряжающихся Россией не зная контроля, с помощью взяток, экспроприаций, контрибуций, разворовывания частной собственности, отнятия золота, серебра, ценных вещей, нажили в короткий срок сотни и сотни тысяч, а многие—миллионы—настоящих денег. Для будущего правительства восстановление недвижимой собственности будет делом легким; отобрание же схороненного по заграничным банкам, в потайных местах, карманах—станет в многих случаях невозможным.

«Их красная армия в большинстве—подонки народа. Служат они из-за огромного

жалования, позволения безнаказанно грабить. Советская власть в центре до этих пор по-видимому не хочет понять, что никто ее не считает правительством. Вся Россия в ней видит стечение всех зол, несчастий, всего безумного и нелепого. Ей удалось захватить власть благодаря позволению всем насильничать и грабить. Поднялось все подлое, мерзкое, разнузданное, освобожденное от Христа и морали. Советская власть убила в человеке все человеческое; пробудила бешеную, бессмысленную скотину. Недаром англичане говорили белым

на Украйне: «У вас нужно истребить безжалостно несколько миллионов редкой сволочи—чтобы Россия поднялась из хаоса и муки к новой жизни. Всякий городишко, деревня орудуют по-своему.

«Шайки разнузданных негодяев, рассеянные всюду, тратят наворованные деньги, издеваясь над попытками контроля состоящего из таких же самоуправцев и воров как они сами. Они занимают чужие дома, конечно богатых; при оставлении ломают, гадят все, что не могут стянуть. Они разрушили все коммерческие предприятия, свободную торговлю.

95

Их кооперативы с насаженными в них коммунистами дерут тысячи процентов с жалчайших продуктов изредка посылаемых им. Раз, два в год появляется сахар и керосин по необычайным ценам, на семейство редко приходится пол бутылки керосина и фунт сахара. Коммунисты распоряжающиеся в лавках конечно тотчас же по прибытию жалчайших продуктов забирают львиную долю. О магазинах старого режима, магазинах—полная чаша, где мы за ничтожную плату имели, начиная с необходимого, кончая чуть не роскошью, все русские и иностранные продукты—мы перестали и во сне мечтать. Нам всем Николаевское царствование теперь кажется земным раем. Советская банда разворовав все что накопила Россия в сотни лет, замышляет грабить—последний их ресурс—церкви. Но мы сказали, что всех попередушим прежде чем им удастся святотатство. Мы отрезвели, все поняли. Мы хотим порядка, законности, уверенности в завтрашнем дне. Мы не хотим земли даром; если можно

96

ограбить помещиков, землевладельцев—то и всех можно. Раз воровство стало не преступлением, но похвальным делом, то разбою, воровству конца не будет. Начали с помещиков, и по темноте нашей мы радовались, затем принялись за торговых людей, состоятельных крестьян, а под конец в лоск стали обворовывать нас самих. Вспомнили мы нашу подлую радость—собственная шкура все разъяснила. Рыли подхихикивая яму помещикам, издевались над их смертным горем и сами в тьму могильную провалились...Только теперь стали спрашивать себя, за что мы их гнали, ненавистничали, разве на их месте отказались бы мы от всех благ, а раз мы на их месте были бы не лучше, но хуже их, то как же мы смеем гнать их, за что-то мстить. Нам остается взять вилы, топоры и добиваться переворота. Иначе все сгинем. У нас нет завтрашнего дня, нам незачем добиваться лучшего, проявлять свои силы, таланты, устраивать по-своему жизнь, давать детям воспитание. Придет получивший почет каторжник

97

или пропойца, в звании пролетариата, все разграбить. Мы землю хотим приобрести законным путем, чтобы нельзя было ее после отнять. Мы теперь узнали что значит, слышать один голос—раз не будет полной свободы все взвешивать со всех сторон, мы ничего не узнаем. Теперь за малейшее слово против опротивевших всем брехунов, наемников, они кричат: «Вы контр-революционеры, мы будем вас расстреливать. Хороша свобода, на все несвободное. Если по водворению порядка к нам разгонится подобный проходимец, мы вздернем его на первый сук. Они подрезали в корне всех революционеров; они станут всем ненавистны. Все будут опасаться, что из них вылупятся большевики со своими пробами. Довольно нас, с злодейскими, корыстными расчетами науськивать на убийства, самосуды, растаскивания по камням и бревнам чужих построек. Лютость, преступления ни в какие времена делом праведным не станут.

98

Последнее время они из сил выбиваются всевозможными льготами насаждать коммунистов. Суют их в потребиловки, дают выгодные места, и несмотря на все—в коммунисты идут только отпетые воришки, проходимцы, но за то они творят что хотят. С револьвером в руках залезают не только в дома буржуев, но и состоятельных крестьян. Вскрывают сундуки, отбирают все ценное, часто приданое дочерей заготовленное долгими годами лишений. Травят дезертиров, доносят на собственную деревню; указывают кого нужно обобрать. Народ возненавидел их до того, что ждет только падения власти, чтобы повышвырнуть их из деревни, а самых гнусных—беспощадно истребить.»

Я передал все речи литературным языком, сохраняя в точности их смысл, конечно исключив по адресу большевиков часто пускаемые, ласкательные по матерному и прочие.

При первой возможности, я разговорился с одним сравнительно добродушным

коммунистом, который еще не решился перейти от теории к практике.

На вопрос как он понимает слово коммунист, он не задумываясь, как отдолбленный урок отвечал:

«Главари объясняют, что все всем принадлежит, что я имею право взять где будет возможно, все что мне недостает, все мне нужное, что за границей так давно установилось.»

«Видите ли, молодой человек,» отвечал я, «раз вы за границей без приглашения вздумали бы забраться в чужой дом, с целью отобрать все вам нужное...нужное же—слово чрезвычайное эластичное: один хохол говорил, что будь он царь, он все бы сало ел, а императора Наполеона целым миром нельзя было насытить, вас вернее всего вышвырнули бы, дав при этом прощальный, сильный удар в мягкие части. Если бы это не образумило и коммунизм не поколебался, вас предоставили бы в руки

блюстителей порядка и все кончилось бы довольно продолжительной тюрьмою. Во всех странах были и есть отбиратели всего им нужного, но они увы называются не коммунистами но попросту—ворами и обыкновенно проводят лучшие годы жизни не в коммунистических фаланстериях но в тюрьме. В свободной Англии, для входящих в квартиру со взломом, существует исключительный закон необыкновенно отрезвляюще действующий на охотников до взлома: им дают сто плетей и затем присуждают к очень долгой тюрьме. Карл Маркс на волос не обеляет их задов...Наши Марксисты так взлюбившие вхождения со взломом должны благословлять час рождения в России. Что же касается до допущения мысли ограбить богатого, то из этого может выйти только нескончаемое обирание...Практика советских банд показала это поразительно наглядно...

Вы бедный в лоск обчистили богатого, но раз вы сами стали богатым, вас в

силу той же воровской логики может обчистить другой бедный, другого—третий и так далее, далее, конечно жизнь при такой свободе обирания стала бы нескончаемым беспрерывным трепетом, препровождением времени под Дамокловым мечом, другими словами абсолютно невозможной. Но конечно вы имели в виду обчистив богатого поделиться взятым с товарищами бедными, не обладающими широтою ваших социалистических взглядов, смелым наскоком...»

Коммунист гогочет: «Какого дьявола стану я рисковать своею шеей для других...Хочешь наслаждаться богатством, орудуй на свой страх, я на христианскую добродетель плюю...»

--Каким образом вы можете осуждать богатство, раз вы сами только и мечтаете, ищите случая стать богатым, без труда отнять нажитое долгим трудом, знанием,

102

умом, талантом; даже пойти ради этого на тяжкое преступление...Когда богатство у вас—это превосходно; у законного его владетеля—очень скверно. Согласитесь, что мораль, последовательность тут не только хромают на обе ноги, но и совсем без ног.

--Я коммунист, я мораль не признаю. Говорят за границей закон вышел, чтобы всех воров большевиками называть. Раз ада и рая нет, то бояться нечего—валяй во всю. Делай что вздумается—на то и свобода. Я не буржуй, у меня религии нет. Говорят, что за границей все неверующие.

--Вы ошибаетесь, ад существует в нашей земной жизни, он неизбежное последствие злых дел...Ад—наша совесть; ее полное отсутствие вряд ли встречается даже у сумасшедших, душевно больных...За границей много людей не верующих в грубые обряды, предрассудки, но все они верят в мораль, которая была и есть святая святых

103

всех религий; с уничтожением которой не мыслимы ни человеческое общество, ни сама жизнь. Великий пророк на вопрос: «Как узнать что наступил конец мира?» ответил: «Когда у одной души не будет ничего для другой души.» Случись это—человечеству оставалось бы запалить мир со всех концов и затем в порыве отчаяния перерезать друг другу горло.»

Скажу от себя, что страшные четыре года пережитые под игом бессмысленной кровавой сумятицы, дали незабываемый урок помещикам, торговым людям, землевладельцам, крестьянам, но более всего революционерам. Мы увидели изнанку революции, не даром она не вспыхивала во всей Европе с 48 года, а во Франции с 70 г. Мы узнали нескончаемыми муками души и тела кто в конце концов может ею воспользоваться. Не даром Тэн в полной глубочайшего анализа и обобщения истории революции говорит, что

104

революция подготовляется великими умами и сердцами, а приводится в исполнение большинством подонков общества, гиенами в образе человеческом.

Меня поразило отрезвление народных и рабочих масс. Проснувшийся, хотя и поздно, здравый смысл. Каким-то чудом, они получали и получают драгоценные сведения, которые им конечно не может дать изовравшаяся, продажная, лишенная талантов, подлая прислужница Вечека пресса в сытном пайке черпающая вдохновение. Народ буквально все знает: самые едкие каламбуры, рифмованные сарказмы бичующие палачей, разгуливают всюду. Мне самому в Москве пришлось прочесть очень много поэм отличающихся необыкновенно злым остроумием, распространяющихся в огромном количестве экземпляров. В особенности характерна сатира «Карл Маркс в Москве».

Не перейди мы все через чудовищный

105

опыт, нам грозили бы в будущем новые и новые кошмарные пробы...В России воров не обобраться, есть на кого опереться.

О том что творилось до отрезвления конечно самою худшею частью населения—я передам, опираясь на неоспоримые факты. По показанию очевидцев, самые богатейшие имения, полные редких картин, фамильных художественных портретов, редкого фарфора, драгоценной бронзы, дома-музеи были хуже чем разграблены: драгоценные картины были изрезаны, фарфор—разбит, бронзовые изделия—исковерканы, фамильные портреты подвергались издевкам—выкалывались глаза, запакощивались прекрасные лица. У одного нашего знакомого, огромная, необыкновенная по составу, по старинным книгам французская библиотека была изодрана в клочья, близ лежащее шоссе на целые версты усыпано целым слоем порванных книг. Расскажу о виденном собственными глазами: Огромный

106

дом, многочисленные постройки близкого соседа родных—Похвостнева/*Похвастнева*—были растащены до основания. Владелец оценил потерю в несколько миллионов рублей. Когда спрашивали дикарей: «Зачем свершили вы все эти дикие безобразия? Если вы верили в прочность власти, что все принадлежавшее помещику—почему-то лишенному без тени вины всех прав состояния—станет народным достоянием, вы бы могли в огромном, роскошном доме и постройках устроить образцовую школу, больницу, театр, кинематограф, зал для собраний. Дорогая мебель, картины, обширная библиотека были бы сокровищами для будущего. Племенной скот, вами пущенный на убой, улучшил бы породу в вашей деревне.» Они апатично отвечали: «Нашло на нас. Точно озверели, одурели, нечистая сила попутала—повзбесились. Декретишки приходили. Сукины сыны науськивали не только разносить постройки, но и

107

убивать помещиков. После, как полный угар прошел, опомнились, да уже поздно.»

У очень богатого соседа, Еника, Тимские комиссары, на сорока подводах, вывезли очень дорогую мебель, посуду, бронзу; раскрали необыкновенных рысистых лошадей, породистый скот, великолепные экипажи.

Родственник Н.И. Червонный завел в своем имении не только образцовое культурное хозяйство, но и электрическое освещение, телефон. В разгаре безобразий, крестьяне порвали проводы, а советские умницы разворовали машины, приборы, обширную дорогую мастерскую. Крестьяне благодаря мраку невежества—остались во мраке. А за неимением керосина, масла стали зимою ложиться в пять часов вечера, а во время тифа—охватившего все деревни—больные в долгие зимние ночи оставались без помощи.

Но безумнее всего, что советская

108

диктатура вернула самое злостное крепостное право: офицеров, под угрозой расстрела несмотря на отставку, заставляли служить; всех учителей, учительниц—исполнять совсем незнакомые им, тяжкие работы; мастеровых, рабочих, крестьян бросать свои работы и исполнять—советские; возобновлять тщетно все ими разрушенное. Никто, под угрозой самых жестоких кар, не смел отказываться. Выезд строжайше запрещен. То была уже не поденщина, но каторга.

В феврале 19 года, один из самых видных представителей советской власти, посвященный во все ее тайны, подавший в отставку, знакомый с моими сочинениями, угадавший мои чувства, веривший, что рано или поздно я вырвусь и разоблачу все виденное и пережитое, рассказал следующее:

«В столицах и всех городах на взрослого человека выдают четверть, а чаще всего восьмушку не хлеба, но помеси из всех отбросов. Цены на все жизненные

109

припасы вырастают до размеров невероятных и все растут, растут. Николаевские бумажки, ценимые всеми, посылаются чуть не вагонами в Германию. Новый урожай, скот, выкраденное золото, мануфактура, меха, кожи сплавляются в ту же Германию: то уплата по Брест-Литовскому миру. Конечно половина всего, обращенная в деньги нашими осатаневшими ворами, помещена в надежные иностранные банки.

«Разграбив, опустошив всю Россию, они теперь бросают алчные взоры на церковные имущества. И помните мое слово, что отыщут они предлог; прикроются чуть не филантропическими чувствами, и с оружием в руках разграбят церкви. Пока они трусят. Народ всюду объявил, что только через их трупы им удастся страшное дело. Золотые, серебряные ризы икон, венцы, золотая утварь, чуть не пуды жемчуга и драгоценных камней, собираемые столетиями, разжигают их мародерские аппетиты.

110

«Красные армии при одном виде настоящего войска разбегаются, бросают оружие. Они же движимые ненасытной корыстью, желанием продлить преступное существование, силятся мобилизировать новые армии. У них нет почти оружия, снарядов. Они кормят солдат тухлою селедкою, кониною часто зараженною сапом, а зараженных сапом солдат—ввиду избавления от мучений—расстреливают. В зиму, в метели гонят на фронт в рванных шинелишках—подбитых стужею зачастую в разодранных лаптишках. Повальные эпидемии царят всюду. Заболевших, раненых, искалеченных швыряют на клочья гнилой соломы пропитанной испражнениями, в вагоны для скотов где вши кишат. Докторов, сестер милосердия, лекарств, перевязок почти совсем нет. В городах больницы в лютые морозы не отапливаются. Мертвецы по нескольким дням лежат рядом с исстрадавшимися живыми...Девятый круг Дантевского ада всюду...И несмотря на все—мобилизируют. А в начале

111

кричали, что армии совсем не будет, или она будет состоять из одних добровольцев. Дезертирам грозят расстрелом. Новобранцы побогаче отделываются несколькими штофами водки, десятками фунтов мяса. Бедные на отрез отказываются идти против собственных братьев, не веря на минуту в окончательную победу советской власти. Взятые силою, несмотря на запираемые вагоны, выламывают полы и убегают. Более смелые кричат: «Вы говорили когда это вам было выгодно, когда вам немцы щедро платили за предательство, что мир должен царить между народами, что армии не должны существовать, что они исчадье капитализма. Но когда мир, после пятилетней мировой резни установился, вы продолжаете гнать народ на кровавую борьбу с собственными братьями из-за проклятой наживы, жажды власти. Вы нагло требуете, чтобы мы защищали вас—в прах сгубивших, разворовавших Россию,

112

держащихся на пулеметах, на пытках и расстрелах.»

«За эти речи, смелых ораторов швыряли в гнилые подвалы; морили голодом; грозили пыткою и смертью. Тюрьмы самодержавия стали всем казаться чуть не гостиницами в сравнении с советскими.»

На мой вопрос—какой же интерес советским чудовищам доводить страну до отчаяния, не идиоты же они? Он с горькою улыбкою отвечал: «То исполняются веления Вильгельма и военной партии. Во время Брест-Литовского мира, немцы сказали им: «Если вы не исполните с строжайшей точностью все наши веления, мы вас мгновенно сметем с лица земли.»

Нужно сказать, что наживающие несметные деньги в центре не хотят конкуренции. Они не так давно, при мне в Москве, разнесли пулеметами несколько притонов анархистов,

113

пожелавших следовать их примеру, с игривою бесцеремонностью захвативших богатые дома, до которых еще не успели добраться большевики, и начавших в них устраиваться весьма комфортабельно, не забыв кой какую мебель попроще уделить неимущим.

Советская банда даже была готова преследовать фраппирующий грабеж, смелое подражание, но она оказалась бессильна. Все говорили: «Раз во главе стоят оголтелые разбойники, грабители, преследовать плоть от плоти своей, кость от костей своих—чудовищная несправедливость.»

Все служащие решили признавать жалование, пайки, но не в конце проворовавшуюся власть. Они знали, что ее гибель неизбежна, что она бессильна, что каждый город, деревня орудуют на свой страх.

Я знал много случаев в Москве, когда при нескончаемых обысках, о

114

которых не снилось в самые темные годы самодержавия, исчезали из передних не только шубы, польты, меховые шапки, но и калоши. Если обворованные грозили составить протокол, им прыская со смеху заявляли: «Попробуйте составить или пропечатать в какой-нибудь газете, мы у вас завтра не оставим, как говорится, камня на камне и кроме этого, обвинив в сопротивлении с оружием в руках, пристрелим вас. Вы знаете, что контроль не мыслим, так как кончится неизбежно комедией—рука руку моет. Что вздумаем, то и сделаем. Иначе такому правительству (хохот становится сардоническим) никто не стал бы служить. По Сеньке и шапка. Не забывайте, что вокруг нас растут враги беспощадные. Нам есть за что ответить, и мы сами разлагаемся как падла на летнем солнце. Не нынче-завтра установится настоящее правительство, и раз мы будем захвачены,

115

с нами церемониться не будут. Без суда всех поперевешают.»

Глава XI

Прежде чем говорить о контрибуциях, я должен указать на вызвавшие их причины. Самые продувные воры стоящие во главе правления знали превосходно, что расплата близится, что никогда Россия, раз она не сошла с исторической сцены, за правительство их не признает, они помнили конечно чем кончили наши самозванцы, и поэтому решили, опираясь на красные подонки России, вытянуть из народа и состоятельных классов все николаевские бумажки и керенки признанные правительствами всех стран. Когда создались эти финансовые комбинации—николаевские бумажки принимались за границей; они стояли сравнительно высоко; керенки принимались тоже, но по более низшему курсу. Выкрав их, они не теряя времени обменяли их за границей и припрятали в доступные им иностранные банки.

116

Белые наступали с юга, в случае катастрофы они с заранее заготовленными фальшивыми пачпортами и гримировками надеялись продрать за границу и зажить во все свое шкурное удовольствие. Тяготевшие на них ужасные преступления не беспокоили их, они утешали себя уверенностью, что совесть звук пустой, буржуазный, забавный предрассудок, немыслимый для истинного коммуниста—истязателя Вечека.

Затем, чтобы не сбить цену с наворованного, стали выпускать с серпом и молотом свое тряпье сотнями миллиардов в месяц. В 21 году довели их ценность до истраченной на них бумаги. На юге, сохранившие у себя почтовую бумагу вместо сотни тысяч выдавали белый лист почтовой бумаги.

Совершенно неожиданно на Мантурову, за то что она ранее большевиков была большой торговой слободой и ее идеи не совпадали с советскими, была наложена контрибуция в пятьсот тысяч. Бывших состоятельных людей отказавшихся платить заперли в подвал—служивший во время

ярмарок отхожим местом—начали морить голодом, грозить расстрелом, давать селедку и не давать пить. При помощи террора, им удалось собрать всю сумму николаевскими и керенками. Конечно она тотчас же провалилась в их карманы.

Передам характерный эпизод о том как вымогались деньги рассказанный мне прелестной девушкой—Софьей Александровной Русановой: «В два часа ночи слышим выстрелы около входных дверей, затем стук прикладами. Мать нервная, измученная вечным страхом, лишилась чувств; отца не было дома. Брат отворил дверь, входят пожилой человек и молодой в сопровождении вооруженных зверообразных красноармейцев. После узнали, что пожилой за воровство, осложненное убийством, отбыл десять лет каторги (видимо выдержал на аттестат зрелости, такими людьми власть всегда дорожила, вручала им бразды разбоя и грабежа). Начался обыск: переворачивалось все в комодах, сундуках, ворочали постели. Не будь мы тут, не спрячь

заранее немного ценное—все бы исчезло. Осмотрев все, пожилой обращается ко мне с криком: «Давай пятьдесят тысяч николаевскими, не отыщешь—расстреляем.» «Откуда же я возьму,» отвечаю я спокойно, «отца нет дома, да у него и нет таких денег—у нас уже давно все выкрали.» «Становись к стенке.» Становлюсь и жду смерти. После всех пережитых, невероятных ужасов, полного разорения—смерть не казалась страшной. Молодой человек (видимо пленившийся ее красотой, молодостью, мужеством) не выдержал: «Довольно вам издеваться над ни в чем неповинной девушкой.» Пытка кончилась.» Я часто любовался на эту характерную русскую девушку, соединившую в себе красоту, женственность с героической душой, не ведающей страха.

У племянницы заявившей, что у нее все отнято, кроме фамильного серебра, двадцать пять фунтов серебра было отобрано тем же каторжником.

Не прошло месяца, как получился приказ от центра—узнав о вполне удавшемся разграблении у высшего

начальства разожглись аппетиты—приказ повелевал стащить с Мантуровой три миллиона сто восемьдесят тысяч рублей николаевскими. Вряд ли немцы с селений, в разгаре войны, брали такие контрибуции.

Как яркую характеристику находчивости властей, скажу что с Русановых, разоренных ими, решено взыскать, как с бывших буржуев, а ныне пролетариев, четыреста тысяч рублей. Не потерявший вполне совесть комиссар латыш, пораженный бессмысленной контрибуцией, убедившийся, что семейство Русановых зачастую сидит без хлеба, питается одним картофелем, спустил контрибуцию на пять тысяч.

Непомерная жадность и идиотизм единственные во всей вселенной потерпели полное фиаско. Мантурова и близлежащие деревни на отрез отказались платить. Снова состоятельные в прошлом были

схвачены, брошены в тюрьмы с угрозою расстрела. В глухих деревнях пущены были излюбленные пытки: на голове надевали мешки и кололи

120

штыками; в темноте связанных били до полусмерти; привязывали к стволу деревьев и в продолжении целого часа стреляли, стараясь метить близко к голове, но так как Вильгельм Телли среди зачастую пьяных стрелявших не обретались, привязанные в продолжении целого часа ежеминутно ожидали смерти. В близкой от нас деревни засекли чуть не до смерти двух стариков заподозренных в срывании денег. Плеть стала разгуливать не только по деревням, но и по уездным городкам; все пролетарии были ею объединены. Чрезвычайки, с их средневековыми пытками, стали потихоньку вырисовываться. Невероятные слухи, несмотря на огромное число шпионов, разрастались, принимали пугающие размеры, становились, благодаря удушению независимой прессы, подпольными, очень и очень опасными для очумевших садистов.

За три дня до нового года, к нам явились во всеоружии красноармейцы. Заявили, что племянница заарестована,

121

должна с ними ехать в Тим—пробыла под арестом три дня. Воротилась вечером под новый год. Рассказала следующее: «Отвели маленькую комнату с доскою вместо постели, пятна от клопов пестрили стены. Соседи по тюрьме оказались дезертиры. Они быстро подружились со мною. В первый же день мы поделились братски скудною пищею. Они заявили, что убивать братьев не станут, предпочтут расстрел. На второй день, часа в два ночи, явились ко мне, с пьяными, зверообразными физиономиями, два комиссара с револьверами в руках, грубо заявили: «Говорят, что зарыла сто тысяч золотом. Если их не отдашь, мы сумеем добиться и без Вечека. Жечь пятки будем, жилы потянем.» Затем заявили, что останутся со мною ночевать. Я спокойно отвечала—я вас не боюсь; жизнь моя в моих руках; позора и насилия я не допущу, сумею покончить с собою. Видимо вы поверили нелепому лганью очень злого человека. Нас давно обокрали.

122

Я вам недавно отдала последнее ценное фамильное серебро. Денег конечно у меня нет; если я зарыла, то нет сомнения—без свидетелей, об этом никто не мог знать. Грозя револьвером, они удалились. Соседи тотчас же собрались у меня со словами: «Мы все слышали, милая, святая барышня. Ты известна не только своей слободе, но и всем окрестным деревням, все знают твое сердце, попробуй проклятые грязнюки спьяну прикоснуться к тебе и мы их тотчас же ухлопали бы на месте и разнесли тюрьму...»

Измученная трехлетними душевными истязаниями, видом полного разорения, она под бременем последнего надругания, мысли, что такие злодеи, рано или поздно, ни перед чем не остановятся, изнемогла, стала сильно, зловеще задумываться.

123

Глава XII

Рассказы слышанные из десятков уст, без противоречий, до известной степени ручаются за их правдивость. Взяв в расчет дремучее невежество царящее в деревнях, можно думать, что подобные пассажи фигурировали всюду.

У богатого помещика, большого музыканта, грабители напали на роскошную рояль Эррара [Erard] попробовали на ней отбарабанить какофонию, весь инструмент зазвучал. Четыре товарища захватившие рояль решили что все ее части, даже взятые отдельно, будут услаждать их музыкальное ухо. Восхищенные открытием, они порешили разрубить рояль на четыре части, чтобы никому обидно не было—к тому же она не могла бы поместиться ни в одной хате.

Несмотря на печальный опыт с роялью, новое недоразумение произошло с граммофоном: захватившие его шесть человек,

124

не желая, чтобы только нескольким из них достались лучшие песни, разрубили диски на шесть частей.

Грабя дом соседа—Похвастнева/*Похвостнева*—крестьянин захватил огромное зеркало, но для него комнаты оказались низкими, пришлось, пока додумаются, снести в коровник, который строится обыкновенно без потолка. Возвратившаяся с пастбища корова, видимо воображавшая себя гораздо лучше чем была в действительности, возмутилась при виде себя, хватила рогами в зеркало и конечно разбила в дребезги...Немезида!!

Глава XIII

Расскажу о несколько выдающемся ограблении...Несмотря на всю поразительную рельефность, оно конечно осталось безнаказанным—то было логическое последствие непризнавания чужой собственности в виду пламенного желания советской власти отобрать ее в свою личную пользу.

Передаю со слов госпожи Клягиной. Муж ее был очень богатый негоциант,

125

по идеям передовой; был в переписке с Григорием Петровым. Его богатство не даром разжигало мародеров местной власти.

Его решили устранить, ускорить законы природы. По-нынешнему, попросту расстрелять, а затем обворовать в лоск беззащитную семью.

Один комиссар, которому я рассказал о выдающемся корыстном преступлении, стал меня неспокойного успокаивать словами: «Кто знает, может быть этому буржую предстояла тяжкая болезнь от сытой жизни; он умирал бы медленно и мучительно, тогда как расстрел—раз, два, три, паф, паф и череп, можно сказать, в шляпе; всему в минуту конец. Семейство по глупости не хочет этого понять и вместо благодарности позволяет себя дуться, корчить кислую рожу.»

На вопрос мой: «Ну, а грабеж?» отвечал: «Не все же им одним пользоваться, надо и честь знать.»

После благодетельного устранения, увы не понятого ограниченной семьей,

126

спокойно были сворованы: дорогие летние и зимние экипажи, чудные рысаки, огромные запасы во многих магазинах, очень дорогие шубы, мужское и женское платье, большое приданое дочери, роскошная мебель, посуда, несколько сот тысяч золотом, всего на сумму четырех миллионов рублей золотом.

Когда семья спросила воров: «Зачем вы схитили приданое дочери, раз вы не женаты?» они игриво отвечали: «Кто знает будущее, с деньгами что мы теперь имеем, мы сыщем богатую партию. Нам Бог даст дочку, ан приданое и пригодится, а вы вместо того чтобы попусту задавать вопросы, помнили бы, что вы должны радоваться и слезно благодарить нас, что так дешево отделались.»

С глубокою печалью смотрел я на молоденькую, хорошенькую девушку, дочь Клягиных, как это юная душа в конец не сломилась от горя, не ожесточилась глубоко под бременем пережитых ужасов: расстрел любимого отца; арест

ее самой с замариванием голодом, угрозой пыток, изнасилования если не укажет где спрятаны деньги; вид матери ожидающей с минуты на минуту смерти; страх за брата скрывавшегося от расстрела; полное разорение.

Я подымаю черную завесу только на волосок. Вернее всего, что после гибели неслыханной по кровавому сумбуру и злодействам власти, задушенная пресса разоблачит все и подведет итоги.

Глава XIV

Очень богатого помещика Муромцева крестьяне очень любили и ценили за его гуманность, щедрость, всем оказываемую помощь. Когда советская банда прислала полсотни красноармейцев, с целью обворовать дом, крестьяне вооружившись топорами, цепами, косами отстояли его, прислали сотню, и на этот раз крестьяне вышли победителями;

тогда выслали две сотни, не только с ружьями, но и пулеметами. Крестьяне не сдавались, кричали: «Умрем за нашего хорошего барина, в обиду не дадим. Проваливайте, душегубы, грабители проклятые.» Муромцев вышел на балкон со словами: «Сердечные, душевные братья, большое спасибо вам за защиту меня от разбойников, воров. Близкое будущее сосчитается с позором несчастной России, но я не могу допустить, чтобы из-за меня злодеи начали избивать вас и поэтому я решил...» (он быстро вынул револьвер и пустил себе пулю в висок).

Передам трагедию разыгравшуюся на моих глазах, в семейством связанном со мною дружбою.

В Мантурову нагрянул трибунал решивший расстреливать дезертиров—бегство со всех фронтов дошло до размеров невероятных—охотников отдавать себя на искалечение и смерть из-за советских каторжников было мало...Как всякая гибнущая власть, она принялась за террор свирепый,

но бесплодный, слепая, стала затягивать петлю на собственной шее.

То было накануне взятия белыми Курска, Орла. На ни в чем неповинное семейство Русановых стряслось много невзгод. Советская власть нещадно разоряла его безумными контрибуциями. Обыски, сопровождаемые грабежами, шли за обысками, аресты за арестами. Преступление заключалось в том, что отец семьи очень хорошо вел свои дела. Отбоя не было от покупателей. Особенно выдавались две дочери, отличавшиеся не только красотою, но и героическим сердцем, многосторонним образованием. Жених старшей дочери Клавдии, служащий в северной армии, после долгой разлуки решил на время посетить ее. «Любовь проходит там где и волкам опасно проходить.» Он прошел триста верст пешком, рискуя ежечасно жизнею, и наконец увидел крепко им любимую. Кто знал невесту изящную, с тонкими чертами, чарующую в обращении, редкую умом, сердцем,

понимал его вполне. Но огромно радостное свидание закончилось кровавой трагедией.

Злая тварь донесла что в доме Русановых скрывается дезертир. Его арестовали и в шесть часов времени приговорили к расстрелу; к жестокости служил предлог, что отец его был француз, а мать—полька. На отчаянные мольбы девушек и всей семьи доказывавших, что он явился на короткий срок руководимый не страхом фронта, которому, как специалист электрик не подлежал, но только одной пламенной любовью, отвечали издевками, хвастливым заявлением, что трибуналу расстрелять человека, убить горем всю семью, все равно что выпить стакан воды, что все личные чувства—вздор раз дело идет о спасении Советской власти...и люди с сердцем обросшим шерстью знали отлично, что она построенная на пытках, убийствах, грабежах, неизбежно обречена на гибель.

Накануне расстрела, от семейства Русановых потребовали все его вещи и

деньги; их охотно отослали, думая что казнь отменена и его отправляют в Тим—в тюрьму.

Но казнь состоялась, то по одеждам несчастного метали жребий. В десять часов вечера, его, так глубоко, сильно любившего, всем рискнувшего из-за любви, повели на казнь. Его повели на луг против дома Русановых. Идя он крепко, крепко сжимал образок подаренный чудною матерью с верою, что он охранит его от всех горестей, несчастий и не сводил глаз полных горючих слез с дома невесты. Палачи издевались над образком; били прикладами в лицо, чтобы не смел смотреть на дом. Кричали что и ее скоро расстреляют, что они скоро свидятся на том свете. Осыпая грязными ругательствами, велели раздеться. Золотой образок сорвали с груди со словами: «За него как плюнуть два штофа водки дадут.» Платье облюбовал главный палач одного роста с жертвою; сапоги очень ценные захватил помощник.

В дрожащего от холода и ужаса близкой разлуки со счастьем всей жизни начали нарочно долго целиться, громко командовать. За минуту до смерти у несчастного вырвался крик оледенивший кровь у самых палачей. Тайна крика сошла в могилу, на секунду озарила необъятную муку исстрадавшейся молодой, пылкой души. Разрывной пулей ему снесли череп. Мозг, кровь обагрили траву. Его бросили в яму наполовину залитую водой.

Когда на следующее утро сестра невесты посетила могилу, она увидела голодных собак лизавших мозг и кровь расстрелянного.

Советские кровожадные собаки в продолжении четырех лет затерзали, расстреляли около двух миллионов невинных. Описанная мною казнь (со слов очевидцев) капля в бездонном, кровавом омуте.

Могила стала местом паломничества. Из большой слободы начали стекаться девушки с цветами начинавшей умирать природы. Много, много слез пролилось на романтической могиле.

Отец невесты, обливаясь слезами, обложил могилу дерном; поставил крест увитый венком.

Глубочайшую симпатию будил во мне Брет Гарт, великий психолог, гуманист, умевший в бездонно погибшей душе найти Бога. Его трогающие до слез рассказы о преображениях падших душ, о разгорающихся в глубинах душевных божественных искр, конечно помнят многие.

Потрясенный до глубины души, я прочел биографию святого доктора Газа написанную Кони. Он обнимал со слезами арестантов, истерзанных плетьми с выжженными клеймами на лбу, идущих с тяжелыми кандалами на долгую, лютую каторгу искупать свое несчастное рождение, душевную болезнь. И как любили святого доктора всеми отверженные, глубоко падшие люди...Чехов, Дорошевич наблюдая, изучая каторжников на Сахалине, пришли к одинаковому выводу—что бравады своими выдающимися преступлениями не более

134

как желание, хоть на минуту, уйти от гложущей души совести, огненных бичей Эвменид. Хвастливые безумцы по ночам, смертельно бледные, полные невыразимого ужаса, стонут, рыдают, их давят кровавые сны. Сер. Маслов в недавно вышедшей на французском языке книге «Россия после четырех лет революции» пишет, что остервенелый палач Вечека, латыш расстрелявший более шестисот человек, задушивший собственными руками молодую девушку, проводит ночи в неописуемом ужасе, его душат кровавые кошмары. В состоянии близком к безумию, он всю ночь стреляет из револьвера в стены своей комнаты. «Совесть когтистый зверь, заимодавец грубый, докучный собеседник, это ведьма от коей меркнет месяц и могилы смущаются и мертвых высылают,» пишет гениальный сердцеведец Пушкин.

До седин сохранил я веру, что нет того зверя в котором добром нельзя было бы пробудить человека. «Отверженные» роман Виктора Гюго не даром считается Евангелием 19 века...

135

Вера моя подтвердилась, дала мне счастливейшие часы жизни. Она спасла от неминуемой казни сестру и брата, от отчаяния—всю семью.

В кармане расстрелянного нашли письмо невесты, в котором она фантазирует, что ее брат Николай выбран в начальники зеленой армии, что она скрывается в Мантуровском лесу, имеет оружие, даже пулеметы, что брат имеет намерение сдать Мантурову добровольцам генерала Деникина. Председатель трибунала телеграфировал в Курск—арестовать брата, поступившего в армию, и выслать для расстрела, с ним вместе должна быть расстреляна его сестра Клавдия.

Узнав об этом, я провел ужасную ночь. Меня мучили тяжкие видения; душили слезы. На рассвете я решил написать председателю трибунала, знавшему мое прошлое.

Утром меня посетил отец. Рыдая, просил защитить невинных сына и дочь. Когда я передал ему единственное мое оружие—письмо, он печально произнес:

136

«Чует мое сердце, что детей ничто не спасет, даже чудо!» Обнимая его со слезами, я несколько раз произнес: «Вся моя жизнь была непрерывное чудо, я верю в чудо!»

Через час получил записку от председателя: «Уважаемый Господин Алисов. Сообщаю, что дело Николая и его сестры Клавдии возбуждаться не будет и все по этому делу кончено.» Благодаря письму, он убедился, что обвинения носили фантастический характер.

Человек взял верх—чудо свершилось. Русские отличаются пессимизмом, другими словами—гнилыми, слепыми червями в душе. Четыре года советской власти могут, до известной степени, им служить извинением. Страна выдержавшая эту власть может привести не только к пессимизму, но и отчаянию. Будь я пессимист, не напиши письма, брат и сестра были бы расстреляны.

Трагедия росла. Страдания при виде всех ужасов жизни, нескончаемых поощряемых преступлений, так утончили нервы, что я стал ясновидящим, стал

137

мучительно, болезненно предчувствовать события. 15 ноября 19 года ночью раздались удары в наружную дверь. Каждый удар отзывался в моем наболевшем сердце, как удар заступа роющего могилу.

На вопрос, что нужно, отвечали: «Пришли для обыска и ареста!»

Вошли двое, главный имел вид не только убийцы, но и холодного истязателя. Они были с револьверами и саблями. Начался обыск длившийся до трех часов утра. Они перерыли весь дом; отобрали несколько десятков серебряных рублей оставшихся от разграбленного музея, золотые часы, браслеты, кольца, цепочку. Затем грозно потребовали, чтобы племянница ехала с ними одна ночью, никакие просьбы не помогли. Незадолго перед отъездом, главный, уставший от обыска, уселся, и тогда я увидел, незамеченный им, как он в задумчивости вытащил сильно отточенную саблю и стал пробовать лезвие; злая улыбка заиграла на лице каторжника. Время показало, что то назревало преступление.

138

Преодолев предчувствие поднявшееся в душе, арестованная овладела собою, лицо озарилось загадочною улыбкою. Прощаясь с матерью и со мною, она несколько раз повторила: «То моя судьба, ее не обойдешь; что будет, то будет; бояться мне нечего: я никому зла не сделала, ни в чем не виновата. Все кончится как было с арестом в Тиме; я скоро вернусь.» Когда за ней захлопнулась дверь, я ясно сознал, что то захлопнулась крышка гроба.

Я объяснил себе предчувствие огромно расстроенными нервами. Говорил себе: она ничего не сделала, ни в чем не виновата, она вернется завтра.

Она не вернулась...предчувствия мои были верны...прозванная народом «святая барышня» навеки ушла из мира страдания и слез в царство вечной тайны, бесконечно дивных преображений, неведомых нами снов.

Племянница вся была любовь, сострадание, самоотвержение, и за эти чувства, не по времени, приняла мученический

139

венец. На пятый день ее привезли обезображенную. Саблею, лезвие которой ощупывал палач, череп был снесен до подбородка. Ее нашли в овраге, в снегу раздетую.

Полная невыразимой скорби, склонилась над единственною дочерью старушка-мать со словами: «Заройте меня с нею. Заройте!» На нее страшно было смотреть. У ней не было слез.

Я могу предсказать будущее...погаснут маленькие недостатки, и выступит все божественное. Пройдут долгие годы. Бессмертная мораль, поруганная, залитая кровью, грязью, снова подымется во всей светозарной красоте и бедная праведница, мученица начнет творить чудеса. Около ее гроба замерцают лампады, воскурятся кадильные благовония и народ будет молиться об исцелениях, ниспослании покоя в горестные души.

Я, свободный мыслитель, нахожу что православие, католичество, возводящие великих мучеников, праведников в святые, выше трезво-умного, прозаически

140

холодного, порой очень скучного протестантства.

Религия обнаженная от всего мистического, таинственного, чудесного, от величавой красоты храмов, горящих в их сумраке лампад, кадильных фимиамов, экстаза молитвы, музыки органов, чудного пения, становится поучительной лекцией, не храмом морали, но залой морали.

Когда мы все станем братьями, все ангелами, святые более не будут подыматься из гробов...Свет выходящий из их могил потонет в общем лучезарном свете охватившем мир. Святые успокоятся, когда мы все станем святыми.

В наше страшное бесчеловечное время великие праведники, мученики представляют выступы такие уже подавляющие своею громадностью, такие же пламенные, как выступы на солнце.

Как безумно жалки попытки нашим конечным разумом проникнуть в область на веки непостижимого, неохватимого, бесконечного. Пока мы знаем только

законы явлений, но не их сущность. На вопросы зачем и почему? у нас нет ответа. Ширится наука, ширится мировая тайна. Непостижимое окружает нас со всех сторон; нынче Эйнштейн, поколебавший учение Ньютона, устраивает эфемерные подмостки, осаждает небо, измеряет неизмеримое своим микроскопическим аршином, через несколько лет Штейн, устроив подмостки несколькими ступеньками выше, будет стараться заглянуть туда, где семь полярных звезд сияют в ярко освещенной зале бесконечной.

Странные люди, они не могут устроить свою земную жизнь, смягчить ее ужасающие безобразия, противоречия, и рядом силятся проникнуть в жизнь исполинских миров. Что мне в том, что с помощью спектрального анализа, мы узнаем состав удаленных на безумные пространства миров, только состав, но не жизнь на них; материю, но не душу миров. Число их бесконечно, расстояние между ними измеряется лучом света. Бессилие науки—сила религии.

В день выноса племянницы, явились мародеры и, под дикое бряцание гитары, начали сбивать замки со шкафов, сундуков, дограбливать чудом уцелевшее.

Затем последовало повеление отобрать огромную библиотеку, вливавшую свет не только в Мантурову, но и соседние деревни, и наконец все закончилось приказанием Советской власти выселить восьмидесятилетнюю старушку, мать убитой, из единственной в ледяном доме отапливаемой комнаты, связанной с самыми светлыми воспоминаниями долгой, счастливой жизни, в самую темную хату. Этого удара она не вынесла, слегла как подкошенная и через несколько дней скончалась. За нею так же быстро кончалась Н.Е. Кожевникова. В бреду их осаждали зловещие галлюцинации. Воспользовавшись их бредом, их обокрала мегера вкравшаяся в дом, облагодетельствованная ими, в карманах скончавшихся были зашиты их

последние деньги.

Судьба таинственными путями, после невыносимо мучительных трех лет, сделала меня свидетелем одной из бесчисленных трагедий. Полный скорби, я приподнял уголок завесы над кровавою бездною, полной безумств и преступлений.

Матери и дочери, после 1905 года—пролога революции—давали за имение пять миллионов рублей, но они не предчувствуя спускающегося на них медленно, но неотразимо, ужасающего будущего, отказались продать—рубль в то время был 2 франка 65—и в конце сразу были лишены всего, доведены до нищеты, их лишили всех прав состояния, точно они были тяжкие уголовные преступники.

Но сделав нищими, Советская власть их не оставила в покое. Не давая вздохнуть, разбивали их нервную систему. Они постоянно слышали шаги за собою; вечно страшились;

144

их жизнь доканывали самыми утонченными издеваниями, надруганиями.

После смерти хозяйки, начался ничем не сдерживаемый грабеж. Огромный дом, отличавшийся самым широким гостеприимством, дом полная чаша, в котором десятки знакомых семейств проводили целое лето, в несколько дней превратился в дом смерти. Последняя мебель была вытащена, взломаны паркеты, содраны обои, рамы вырваны со стеклами; с больших построек, среди белого дня, снималось с крыш железо, вытаскивались камни из фундаментов.

Уйдя из дома, я издали не мог без содрогания смотреть на дом. Окна с вырванными рамами смотрели в таинственном свете лунных ночей, точно слепые, страшные глаза. Чудный, дремучий парк с его задумчивыми, тенистыми аллеями, ароматом цветущих деревьев, свежестью в самые знойные дни, с соловьиными трелями, воркованиями

145

горлинок, пением птиц, был вырублен, редкие плодовые деревья—поломаны. О ирония жизни! Роскошная усадьба, парк, все постройки носили название «Народная собственность», и ту же народную собственность разворовывали при солнечном свете, в свою личную пользу, несколько десятков пропойц, хулиганов и слобода в шесть тысяч душ не помешала. Видно крестьяне так крепко держащиеся за свою собственность плохо верили в возможность превращения чужой, краденой, в народную. Чуяли, что ни одно правительство претендующее на это название вряд ли признает разграбление, осложненное убийством ни в чем неповинных людей, за порядок.

Погибла бесследно, на волос не обогатив бедных, богатая усадьба, погибла семья отличавшаяся великодушием, гуманностью, щедростью. Сделавшая там много добра, не только для своей слободы

146

но и окрестных деревень, семья пользующаяся всеобщею любовью, известностью в целой губернии.

После смерти близких осталась собака с черною шелковистою шерстью, необыкновенно красивая. Ее взяли друзья-соседи, но несмотря на ласки, пищу, она недолго выдержала, сбежала, вернулась в дом смерти...Ее видели мечущуюся по всем комнатам с протяжным не воем, но стоном. В конце концов она остановилась в комнате своей умершей хозяйки, легла на пустое место, где прежде стояла ее кровать. Вор забравшийся вечером разыскивать не осталось ли что-нибудь, что можно взять, начал гнать собаку, но она крайне кроткая, никогда ни на кого не лающая, по его словам, с горящими глазами стала набрасываться на него. Вор не вполне большевик, коммунист, сжалился, сходил за хлебом, но изголодавшаяся собака отказалась

147

от пищи...Две ночи раздавался ее зловещий вой, на третий день ее нашли мертвой на пустом месте, где стояла кровать медленно замученной старушки. Когда под игом черных банд стали неотразимо умирать все человеческие чувства, собака проявила их во всем величии, во всей красоте...

Вся психика, вся поэзия дворянских гнезд, в которых очень многие умели жить умом и душой, запечатлелась в дивных романах наших великих писателей. Они будут будить грезы полные скорби. Из могил беспощадно, бессмысленно затерзанных, осушивших смертную чашу до дна за всю историю России, за все тяжелые ошибки ее роста, начнет выходить ослепляющий свет.

Из дворянской среды вышло все огромное России: Декабристы, первые настоящие революционеры, всем пожертвовавшие, кончившие виселицей, тридцатилетней Сибирью...Великие революционные писатели и деятели известные целому миру, длинный, длинный ряд печальников земли русской, все, все терявших при торжестве их идей, крест жизни, гибель в крепостях, тюрьмах, ледяных пустынях Сибири,

В безотрадном изгнании были им наградой...Из ее недр вышла поражающая гением, оригинальностью литература, наука, художества, искусство; военная доблесть, нескончаемый сознательный героизм.

Сожженные, разграбленные усадьбы с тенистыми, задумчивыми парками, садами, майскими ночами с немолчными соловьиными трелями, романтичными встречами, любовными чарами, негою, воскреснут во всей своей прошлой лучезарной красе в волшебных декорациях будущих художественных театров, в игре больших артистов...

Сны волшебные, позабытые, погасшие чудные картины начнут наружу выплывать и, кто знает, может быть то будет живая вода, которая оживит в мертвых душах совесть, справедливость, и невинно погибшие перестанут казаться такими грешниками, какими они кажутся теперь праведникам Вечека...

Все пережитые страдания, мысль доканывающая меня, что я почти четыре года томлюсь в полной невозможности выехать за границу, увидеть перед

близящейся смертью глубоко любимую семью и кончить жизнь спокойно в свободной, ставшей для меня второй родиной стране, в первой столице мира, доводили меня до отчаяния. Я стал бояться, что в порыве моментального сумасшествия забуду скорбную миссию, кончу самоубийством. Не верь все в России, что кровавый кошмар не нынче завтра кончится, несомненно что самоубийство стало бы печальным уделом большинства.

Успокоила мою изнемогающую душу семья Русановых, окружившая меня заботами, дружбой, вниманием. Во время моего долгого пребывания в провинции, затем по пути в Ростов, в Москву и в самой Москве я встретил много прекрасных людей отогревших холоднеющую душу. Не прорезай по временам яркие лучи кромешное царство—всем нервным, глубокочувствующим людям неизбежно грозило бы сумасшествие, полная потеря веры в будущее России.

Мать семейства, несмотря на то,

что была много моложе меня, стала для меня самой душевной матерью. Я полюбил всю семью, но особенно сошелся с двумя дочерьми: Клавдией невестой расстрелянного, и Софьей Александровной. Они могли соперничать с прекрасными героинями романов Толстого, Тургенева, Гончарова. Красота душевная озаряла их

чарующие личики, алчущие, жаждущие всего высокого. Они глубоко страдали затерянные в деревне. Образованные, начитанные, большие труженицы, блестящие учительницы в школе, они могли бы только развернуть все свои силы в столице...Я верю, что им предстоит большое будущее. Может быть таинственная судьба озарит счастьем старшую дочь, немного смягчит трагедию ее жизни—гибель жениха. Утешаю себя, что я в продолжении всей моей долгой жизни приносивший всем счастье, принесу им, и они исстрадавшиеся, разоренные, преследуемые,

151

ни в чем неповинные, с водворением настоящего правительства, обретут вполне заслуженное счастье и прежнее довольство.

Я верю в близкое крушение безумной власти...Безумие в средние века не раз охватывало целые города, селения, но история не знает пока ни одного примера чтобы оно охватив целую огромную страну стало хроническим.

152

Заключение

Люди хорошо знакомые с тем, что творится в России, читая газеты, поражаются непозволительным утрированием ничтожных Советских сил, его разлагающейся изо дня в день эфемерной армии.

Несмотря на феноменальную слепоту и тупость советских пигмеев задолбивших, извративших Маркса, вряд ли можно сомневаться, что они давно не сознают, что почва уплывает из-под ног, что их крапленые, шулерские карты всеми обнаружены, что их поворот на право неизбежен и в то же время фатален. Новые капиталисты созданные ими путем разграбления всей России, в своем роде—статуя командора, несущая смерть захватчикам осмеливающимся считать себя правительством.

Новых неслыханных в мире капиталистов-буржуа не снившихся Европе

153

уничтожит только настоящее правительство, и не только оно беспощадно покарает их, но и вся Россия разграбленная ими, истязуемая, растлеваемая, доведенная в самых хлебородных губерниях до людоедства. Паразиты буржуазии конечно не справятся с награбленными деньгами и они неизбежно перейдут в руки умных, опытных порядочных людей—то закон жизни.

Советская власть, с свойственной ей наглостью, отчаянно шантажирует, пытается запугать Европу, знающую всю ее подноготную, своею полутора миллионной армией.

Но спрашивается, откуда же взялась эта поразительная армия? Мы знаем, что все возбуждающие гнев, ненависть мобилизации позорно кончались поголовным, несмотря на расстрелы, дезертирством. Уцелевшие армии начинают сознавать ясно, что из-за тухлых селедок, хлеба из навоза, им раздетым, разутым идти

154

на искалечение, смерть, более чем безумно, что в сущности они защищают: голод, холод, наготу и метущие целые населения эпидемии, словом кровавую сумятицу. Сколько, сколько раз от самих красноармейцев, в большинстве бывших погромщиков, я слышал: «Деваться некуда, жрать нечего, срамота за жидишку Троцкого и сифилитика Ильича, приходится калечиться, сколевать...Подумать мерзко, что Лейба порхатый, от воинской

повинности продравший, армией командует, до этих пор вместо пух—пих говорит, недавно брякнул: «Мы всех буржуев целого мира в пих обратим!» а пока он из них пуховики делает, вокруг новенькие всю Россию обокравшие буржуи растут. Давно ли мы жидов душили? По всем деревням народ нам вслед кричит: --Наемники треклятые, жидов разграбивших сгубивших Россию защищаете. Если дьявол вас домой принесет, мы вам все вспомним!»

Не убей советские банды независимую прессу, они давно бы все это узнали, и кто знает, может быть

155

сократили бы свои зверства.

Красная армия уже довольно часто стала отказываться смирять всюду вспыхивающиеся восстания. Приходится пускать в ход, за огромные деньги, азиатов, хунхузов, китайцев. Наши солдаты храбрые, когда ими двиган патриотизм, стали сдаваться при первом выстреле идейного врага, если защищались, то только при мысли, что никому из них пощады не будет.

Хотя вся Россия в последние пять лет превратилась в дом буйных помешанных, но и в сумасшедших домах ничего подобного что творится в России пока не свершалось.

В Париже мне со смехом спрашивали: «На какие деньги, они выпрашивающие их у нас, купили оружие, снаряды, одежду, обувь для полутора миллионной армии; чем они ее прокармливают, раз во многих местах дошло до пожирания человечины; кто ею будет командовать.

156

Всем известно, что десятки тысяч офицеров, самых способных, или затерзаны или убиты; в чем намерены они перевозить ее, раз со страшною быстротою приходят в негодность все железные дороги; исчезают паровозы, вагоны, и вместо десятков миллионов необходимых, шпал у них на лицо несколько сот тысяч; когда уже не на чем доставлять хлеб миллионам умирающим с голоду...Упорно ходят слухи, что хлеб доставленный Америкой и Европой они тайком сбывают, чтобы добыть золото и пропустить его в свои карманы, голодающие пусть жрут человечину...

«Зазнавшиеся вши»[1] имеют на тысячу рублей золотом амбиции и на большевистский рубль амуниции...

Лейба Троцкий, шпион Охраны, австрийская ищейка, прусский агент провокатор, по-видимому забывает, что из-за его неисчислимых преступлений и дирижируемой нескончаемой бойни, вырезано пятьдесят тысяч евреев на Украине, вряд ли не большее число в Польше, и в партизанской войне от руки

157

Махно...Он по газетам наживший миллионы золотом на армии, не только губил ненавидимую им Россию, но и свою злосчастную расу...Евреи в России и за границей начинают это ясно сознавать. Благодаря продажным, подлым писакам, скрывающим истину, он не знает, что озлобленная Россия все неслыханные злодейства, инквизиторские пытки приписывает евреям мстящим за погромы, на них все обрушится; против них накопляется беспощадная месть.

---

[1] Не я им название это дал, хотя смысл глубокий есть в названии этом. Его пустил в ход Герве [Hervé] в своей газете «Victoire» и оно стало популярным.

Пока правдивая история укажет с точностью какое количество евреев обагряло руки в крови сгибших, ни в чем неповинным евреям гибнущим от погромов счет будет потерян...Сердце не жестокое, не обросшее как руки Исава, невольно сожмется при мысли об этих вечных ответчиках за всех...

Троцкому приписывается чреватая потоками крови речь: «Раз мы истребим всех привилегированных военных, всех дворян и вообще землевладельцев, всю

158

интеллигенцию...мы, евреи, сделаемся полновластными владыками невежественной, темной России. Мы созовем со всего мира всех евреев в ее недра. Все заберем в свои руки, и армия из азиатов укрепит нашу власть на веки. Евреи рано или поздно станут победителями, властителями всего мира.»

Говорить нечего что Троцкий, несмотря на свою ограниченность, не мог впасть в такое идиотское самомнение, но страшное несчастье для евреев, что эти омерзительные безумные слова всюду ему приписываются, выдаются за неоспоримое верное. Самые страшные враги еврейства через которых будут безжалостно перерезаны миллионы невинных—псевдоним евреи зацепившие—власть, стоящие во главе кровавой сумятицы...

Палачи с которыми я встречался были как нарочно все русские, конечно с уголовным прошлом или, несмотря на русские фамилии, с азиатскими физиономиями. Феноменальный садист истязатель, глава Вечека, Дзержинский—поляк, католик, тогда как еврей Уншлихт, заменивший его, по слухам, человек мягкий,

159

деликатный, по-видимому не намеревающийся продолжать его застеночную деятельность. В отношении меня Уншлихт был чрезвычайно предупредителен, ускорил выдачу мне проезда во Францию.

Малюте Дзержинскому приписывают очень глубокомысленную фразу. Видимо он большой психолог. Характеризирует он своих вечно пьяных, заплечных мастеров следующим образом: «Пока они работают (т.е. заливают растопленный свинец в раны; раздавливают медленно голову между двумя досками; тянут жилы; выворачивают суставы) они вполне на своем месте и их некем заменить, но когда в них не будет более надобности, их расстреляют—выпустить их живыми нельзя.»

Когда благодаря Вильгельмовским провокаторам, явившимся в Россио в запломбированном вагоне, армия стала разбегаться, имея в виду

160

захватывать чужую землю, Советская деспотия стала набирать красную из отребья, великодушно разрешив убивать, грабить, насильничать. Раз советским бандам удалось захватить никем не защищаемые пулеметы, ружья, снаряды, разграбить дворцы, банки, частные богатые дома, завоевание России стало делом очень легким. В захваченных в врасплох городах, сопротивление проявлялось редко. Но в конце восемнадцатого года начали быстро формироваться белые армии и если они, после блистательных побед, в конце были побеждены, то это отнюдь не связано с силою, храбростью Красной армии. Белые не одержали полной и окончательной победы благодаря отсутствию строго выработанной программы; по временам, недостатку такта; быстрому возврату

собственности; расправе—более чем понятной—с убийцами, грабителями. Не дожидая сформирования настоящего правительства,

161

они несли с собою пронунсиаменто, и запугивания большевиков, что белые армии будут всюду беспощадно расправляться с насильниками, ворами (им же нет числа) как бы оправдывались. Красноармейцы ловко просасывались в белые армии. Всюду где возможно насильничали, грабили, сваливая на белых.

Народ, хотя уже и начинавший понимать советскую власть и ненавидеть ее, остановился на перепутье двух дорог и не поддержал белых армий. Радость, с которой он их встречал, отравлялась предчувствием расплат за гнусные дела. Но несмотря на промахи, поспешность решительных мер, всюду где водворялись белые закипала свободная торговля, водворялись спокойствие, порядок, уверенность в завтрашнем дне; цены на все падали, рынки становились переполненными.

По пути в Ростов, мне приходилось

162

часто сталкиваться с офицерами белой армии, необыкновенно любезными, горячо принимающими ужасы переживаемые родиной, не останавливающимися перед возможностью страшной гибели ввиду спасения родины. На мое замечание что суровые расправы были вредны великому делу, они все отвечали в один голос: «У нас нет офицера у которого советские палачи не затерзали, не убили отца или мать, жену, детей, не разграбили имущества. Поневоле, несмотря на все усилия, мы не могли сдержать святой мести. Не мы первые начали. Они творили нескончаемые преступления, губя родину, мы—спасая, расправляемся с каторжниками, прикрывающимися Марксом.»

Говорить о том что вся Россия безропотно выносила советских захватчиков было бы большою несправедливостью. С водворением большевиков восстания не прекращались по всей

163

России. Рядом с белыми армиями, всюду грозно выступали партизанские отряды. С одним Махно, беспощадно расстреливавшим всех комиссаров коммунистов, евреев, красные армии не могли справиться в продолжении несколько лет. Конечно не нынче, завтра новые, умудренные опытом белые армии раздавят их окончательно, потопят в крови и грязи.

Диктатура Вечека, пускающая в ход самый грубый шантаж, хвастаясь победами, забыла целый ряд самых постыдных поражений. Немцы, с незначительной армией, быстро взяли весь юг, Украйну. При одном их приближении, за сто верст, трусы бросали оружие, с плачем просили дать переодеться, но злодейства их были так ужасны, что часто мать предавала сына, жена—мужа, со словами: «Поделом тебе воряга, довольно наразбойничал, поделом тебе!» И пока немцы не

164

были побеждены на западном фронте, на всем юге царил образцовый порядок. Железнодорожные станции, превращенные в хлевы от которых за границей сами свиньи отвернулись бы с нескрываемым отвращением, были тщательно вычищены; улицы, дома приведены в блестящий вид; рынки стали переполняться; цены на все необходимое огромно упали; вагоны всех классов снова стали циркулировать всюду. Публика была пускаема по билетам, взявший билет получал место. Измученные, ограбленные жители встречали всюду немцев с цветами.

Когда грозные армии диктатуры пролетариата, с свойственным им бахвальством, криками: «Гром победы раздавайся, идет красный росс», ринулись брать Варшаву, они неожиданно наткнулись на поразительный сюрприз—их разбили на голову, отобрали оружие, и только изумительное бегство спасло часть армии от

165

полнейшей гибели.

Многие офицеры, под угрозой пытки, смерти, уничтожения их семей, служащие в красной армии, с горьким смехом говорили мне: «До чего изоврались подлые газетишки Вечека, убив всю независимую прессу, заткнув всем рот, они орудуют во всю, пользуясь первобытной свободой. Нам не раз приходилось прочитывать об одержанных нами победах, тогда как мы, одерживающие победы, знаем что при первых выстрелах наши красные солдатишки бросали оружие, перебегали к великому нашему удовольствию на сторону врагов, или же изумительно продирали...»

Ненависть к тирании пролетариев чересчур ясно выражается в нескончаемых восстаниях, бьющих их партизанских отрядах, в сарказмах, каламбурах, едких остротах разгуливающих всюду, несмотря на неимоверное число шпионов охранки...Отвращение к ним сказывается в полных омерзения подпольных слухах—они всеми берутся на веру. В последнее

166

время дошло до того, что многие уверяют, что в самой Москве и главных городах продают в мясных лавках мясо расстрелянных. Особенной привилегией, доходностью пользуются трупы молодых женщин и девушек. Теми же расстрелянными откармливают животных в зоологическом саду. На что же их считают способными, раз верят подобным слухам.

Большевики зверски убили не только обезоруженного Николая, но и его неизлечимо больного сына, жену, дочерей и свиту самоотверженно сопровождавшую их. По упорным слухам, они убили ни в чем неповинного Михаила; историка Николай Михайлович; детей президента академии Константина. Гибель Михаила объясняется очень просто: Россия деревень мечтала его выбрать в цари. Всюду распространялись слухи, что о нем пророчествуют Библия и Евангелие. Все уверены, что советская власть—царство Антихриста. Когда в одной

167

большой грамотной слободе хотели прививать тиф, все в один голос стали утверждать, что последние дни наступают, что кладут печать антихриста. Нечего прибавлять что народ наотрез отказался, единогласно заявил что скорее предпочтет смерть, чем клеймо сатаны обрекающее на вечные муки...

Свирепые, крайне тупые людишки видимо обольщенные своим эфемерным царением, думают в порывах злостного безумия учредить новую сказочную династию с царем-большевиком, коммунистом...

Но случись что-нибудь подобное в стране всех невозможностей, и нет сомнения, не будет человека в России который не проклянет час рождения и страну нелепейшую из нелепейших, жалчайшую из жалчайших, проваливающуюся

168

в ночь без рассвета, недостойную даже стать колонией.

В будущем брань «большевик» затмит излюбленную—поматерному, будет вызывать пощечину.

Советская сумятица в последний урожайный год, с оружием в руках, вытянула весь хлеб у голодающих теперь губерний, могущий в неурожайные годы спасти их от ужасающего голода, доведшего до вымирания миллионов людей, до пожирания родителями собственных детей. Хлеб был нужен для Каинов-наемников пока спасающих ее.

Всем существом, всеми истерзанными нервами я пережил диктатуру пролетариата, другими словами—тиранию масс превратившую все дома в стеклянные. Денно и нощно она подсматривала, шпионила частную жизнь. Каждый проглоченный кусок становился известным. Холопы в душе, тупые, невежественные, доносили злостно, холодно подводили под пытки и расстрел. Это из их недр выползла кровавая истязательница—

Вечека. Она—плоть пролетарская. Изо дня в день, я наблюдал проклятую диктатуру. Она входила д дома заподозренных в хранении ценного имущества, в глубокую ночь с выстрелами, площадною бранью, переворачивала весь дом, ценное крала, доводила женщин, девушек скабрезными издевками, похабщиной до истерик, нервных, тяжких болезней. Она не выносила малейшего звука противоречия, пьяная—грозила револьвером.

Я видел осатаневшие массы пролетариев без Христа и морали и я, до глубокой старости не молившийся, стал горячо молиться. Мне стала страшна жизнь, страшно за человека. Я стал искать опоры в мире таинственном, непостижимом, чтобы не сойти с ума!

Советская власть за четыре года обокравшая всех энергичных, умных, опытных людей; отнявшая у них всю возможность деятельности; превратившая всех буржуа в пролетариев, создала [... *конец отсутствует]*